Алексей Широпаев

ТЮРЬМА НАРОДА

Русский взгляд на Россию

ИМ нужна Великая Россия,
а НАМ нужна Великая Русь.

(Из предсмертных мыслей Столыпина?)

МОСКВА 2001

ББК 87
ISBN 5-94138-008-9

«За эти слова меня соотечественники удавят...» — писал когда-то известный поэт. Эту фразу может с удовлетворением повторить и Алексей Широпаев, известный поэт, публицист и кремень, чью первую книгу вы наконец-то держите в руках.

Если некогда большевики вслед за масонами готовы были пожертвовать «90% населения России» ради торжества идей коммунизма, то теперь появились фундаменталисты, тоже готовые пожертвовать русским народом ради торжества... христианства на Руси. Традиция давняя...

Для русского народа хрен редьки не слаще. И потому публицист, всё существо которого подчинено исключительно интересам родного русского народа, счёл своим долгом «зрить в корень», не удовлетворяясь кино- и литературными инъекциями, как и всем набором порабощающих великую нацию инструментов. С их помощью 1000-летняя «пиар-кампания» превратила нас в народец, который перед всем миром готов извиняться за то, что ещё существует и дышит. Подобно тому, как в причёсках европейских модниц прошлого, вооружённых вшигонялками, творилось Бог знает что, — так и под коростой многослойной исторической и идеологической лжи плодились и продолжают плодиться зловредные насекомые, въедающиеся в русское тело.

Спорность подхода, если таковая имеется, в данном случае оправдана искренним порывом, «извинительным» на фоне Русской Катастрофы, на фоне широчайшего фронта национальной измены. Естественно, наибольшее смущение-возмущение вызовут страницы о Большой Войне. Здесь лишь можно отметить, что на самом деле её история — быть может, самое белое из «белых пятен», несмотря на то, что одним из её главных результатов, в частности, и стало очевидно прискорбное положение нашего народа.

...Многие чувствуют неподъёмность вселенской лжи, но благородная попытка Алексея Широпаева вселяет надежду, что бескомпромиссная и деятельная любовь к Русскому роду одолеет в «конце времён» завалы на пути к освобождающему Русский дух самопознанию.

Издатель

Зачатие Проекта

Евразиец Л. Гумилев считал историю нашей страны тысячелетним путем "от Руси к России". Один из его последователей, А. Дугин, в свою очередь утверждает, что изначально русские "органично входят в индоевропейский арийский культурно-расовый блок. Но история собственно России как особого геополитического пространства — это уже нечто иное" (А. Дугин, «Мистерии Евразии», М., 1996).

В принципе, это верно, только в отличие от евразийцев, мы категорически отказываемся рассматривать вышеназванную трансформацию как что-то положительное и величественное. Для нас путь "от Руси к России", а точнее, к России-Евразии — это история неуклонного растворения русского народа в окружающей его массе тюрков и угро-финнов. Короче говоря, *история России — это история расовой энтропии.* И одновременно — *история героического Расового Сопротивления белых людей.*

А.К. Толстой настаивал, что русские — "элемент чисто *западный*, а не восточный, не *азиатский*". Изначальная Русь сформировалась в результате взаимодействия двух расово однородных составляющих — норманнов и венедов, причем формообразующим элементом, как и в остальной Европе того времени, были норманны (варяги). Само название "Русь" связано с норманнами, и это не отрицают самые заядлые евразийцы. В. Кожинов признает: "...бесспорно установлено, что самое финское "ruotsi", из которого выводят "Русь", происходит от древнешведского слова, означавшего "гребцы", плаванье на гребных судах" или, по другим сведениям, "дружину" (особого противоречия здесь нет, так как шведские "дружины" двигались именно на гребных судах) " - драккарах; так они назывались из-за носовой части, выполненной в виде головы и шеи дракона. "Россия *(Русь! — А.Ш.)* обязана началами своего политического существования завоеванию ее варягами, которые ввели у нее более высокую культуру и политические

учреждения Скандинавии", — писал классик расовой мысли немец Л. Вольтман. По сути, о том же говорит и В. Кожинов: "...конечно же, в государственном образовании в Северной Руси, возникшем после "призвания" Рюрика, варяги-норманны играли весьма существенную роль". О существенности этой роли говорит хотя бы то, что слово "князь", равно как и "меч", "шлем", "плуг" "люди" (норм. "Lude", совр. нем. "Leute") и даже "хлеб" — древнегерманского происхождения. Именно норманны составили костяк родовой русской аристократии, чье героическое и свободное мироощущение дошло до нас в былинах, сотворенных не "народом", а воинами-магами типа Вольги.

Разумеется, эта "существенная роль" варягов-руси была бы невозможна без, повторяю, кровного родства норманнов и венедских автохтонов. Последние, как племя нордического корня, обладали высокой культурой; очаги "языческой" цивилизации венедов (города и храмовые постройки) сохранялись на Западной Балтике вплоть до XII века. Л. Вольтман не точен: норманны не завоевали нашу страну; они были именно призваны, как родственная сила, в минуту политического кризиса. Достаточно изучить бытовые сельские культуры Швеции и Русского Севера, чтобы убедиться в их единой расовой основе. В частности, поражает полная идентичность конструкции и орнамента северно-русских и шведских прялок. Особо впечатляет сходство орнаментальных композиций, символически выражающих архаичное представление о Мироздании, что ясно говорит о единой расовой принадлежности мастеров.

Нельзя не упомянуть о такой характерной примете северной русской культуры как "кельтский крест" — крест в круге. Этот один из основных нордических символов, дошедший из "язычества", широко распространен в Северной Европе: в Англии, Шотландии, Ирландии. Часто он встречается и в Новгороде, как на стенах храмов (например, Спас на Ильине улице), так и в виде монументов: деревянный Людогощинский (1359) и каменный Алексеевский (1359-1388) кресты. Много можно сказать и о свастике, которая изображалась даже на древних новгородских "тельниках".

Исконная Русь — это норманно-венедский Новгород, органическая часть Северной Европы (недаром новгородцы вели свою родословную "от рода варяжска"). Русские — это

не русскоязычная кавказо-татаро-еврейская масса, наводнившая сегодня улицы столицы Эрэфии. Русские есть потомки норманнов и венедов, белые люди, нордическая соль нашей земли, *целенаправленно истребляемая* азиатами на протяжении российско-советской истории.

История изначальной Руси — это драматическая летопись борьбы окраинного европейского государства с Азией — будь то Византия или Хазария. Уже Аскольд и Дир воевали и с "ромеями", и с "жидами". Это было принципиальное противостояние нордического и "южного" начал. Борьба с Хазарией носила подчас особо драматичный характер: так, ряд историков считает доказанным наличие в Киеве в эпоху Ольги "хазарской администрации и хазарского гарнизона". Потому-то Ольга и отправила малолетнего Святослава в свободную от азиатского гнета Северную Русь, в Ладогу (*на "Новгородчину*"), доверив воспитание сына норманнам — Свенельду и Асмуду. Они-то и взрастили сокрушителя Хазарии (важно отметить, что в поход на Итиль Святослав отправился опять же из Северной Руси, пройдя по Оке и Волге). Однако и после разгрома Каганата опасность с "юга" не исчезла — оставалась Византия с ее смешанной кровью и странной религией, возникшей в знойных семитских пустынях. Сын снегов, Святослав не остановился даже перед размолвкой с матерью, попавшей под византийское влияние. Прямо и честно, как его учили Свенельд и Асмуд, он сказал матери: "Вера христианская есть уродство. Если приму ее — надо мной дружина смеяться будет".

Конечно, отправной точкой пути к Евразии следует считать 988 год — год насаждения на Руси христианства византийского образца. Византия, малодушная, лукавая и уродливая, эта реторта межрасового смешения, стала духовным авторитетом для нордической Руси. Неспособный победить "варваров Севера" в честном бою, Царьград при помощи велеречивых греческих монахов сделал Русь своей религиозной колонией, под прикрытием церковных догматов навязав простодушным русам модель "многоплеменного евразийского котла". Для лучшего понимания того, чем являлась Византия в расовом смысле, напомним, что "император Лев III Великий (VIII век) был сирийцем, Роман I Лакапин (X век) — армянином, а патриарх Константинопольский Фелофей (XIV век) —

евреем". Неслучайно, что евразиец В. Кожинов горячо отстаивает византийское "наследство" — разумеется, наряду с монгольским. Непонятно лишь, почему В. Кожинов, как до него — Л. Гумилев, так недолюбливает Хазарский каганат — ведь тот был вполне евразийским государством, только с более расово однородным и закрытым элитным слоем. И если бы не поход Святослава, освободившего Южную Русь, Евразийский Проект заработал бы гораздо раньше.

Немаловажным для нашей темы является вопрос о происхождении князя Владимира, крестителя Руси. В. Емельянов, автор знаменитой книги «Десионизация», высказал гипотезу, согласно которой мать Владимира, ключница его бабки, княгини Ольги, Малуша была еврейкой (по летописи ее отцом был некий Малк из Любеча). Парадоксально, но гипотезу "язычника" В. Емельянова, в принципе, разделяют и некоторые суперправославные теоретики. В книге Н. Козлова «Плач по Иерусалиму» (1999) читаем: " Великий князь Владимир Святой согласно летописным источникам являлся сыном рабыни по имени Малуша, состоявшей ключницей (милостивницей) его бабки великой княгини Ольги. По одной из исторических гипотез Малуша была дочерью последнего хазарского царя (евр. — Малка), что подтверждается, в частности, фактом принятия на себя великим князем Владимиром титула кагана, зафиксированного летописями и совершенно не свойственного для славян". При этом Н. Козлов особое внимание читателя обращает на предание о происхождении хазарской верхушки от "исчезнувших с исторической сцены после ассирийского пленения 10-ти колен Израилевых". Л. Гумилев также полагал, что правящий слой Хазарии был еврейским не только по вере, но и по крови, представляя собой прообраз "комиссарской" касты в Советской России. Брат Малуши Добрыня (евр. "Добран"?) стал одним из главных воевод Владимира и отличился особой жестокостью при крещении Новгорода (что, впрочем, вполне объяснимо с расовой точки зрения, если принять гипотезу Емельянова-Козлова). Крещение Добрыней Новгорода, активно не желавшего включаться в расово чуждый Проект, стало, по сути, первым евразийским террором против Руси (989 г.). "Пошло гулять по свету семя комиссара..." (С. Жариков).

Как повествует летопись, новгородцы, узнав, что Добры-

ня идет крестить их, собрали вече и поклялись не позволить свергнуть родовых Богов. Народное сопротивление возглавили жрец Богомил и тысяцкий Угоняй, заявивший: "Лучше нам погибнуть, чем Богов наших дать на поругание". Стороны сошлись в битве "и бысть междо ими сеча зла", в ходе которой Добрыня, желая отвлечь "язычников" от боя, зажег Новгород. Сломив сопротивление русских, дядя Владимира приступил к операции: не желавших креститься добровольно, воины затаскивали в Волхов чуть ли не волоком — мужчин выше моста, а женщин ниже моста — словом, "М" и "Ж". А греческие попы их "просвещали"...

По другой версии, Малуша была дочерью древлянского князя Мала, вместе с дядей обращенной Ольгой в рабство. Не случайно, когда Владимир посватал дочь полоцкого князя Рогволода (скандинава) Рогнеду, гордая арийка, зная древние расовые и кастовые законы, ответила ему: "Не хочу разуть сына рабыни!" ("По тогдашнему обычаю после свадьбы жена снимала обувь мужа" — В. Кожинов). Но Владимиру с его темным происхождением было наплевать на благородные традиции. Движимый хамским стремлением унизить высокое, он убил князя Рогволода и двух братьев Рогнеды, захватил Полоцк и женился на Рогнеде насильно — т.е., по существу, изнасиловал белую женщину-аристократку, совершив тягчайшее расовое преступление.

Таким образом, согласно и той, и другой гипотезе Владимир появился на свет в результате вопиющего нарушения древнеарийских расово-кастовых норм, к несчастью допущенного Святославом — очевидно, при попустительстве христианки Ольги. Согласно этим нормам аристократ-рюрикович никак не мог позволить себе совокупление с рабыней-азиаткой или с рабыней-древлянкой (кстати, некоторые исследователи настаивают на расовой ущербности древлян, как и ряда других славянских племен). Доблестный Святослав преступил древний закон и тем самым невольно наложил на Русь проклятие Евразийского Проекта — Проекта "Россия", в основе которого, как мы видим, лежит *преступление против Крови*.

Если все же остановиться на гипотезе о еврейском происхождении Малуши, возникает вопрос: случайно ли Святослав, воспитанник варягов, только что разгромивший Хазарию, сошелся с плененной хазарской царевной? Не стало ли это

соитие и последовавшее рождение Владимира хитроумным реваншем религиозно-расового антипода Руси, каковым, наряду с Византией, являлся Каганат? В таком случае роль еврейского элемента в подготовке и запуске Проекта весьма заметна. Спустя тысячу лет, в 1917 году, евреи вновь станут решающим фактором Евразийского Проекта, чья очередная стадия получит условное наименование “Новая Хазария”.

Религиозный выбор Владимира продиктован его происхождением — рабско-еврейским или просто рабским, не важно. Подобное тянется к подобному — Владимир избрал религию рабскую и, в основе своей, семитскую.

По отношению к белому населению Проект сразу же проявил свой геноцидный характер. В книге Н. Островского «Святые рабы» (М., 2001) приводятся ужасающие данные о том, что крещение Руси и последовавшие за ним религиозные конфликты сократили население страны с 12 до 3 миллионов человек. Если это так, то в процентном отношении с христианизацией можно с натяжкой сопоставить лишь красный террор и коллективизацию. “При этом 6 миллионов из 12 были уничтожены *до* татаро-монгольского нашествия, а оставшиеся 3 — уже при непосредственной помощи ордынцев”, ставших для потомков князя Владимира естественными союзниками по борьбе с арийцами (известно, что татары всячески покровительствовали христианству, деморализовавшему русских). “Религиозные конфликты, погубившие половину населения Руси, предопределили дальнейшие события, в том числе и татаро-монгольское нашествие” (там же).

Нерусь

Но вернемся в домонгольский период. Плоды византийской интернационалистской экспансии, осуществленной бастардом Владимиром, не заставили себя ждать. Так, например, у князя Новгород-Северского Игоря, героя знаменитого «Слова», и бабка, и мать были половчанками. Его неудачный поход против хана Кончака, кстати, окончившийся женитьбой сына Игоря на кончаковой дочке, носил, скорее, характер внутрисемейной “разборки”. Между прочим, незадолго до похода на Кончака Игорь вместе с ним пытался захватить Киев, но был наголову разбит князьями Ростиславичами. Невольно зада-

ешься вопросом: а не была ли "феодальная усобица" домонгольского периода разновидностью глобального противостояния Руси и Степи? Возможно, Степь осуществляла свою экспансию, используя ополовеченные ветви княжеских родов? Ведь как писал великий русский публицист М. Меньшиков, "Сознательная Россия (*точнее, Русь — А.Ш.*) должна всегда помнить древнее притязание Азии владеть нами".

Весьма знаменательно, что основателем Москвы — будущей евразийской столицы — стал женатый на половчанке Юрий Долгорукий, отец Андрея Боголюбского (известен портрет князя Андрея, созданный скульптором-антропологом М. Герасимовым — это типичное лицо азиата). Именно бастард Андрей Боголюбский, переместивший политический центр Руси с вольных берегов арийского Днепра в финские дебри северо-востока, заложил первый камень азиатской Московии — неспроста наши "византисты" считают его "первым русским царем" (в каком смысле "царем"? Ведь "царями" на Руси позднее именовались и ордынские ханы). Весьма характерно, что в деятельности Андрея Боголюбского наметились две основные парадигмы будущей Московской деспотии: ненависть к исконной родовой русской аристократии (т.е. к чистой русской крови) и ненависть к Новгороду — нордической твердыне русской культуры и государственности (т.е., собственно, к подлинной, европейской Руси). Именно Андрей Боголюбский предпринял первый — пока неудачный — "московский" военный поход на Новгород с целью его покорения. Уже потом тем же маршрутом пойдут Иван III и Иван IV Грозный.

На Северо-востоке был создан культурно-политический плацдарм, на базе которого развилась Московия-Россия-Совдепия. И этот плацдарм создан сыном степнячки, бастардом. Забегая вперед, скажем, что Проект "Россия" был задуман нерусскими и не для русских, но осуществлен, однако, ценой неисчислимых жертв русского народа — под руководством опять-таки нерусских.

Весьма важный для нашей темы эпизод: в 1169 году Андрей Боголюбский, взяв Киев, "отдал город на трехдневное разграбление своим ратникам. До того момента на Руси было принято поступать подобным образом лишь с чужеземными городами. На русские города ни при каких междоусобицах подобная практика никогда не распространялась.

Приказ Андрея Боголюбского показывает, что для него и его дружины в 1169 г. Киев *(отцовский город! — А.Ш.)* был столь же чужим, как какой-нибудь немецкий или польский замок" (Л. Гумилев, «От Руси к России», М., 1992). Согласно классику евразийства, причиной такого поведения князя являются объективные "центробежные тенденции", повлиявшие на его сознание. Однако более очевидны другие причины, коренящиеся в расовой природе Андрея. Естественно, что любой арийский город — русский, польский или немецкий — был для него, степняка, чужим. А вот было ли для Андрея чужим какое-нибудь половецкое становище? Об этом Гумилев красноречиво умалчивает, но и так ясно: чужими, как показывает история, для генетически "предвзятых" правителей Северо-востока всегда являлись "свои", т. е. русские и вообще европейцы. (Впрочем, если принять версию о еврейской крови Малуши, то и целую ветвь правителей Юго-запада, начиная с Владимира, надо признать "предвзятыми" генетически).

Уместно задаться вопросом о происхождении прозвища "Боголюбский". Помня о приведенных выше данных о русских потерях в ходе христианизации, можно предположить, что Андрей Половецкий был одним из наиболее рьяных насадителей импортной идеологии, стяжавшим особый почет у церковников — отсюда и его "боголюбивость", подобная "святости" Владимира Кагана.

Сама смерть Андрея, как известно, убитого при участии иудея, говорит не о противоборстве князя с этими ярыми врагами Руси, а, скорее, о его расовой неразборчивости, заложенной в смешанной крови князя. А иначе как иудей мог оказаться при княжеском дворе? Можно ли представить такую ситуацию, скажем, при дворе сокрушителя иудейской Хазарии Святослава — чистокровного руса, воспитанного викингами на берегах студеной Ладоги? Впрочем, благодаря христианке Ольге, приблизившей к себе Малушу, можно...

Дело Андрея Боголюбского продолжил его младший брат Всеволод Большое Гнездо. Деятельность Всеволода включала те же парадигмы, обозначенные выше: подавление, с опорой на простонародье, русской родовой аристократии и антиновгородская экспансия — налицо схема будущей политики Ивана Грозного и Москвы вообще.

Таким образом, нельзя утверждать, что роковым изломом русской судьбы стало татарское нашествие. Как видим, и до него на Руси шло искоренение исконных европейских начал. Татарщина лишь стимулировала этот процесс, *поддержав проазиатских "агентов влияния" в русском правящем слое —* **носителей расово чуждого гена***.*

Несомненно, следующей этапной фигурой на пути "от Руси к России" является князь Александр Невский, внук Всеволода Большое Гнездо. Нет ничего удивительного в том, что он, потомок азиатки, следуя железной логике своего рода, нещадно воевал с единокровниками русских — германцами и сумел подружиться с татарами, положив начало регулярным визитам русских князей к ордынскому "руководству". Это не шедевр дипломатии и "христианского смирения", как утверждают многие патриотические историки, а совершенно естественный ход Александра. *Татары для него, достойного отпрыска ветви князей-оккупантов, а также для его наследников были не врагами, с которыми он якобы вынужденно договаривался, а желанными покровителями и союзниками в деле борьбы с Европой и непокорным белым населением Руси.*

А.К. Толстой писал о русских, познавших татарщину:

"...не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: "Станем к варягам спиной,
Лицом повернемся к обдорам (т. е. к азиатам — А.Ш.)".

Все дело в том, что Александр Невский, поворачиваясь лицом "к обдорам", слушал именно голос своей крови, по крайней мере ее части, пусть и небольшой, но весьма "голосистой". Заодно он резко повернул к Азии и почти всю Русь.

Однако существовала и противоположная позиция. Князь Даниил Галицкий, воспитанный в арийских традициях, сохранившихся на Южной Руси, решил выступить против Орды, призвав в союзники европейские страны, что весьма обеспокоило татар. В 1254 году он даже принял от римского папы титул короля. К несчастью, вероисповедные различия, расколовшие единокровные белые народы, и тут сыграли роковую роль — союз не состоялся. Братья по расе даже перед лицом чудовищной азиатской угрозы не смогли возвысится над глупой межконфессиональной враждой. Вновь и вновь вспоминается тезис А.К. Иванова: *"Вера разъединяет, кровь соединит!"* По крайней мере, хочется в это верить...

Видимо, именно русская кровь заговорила в брате Александра Невского — Андрее Ярославиче, великом князе владимирском, избравшем рыцарский путь вооруженной борьбы с Ордой. Более того: он заключил весьма грозный для татар союз с Даниилом Галицким, своим тестем. И что же? Эта антиазиатская Ось была разрушена победителем "проклятых тевтонов" Александром Невским. Как сообщают летописи, он отправился в Орду и "настучал" на родного брата "царю", положив тем самым начало целой политической традиции. "Господи! — воскликнул Андрей, узнав об этом. — Что се есть, доколе нам меж собою браниться и наводити друг на друга татар!" Против Андрея была организована карательная экспедиция, в результате которой он и его союзники-тверичи были разбиты в ожесточенном сражении на Клязьме (1252 г.). Андрей бросился искать прибежище в Швеции, с которой совсем недавно воевал его брат-евразиец. Там он, как пишут, "погиб в неизвестных условиях". "Рука Москвы" ?

Владимирское великое княжение досталось Александру. Вскоре он оказал огромные услуги татарам в проведении на Руси переписи для регулярного взимания дани. Перепись, фактически закреплявшая азиатское иго, вызвала недовольство белого населения Северо-восточной Руси и, особенно, Новгорода, где дело дошло до восстаний. *"Большинство новгородцев твердо придерживалось прозападной ориентации"*, — признает Л. Гумилев. В итоге татарские чиновники вошли в нордическую твердыню под охраной войск Александра Невского, которого уместнее именовать Ордынским. В Новгороде начался второй евразийский террор (первый был, как мы помним, в 988 г. при крещении). Одних героев, вставших за русскую честь, Александр казнил, другим по его приказу резали носы и уши, кололи глаза. Так он отблагодарил тех, кто еще совсем недавно бился под его началом со шведами и германцами. За что же, спрашивается, бились новгородцы с братьями по расе? За то, чтобы стать потом татарскими данниками? А ведь перед тем, как идти на шведов, Новгород колебался: не признать ли власть единокровной варяжской короны? Сильная прогерманская партия была тогда и в Пскове. Забегая вперед, отметим, что дань Орде, удерживавшая Новгородскую Русь в связи с другими русскими землями, а, по сути уже с *Нерусью*, не позволила Новгороду сформироваться в каче-

стве полнокровной политической альтернативы Москве.

Обращенная "к обдорам" *Нерусь*, основанная Андреем Половецким и Александром Ордынским, приняла отчетливые очертания при сыне последнего — неразборчивом в средствах князе Данииле Московском, и внуках — князьях Юрии Даниловиче и Иване Даниловиче (Калите). "Первенство Москвы, которому положили начало братья Даниловичи, опиралось, главным образом, на покровительство могущественного хана" (Костомаров).

Юрий Данилович, боровшийся за власть с тверским князем Михаилом, своим двоюродным дядей, стремясь заручиться поддержкой Орды, целых два года прожил в ставке хана, изучая татарский язык. Он даже женился на принявшей православие ханской сестре Кончаке, хотя, как мы видим, в этом поступке князя как раз-то и нет ничего экстраординарного. К несчастью, нет ничего из ряда вон выходящего и в том, что Юрий Данилович повел на Тверь татарские полчища, вместе с которыми шли хивинцы и мордва, под командованием ордынского посла Кавдыгая — мы помним, как русские (русские ли?) князья еще в домонгольские времена наводили на Русь азиатов. Даже Михаил Тверской, и тот не избежал повальной в условиях татарщины заразы бесчестия, используя в борьбе с Юрием ордынские рати. Для нас важно в данном случае другое: понять, на каком "нравственном" основании возводилось "величие" Московии, какую "мораль" укореняли в народе московские властители.

Как известно, в 1317 году Кавдыгай и Юрий были разбиты Михаилом Тверским, Кончака попала в плен и там неожиданно умерла. Последнее обстоятельство стало роковым для Михаила. Кавдыгай и Юрий, а также множество дрожавших за свою шкуру русских князей (эпидемия бесчестия!) поехали в Орду и коллективно донесли хану на Михаила. Хан вызвал князя в Орду, куда он и приехал под угрозой карательного похода татар на его родную Тверь. В Орде, при участии Юрия и других русских князей, Михаил был осужден на смерть и зверски убит. Сначала князья вместе с татарами его "били, топтали ногами, а потом русский, некий Романец, вырезал у него ножом сердце" (Вс. Н. Иванов, «Даниловичи»). Потом русские участники убийства сели пьянствовать, а тело валялось на земле нагим. Тут даже басурманин Кавдыгай не выдержал и ска-

зал христианину Юрию: "Ведь он тебе старшим братом был, заместо отца!.. Что же он лежит теперь голый и брошенный?.." Лишь после этого Юрий прикрыл тело Михаила своей епанчой. Тем не менее евразиец В. Кожинов считает возможным сетовать, что многие историки изображают Юрия Московского "в качестве низменного злодея", "скопища всяческого зла" и "бесстыдного своекорыстного "холопа" Орды".

После смерти Юрия, убитого Дмитрием Грозные Очи, сыном Михаила Тверского, его дело продолжил брат Иван Данилович, "тихий" и "смиренный" собиратель русских земель, получивший характерное прозвище Калита — денежная сумка. Он постоянно сновал в Орду, сумел понравиться хану и ждал удобного случая для окончательной "разборки" с Тверью, где сидел сын Михаила Тверского, Александр Михайлович. Случай вскоре представился. В 1327 году в Твери вспыхнуло яростное антитатарское восстание, вызванное наглым поведением азиатов. Почти все татары были перебиты, в Орду прибежали лишь единицы. Но, похоже, их опередил "тихий" и "смиренный" Иван Калита, поспешивший доложить хану о тверском восстании. На Русь двинулась карательная экспедиция, к которой присоединилось московское войско. Огнем и мечом прошла татаро-московская армада по тверской земле, предваряя известный поход Ивана Грозного; причем москвичи, шедшие под хоругвями со Спасом, лютовали не слабее басурман (позднее москвичи в составе татарской рати ходили и на Смоленск). Остается лишь представить себе степень извращенности сознания московского ратника, в союзе с татарами истреблявшего столь похожих на него тверских. По меткому выражению Игоря Дьякова, с этим ратником сопоставим лишь омоновец образца 1993 года...

Князь Андрей Михайлович бежал в Псков, а оттуда в Литву, где и прожил десять лет. Потом вернулся прямо в Орду и по-арийски бесстрашно вручил свою судьбу хану. Тот его помиловал и отпустил княжить в Тверь. Но Иван Калита не дремал, как говорится, "никто не забыт и ничто не забыто". Он немедленно мчится по натоптанной дорожке в Орду и начинает там против Александра интриги, в результате которых тот был вызван к "царю" и убит вместе с сыном.

После этого у Москвы уже не было конкурентов. Надо сказать, что определенное время Орда колебалась, оказывая

поддержку и Москве, и Твери, не делая окончательного выбора между ними. В конце концов Азия поддержала Москву, поскольку Тверь расположена **западнее**, т.е. ближе к родственным Руси европейским странам, прежде всего *к Литве*. Москва была ближе Орде — и географически, и генетически. Только она могла стать тем, чем и стала — *полноценным золотоордынским улусом.*

Московский улус

Лишь осознав Москву в таком качестве можно понять ее подлинную роль в российской истории. Повторяем: Московское княжество — это не столько вассал Орды, сколько ее составная часть. Для ясности напомним одно любопытное обстоятельство вынужденного визита Даниила Галицкого в ханскую ставку. Тогда "царь" попытался угостить Даниила кумысом со словами: "Пей, теперь ты наш, татарин!" То есть для ордынцев не имели значения ни расовые, ни тем более религиозные различия, это были типичные евразийцы, не хуже Л. Гумилева или В. Кожинова. Орда — это СССР того времени. Подчиняешься хану, пьешь кумыс — значит, ты татарин. И уж конечно Александр Невский и тем более его потомство воспринимались Ордой как татары, как *свои* . Всевозможные недоразумения, типа вероятного отравления Александра и его отца Ярослава татарами вполне укладываются в рамки взаимоотношений при дворе азиатского деспота, каковым и являлся хан. Женитьба Юрия Московского на ханской сестре(!) Кончаке ясно показывает степень доверия к нему "царя". Вероисповедные различия, повторяем никакой роли не играли, о чем говорит, в частности, и то спокойствие, с которым хан воспринял переход Кончаки в православие (еще в XIII веке племянник самого Батыя принял православие, стал Петром и впоследствии был даже канонизирован). Москва была улусом — *православным* улусом. И неудивительно, что при Иване Калите ордынские чиновники перестали тревожить русскую землю — московский князь, будучи одним из ордынских администраторов, сам собирал дань хану. И ответ на наивный вопрос "Как же Москва шла с татарами против своих, русских?" очень прост: а она не воспринимала тех же тверичей и уж тем более новгородцев как *своих* (напомним, что уже для Андрея Бого-

любского киевляне и новгородцы были чужими). Для того же Ивана Калиты *своими* были татары — и хоругви со Спасом тут не при чем. Иван Данилович, следуя своей родовой логике, никак не насиловал свое самосознание, а вот на русское население московская политика оказывала чудовищное воздействие, делая из него безродных "совков", лишенных расовой памяти. Мягко говоря, потомство Невского, как и его самого, нельзя называть русскими князьями (строго же говоря, уже Владимир не был русским князем). Это не русские, а *московские* князья. Московия — это Н***е***русь. Русь осталась в Новгороде; там да в Киеве она всегда и была.

И тут мы вплотную подошли к теме знаменитой Куликовской битвы (1380 г.). Это событие принято толковать как решительное столкновение сил Европы и Азии, как победу европейской культуры над темной азиатской стихией. Такая трактовка Куликовской битвы, появившаяся в петербургский период, имеет огромное положительное значение как благородный **миф**, пробуждающий наши расовые архетипы и ими же порожденный. Русские, в которых говорила Кровь, *захотели* увидеть Куликовскую битву такой и поставили ее в эпический ряд борьбы Руси со Степью. Тоже самое сделал и автор «Слова о полку Игореве», придавший походу Новгород-Северского князя глобальный *расовый* смысл, которого в реальности, увы, не было. Но само «Слово» стало великой расовой песнью, укорененной в "язычестве". И в этих мифах есть *высшая* правда. Эти мифы свидетельствуют о не умершей русской Крови, о русской верности Расе, о нашей расовой воле. Эти мифы — маяки русского самосознания, помогающие нам оставаться *белыми* людьми

Но вернемся к исторической реальности. Во второй половине XIV века в Орде начался затяжной кризис власти. В результате огромное политическое влияние приобрел военачальник Мамай, пытавшийся ставить на ордынский "престол" марионеточных ханов и давший ярлык на великое княжение Дмитрию, будущему Донскому. Властный Мамай резко увеличил объем дани с православного улуса и в конце концов вознамерился сам сесть в Москве и даже, по некоторым данным, навязать русским мусульманство. Короче говоря, Мамай, будучи явным самозванцем и узурпатором, хотел отобрать у Дмитрия его законный улус. Поэтому Дмитрий, как истинный

патриот Орды, смело выступил против Мамая, разбил его, чем существенно приблизил торжество порядка. О том, что поход Дмитрия не носил *антитатарского* характера свидетельствует, в частности, присутствие среди княжеских приближенных царевича-чингизида Серкиза, сын которого, Андрей Серкизов принимал участие в битве с Мамаем в качестве одного из главных московских военачальников. Спустя несколько месяцев после Куликовской битвы, в конце 1380 года, законный хан Тохтамыш окончательно разгромил беззаконника Мамая. Показательно, что сразу после победы на Куликовом поле Дмитрий направил к недавно воцарившемуся Тохтамышу послов с подарками и донесением об исполненном верноподданическом долге. В свою очередь Тохтамыш, окончательно добив Мамая, направил к Дмитрию посольство с уведомлением об искоренении крамолы. Ханские послы отбыли обратно "с честию и с дары", а чуть ли не следом за ними к "царю" вновь отправилась московская делегация, разумеется, "со многими дары". Любопытная деталь: ханское посольство носит чисто уведомительный характер; москвичи же, кроме известия о победе над самозванцем, несут "дары". Уже это ясно говорит о том, что "едва ли можно утверждать (хотя это постоянно делается), что Куликовская битва являла собой выступление Руси против Монгольской империи" (В. Кожинов). Это было выступление Московского улуса против самозванца, претендовавшего на ханский престол. В конце 1380 года Дмитрий Донской получил от Тохтамыша ярлык на великое владимирское княжение, что и расставило все по своим местам.

Конечно, для тысяч русских героев битва с Мамаем стала схваткой с самой Ордой — с вековым инородным чудищем, терзавшем Русь. Не случайно знаменитый Боброк спустя девятнадцать лет сражался с ханом Едигеем под знаменами литовского князя Витовта в грандиозной битве на Воркслe, где и сложил голову. Объективно победа на Куликовом поле имеет неоценимое значение для арийского самосознания русских. Но с точки зрения политической реальности Куликовская битва не являлась схваткой с Ордой — это был конфликт *внутри* Орды.

Хрестоматийной стала сцена благословения Сергием Радонежским князя Дмитрия на битву с басурманами. Перед нами очередной народный миф — на этот раз миф о церкви

как о вдохновительнице национально-освободительной борьбы русских против иноземных поработителей вообще и против татар в частности. В действительности Сергий не хотел благословлять Дмитрия на битву с Мамаем, ибо, как церковный деятель, хорошо знал о *присяге на верность ханам,* данной еще Александром Невским. И лишь после того, как выяснилось, что Мамай является самозванцем, да к тому же посягающим на положение церкви, Дмитрий получил благословение старца. (Кстати, именно католический фанатизм короля Сигизмунда, угрожавший приоритету православия в Московии, побудил патриарха Гермогена резко выступить против польской экспансии, воззвав к патриотическим чувствам Мининых и Пожарских. Напрашивается аналогия со Сталиным, который ради сохранения господства антирусской ВКП(б) беззастенчиво задействовал потенциал русского национализма, оперируя образами тех же Минина и Пожарского.)

Еще за полтора столетия до "благословения Сергия" *Русская* православная церковь, невзирая на антитатарские настроения большинства *русских*, поддержала евразийскую политику Александра Невского, ступив на скользкий тысячелетний путь к декларации 1927 года и к иудофильскому посланию патриарха Алексия II раввинам. Известный митрополит Петр, получивший ярлык от хана Узбека (ханы курировали и церковную жизнь!), благословил деятельность Ивана Калиты и придал Москве статус общерусского религиозного центра, чем весьма укрепил позиции Московского улуса. Когда разбитый татаро-московской ратью тверской князь Александр Михайлович, сын Михаила Тверского, попытался укрыться в Пскове, преемник Петра, митрополит Феогност "наложил на псковичей проклятие и отлучил их от церкви за *нарушение присяги хану*" (Вс. Н. Иванов, «Даниловичи»). Тесные отношения с Ордой поддерживал митрополит Московский Алексий, ставший чуть ли не другом хана Джанибека и ханши Тайдулы. Наконец, о позиции церкви красноречиво говорит причисление Александра Невского к лику святых, произошедшее незадолго до Куликовской битвы. Поэтому первоначальная реакция Сергия Радонежского на военные замыслы князя Дмитрия совершенно естественна.

Евразийцы, любящие живописать прелести жизни русских под татарским ярмом, часто козыряют полным отсутстви-

ем каких-либо гонений на православие со стороны татар. Более того: Орда давала церкви целый ряд преимуществ: свободу от налогов и дани, церковные суды, экстерриториальность от княжеской и ордынской власти и др. Но ведь все это не очень хорошо говорит прежде всего о самой церкви, которую ханы рассматривали в качестве одного из своих *аппаратов воздействия* на русских. А любой аппарат надо холить, смазывать, протирать тряпочкой, беречь. Именно христианская мораль, подорвавшая боевой дух русских, способствовала победе татар и их дальнейшему владычеству. "Русской" церкви, зараженной вирусом христианского космополитизма, в общем, всегда было безразлично, кто владычествует над русскими — татары или евреи ("Всякая власть от Бога!"), лишь бы начальство не сокрушало храмы и не препятствовало получению доходов с прихожан. Н. Костомаров пишет, что духовенство весьма уважало и ценило того же Александра Невского за "угодливость хану, умение ладить с ним, твердое намерение держать Русь в повиновении завоевателям и тем самым отклонять от русского народа бедствия и разорения, которые постигали бы его при всякой попытке к освобождению и независимости, — все это вполне согласовывалось с учением, всегда проповедуемым православными пастырями: считать целью нашей жизни загробный мир, безропотно терпеть всякие несправедливости и угнетения, покоряться всякой власти, хотя бы иноплеменной и поневоле признаваемой". Лояльности православной церкви к татарам способствовал также и ее, по выражению Д. Галковского, "полуазиатский" характер, сформированный византийским Югом. В свою очередь и ханы видели в церкви родственную расовую душу. Спустя века новые владыки Евразии — иудо-большевистские каганы — предварительно очистив церковь от арийских наслоений (кадровых и идеологических), сделают ее одним из элементов системы порабощения русских.

Итак, Московский улус разбил беззаконника Мамая, выполнив свой патриотический долг перед евразийской державой. Москва резко усилилась, что естественно, вызвало беспокойство Тохтамыша. Он правильно понял, что эта окраинная провинция начинает претендовать на главенство в Орде. Тохтамыш стремился сохранить в Орде прежний центр власти — именно в этом причина его, казалось бы, неожиданного похода на Москву в 1382 году, а не в желании наказать рус-

ских за Куликовскую победу.

Однако неослабный процесс усиления Московии при одновременном распаде Орды на отдельные ханства уже нельзя было остановить. Еще при Иване Калите в Москву запросто переселялись татары, например, мурза Чет, предок царя Бориса Годунова. При сыне Дмитрия Донского, Василии, все больше ордынских царевичей переходит на московскую службу, евразийским нюхом чуя, что недалек день, когда политическим и культурным центром Орды станет Москва. И пусть Орда к тому времени станет именоваться Московским государством — суть не в этом... На службе у Василия Васильевича Темного, внука Дмитрия Донского, был ордынский царевич Касим, заполучивший от московского князя Городец Мещерский, что на Оке, разумеется, с местным белым населением в придачу. От Касима пошло т.н. Касимовское царство — удельное княжество, просуществовавшее аж до XVII века. Татарин Касим прикрывал рубежи Московии от татар же , и это лишний раз свидетельствует о том, что мы наблюдаем не национально-освободительную борьбу русских против ордынского ига, а борьбу за господство *в самой Орде*. Как мы еще увидим, татары на московской службе чувствовали себя подобно рыбам в воде и неслучайно их потомки, млевшие от любви к косовороткам, стали отцами-основателями славянофильства.

Между тем, в именно в ту эпоху у русских был шанс внести в Проект "Россия" радикальные изменения, повернувшись "к обдорам" спиной. Наряду с Москвой громко заявил о себе другой центр собирания русских земель — Литва, Литовская Русь, в отличие от Северо-востока, не изуродованная азиатчиной. В 1399 году на берегах Ворсклы рать великого князя литовского Витовта сошлась в решающей битве с полчищами хана Едигея. Похоже, устремления Литвы встречали сочувствие у многих выдающихся русских людей: в рядах Витовта сражались герои Куликовской битвы князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, князь Боброк-Волынский, также, кстати, выходец из Литвы. Эти люди были явно не удовлетворены Куликовской победой. Они хотели не победы Московии, а победы Руси. Московское собирание земель было одним из процессов *в рамках Орды*; централизаторские же устремления Литвы имели принципиально другую природу. Витовт возвращал Русь в Европу. Однако злой рок довлел над великим кня-

зем, да и над Русью. В решающей битве на Ворскле он был разбит ханом Едигеем. Позднее, в 1429 году, Витовт добился от императора Священной Римской империи Сигизмунда согласия на провозглашение его, Витовта, *независимым королем Литвы и Руси*. Уже были назначены сроки коронации и в Вильно ехали императорские послы, везшие Витовту королевскую корону. Но поляки перехватили их во Львове и, разрубив корону надвое, "украсили" половинками тиару краковского епископа. Вскоре Витовт умер, а с ним и одна из возможностей альтернативной, уже русской, а не российской истории. Последней альтернативой Москве, последней Русью оставался Господин Великий Новгород...

Московия против Руси

Всегда правители Северо-Востока — Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, Александр Невский, Иван Калита, Симеон Гордый, Василий Темный — хотели подмять Новгород. Особо примечателен в этом ряду достаточно успешный антиновгородский поход Василия Темного (1456 г.), продиктованный прежде всего стремлением Москвы ликвидировать Новгород как альтернативный центр собирания русских земель. Уничтожить же Новгородскую цивилизацию, эту жемчужину Северной Европы, довелось его сыну, трусоватому, поазиатски жестокому и хитрому Ивану Васильевичу III. В 1471 году он совершил первый поход против *независимого государства* и предал Новгородскую землю **геноциду**, приказав "убивать без разбора старых и малых" (Костомаров). Как отмечает Н. Карамзин, "Москвитяне изъявляли остервенение неописанное...". По подлой традиции под одними хоругвями с москвичами шла татарская конница, уже видевшая в Иване нового хана (кстати, на время похода великий князь поручил Москву своим сыновьям Ивану и Андрею, а также татарскому царевичу Муртазе, бывшему у него на службе; позднее, в 1518 году, сын Ивана, Василий, при приближении к Москве войск крымского хана, уехал из столицы, оставив ее на *своего зятя*, татарского царевича Петра). Разбив новгородский отряд у Коростыня, москвичи резали пленным новгородцам носы и губы и, изувеченных, отпускали в Новгород — для устрашения (татарская школа!). Решающая битва состоялась на реке Шело-

ни. Московские летописцы утверждают, что рати Новгорода сразу же в беспорядке побежали; новгородский же летописец, напротив, "говорит, что соотечественники его бились мужественно и принудили москвитян отступить, но что татарская конница, быв в засаде, нечаянным нападением расстроила первых и решила дело" (Карамзин). Был заключен выгодный для Москвы договор, но само это говорит о том, что Новгород даже теперь все еще оставался *государством*. В результате этой войны "*Новгородская земля была так разорена и обезлюдела, как еще не бывало никогда во время прошлых войн с великими князьями*" (Костомаров). Более того: Иван Васильевич превзошел в данном случае самого Батыя, который при жизни так и не добрался до Новгородчины. Но зато дотянулся теперь, из могилы, рукой великого князя московского. А ведь речь идет о земле-хранительнице русского генофонда и русской культуры. Как и его предок Иван Калита, Иван III легко изничтожал "своих".

Следующий, роковой для Новгородского государства поход Ивана III состоялся в 1477 году. Поводом для похода послужило челобитье, поданное Ивану некими новгородскими послами. В этом челобитье, явно не отражавшем мнение новгородцев, и, вполне возможно, сфабрикованном при подсказке Москвы, великий князь именовался не "господином", как обычно, а "государем", в чем можно было усмотреть стремление Новгорода "под руку Москвы". Провокаторов-послов новгородцы казнили, а коварный Иван получил повод для окончательной расправы с ненавистным ему *русским государством*. Вновь вместе с москвичами на северную твердыню *русскости* шли татары. В конце ноября 1477 года татаро-московские полчища взяли Новгород в непроницаемую осаду, при этом развернув террор на остальной территории республики. В январе 1478 года новгородцы, истомленные голодом и болезнями, приняли условия московского деспота, суть которых сводилась к одному: "Вечевому колоколу в Новгороде не быть!" Новгородцы были приведены к присяге Ивану, по которой каждый обязан был доносить на ближнего, если услышит от него что-либо о великом князе — зараза бесчестия, привитая татарским кнутом, поползла и на Север. Новгородская Русь, самостоятельная и самодостаточная, страна Садко и Буслая, драккаров и кельтских крестов, превратилась в заурядную провин-

цию Московской Неруси.

Новгородцы не смирились с этим, продолжая сопротивляться включению в Евразийский Проект. Русское национально-освободительное подполье Новгорода, вновь установив контакты с кровнородственной Литвой, готовилось к восстанию. Узнав об этом, Иван осенью 1478 года в который раз пришел с войском на Северо-запад. Московская артиллерия методично расстреливала осажденный Новгород. В конце концов обессилевший русский город сдался. По приказу Ивана схватили 50 руководителей подполья и подвергли их пыткам. В итоге схватили еще 100 человек, которых пытали и вместе с остальными казнили. *Более тысячи семей* купеческих и детей боярских, т.е. цвет народа, были высланы из Новгорода и распылены по городам Московии. Спустя несколько дней под конвоем из родного города погнали еще *семь тысяч семей*. Поскольку дело было уже зимой, множество ссыльных, умерло по дороге, так как людям не дали даже собраться. Уцелевших рассеяли по Московии, новгородским детям боярским давали поместья начужбине, а вместо них вселялись московиты.

Эта картина геноцида очень напоминает раскулачивание-расказачивание, когда в очищенные от "генетических контрреволюционеров" станицы заселяли крестьян из центральных регионов. Парадигмы Проекта "Россия" поразительно устойчивы.

Новгород не сдавался. В конце 1480-х годов обнаружился заговор против московитского наместника. Множество новгородцев было арестовано, многих казнили. Более семи тысяч человек было выселено из Новгорода, на следующий год выселили еще тысячу. Новгородских землевладельцев переселяли в Московию, давая им там поместья, а Новгородчину наводняли помещиками-московитами.

Патриотические историки часто обвиняют Новгород в "измене", указывая на сближение республики с Литвой, ставшее ответом на московскую экспансию. При этом "забывают", что Господин Великий Новгород был *самостоятельным государством*, обладавшим правом выбора исторического пути. Забывают и то, что Андрей Боголюбский, обосновавшись в лесах Северо-востока, заложил первый камень *особого* культурно-государственного феномена — Московии. Собственно Русь осталась в Киеве, Литве и Новгороде. Московия сформи-

ровала, повторяю, особый, уже не русский тип культуры, государственности и личности, причем решающим фактором в этом процессе стало пребывание Москвы *в составе Орды*, а если брать шире — *в составе Монгольской империи.* Хотя изначально этнической базой Московии являлись чистопородные русские колонисты, в основном, переселенцы с Юго-запада, в конечном счете москвитяне — это *особый* психологический тип, *особая порода — протосовки* — сформировавшиеся под татарами на примерах подлости собственных князей. Очевидно, здесь скрыты причины той лютой ненависти москвитян к новгородцам, что проявилась во время походов Ивана III. Отсюда же и массовые принудительные переселения новгородцев, проводимые Москвою, суть которых не столько в стремлении рассеять, разобщить "крамольников", сколько в желании растворить ненавистную кровь, *извести породу*. А это уже, так сказать, расовая политика. Москва и Новгород — это *разные страны* с общим языком, как скажем, нынешние Франция и Бельгия. Москва не имела на Новгород никаких прав — ни юридических, ни моральных, и потому "присоединение" Новгорода есть, в действительности, обычная захватническая война. Характерно, что Иван, возвращаясь в 1478 г. из антиновгородского похода, тащил за собой обоз из 300 возов с награбленной добычей — обычное дело для оккупанта.

Православно-монархические и советско-державные историки пытаются представить Новгородскую республику как шаткое, склочное и эгоистичное образование, короче, как сплошной бардак. Однако этот "бардак", породивший жемчужины русской и вообще европейской культуры, просуществовал *как минимум шесть веков*. Для сравнения укажем, что вся история московского самодержавия, если считать от Ивана III до Петра Великого, составляет чуть более двух столетий, полных и смут, и мятежей. Даже если добавить к ним два петербургских столетия (хотя это совершенно особый период), получается, в общем, четыре века. По мнению современных исследователей, новгородское вече представляло собой не горланящую толпу, а сословно-представительный орган, состоящий из лучших людей количеством 400-500 человек. Важно отметить, что на вече *сидели*, а не стояли, размахивая руками и подпрыгивая, как это изображено на некоторых "исторических" картинках. Новгород был республикой, но *аристократи-*

ческой республикой. Благодаря этому он колонизировал Север, который вплоть до наших дней оставался русским культурно-расовым оплотом, дал великолепную арийскую архитектуру, пронизанную нордическим духом иконопись, и главное, тип истинно-русского, белого человека, несовместимый с типом холопа-московита, по словам К. Леонтьева, "специально не созданного для свободы".

Собственно русское (т.е. европейское) государство погибло вместе с новгородской свободой. После падения Новгорода начинается эра безраздельного господства Московии-России-Совдепии, имеющей не русскую, но евразийскую природу. Так называемое Государство Российское ("московское", "советское"), существующее поныне, есть (в большей или меньшей степени) Система отчуждения и геноцида русских, белых людей.

***

При Иване Васильевиче произошло то, что обычно называют "свержением монголо-татарского ига". Далеко не всех в Орде устраивало неуклонное перемещение политического центра евразийской "империи" с берегов Нижней Волги в Кремль. В 1480 году на Ивана III двинулся хан Ахмат, желавший "пригасить" все возраставшую роль "Московского ханства". Иван Васильевич трусил, "смирялся и молился о мире", и даже отправил свою жену, Софью Палеолог вместе с казной на Белоозеро. "Змиемудрые" московитские стратеги советовали ему не вступать в бой, а бежать: "...так делали прадед твой Димитрий Донской и дед твой Василий Дмитриевич". Иван готов был так и поступить, ведь ему предстояла война не против "каких-то там" новгородцев, которые, в сущности, были для него иностранцами, а, как ему казалось, против своего "царя"! Но от бегства его удержали настроения в народе и, главное, воинственная позиция архиепископа Вассиана. В отличие от перепуганного Ивана Васильевича, церковь хорошо понимала, что Ахмат не является "царем" Орды, а всего лишь одним из ее ханов, каковым, по сути, был и Иван III. Клятва Александра Невского, чьим прямым потомком в седьмом колене был Иван, уже не действовала. К тому же и сила московского войска впечатляла — 180 тысяч человек.

Осенью 1480 года, спустя сто лет после Куликовской бит-

вы, произошло известное стояние на Угре. Но и тут Иван Васильевич продолжал колебаться и даже послал Ахмату челобитье и дары с просьбой *"не разорять своего "улуса", как он называл перед ханом свои русские владения"* (Костомаров). Переговоры были прерваны резким посланием Вассиана, побуждавшего Ивана к сражению. В ноябре великий князь начал отход с Угры, как утверждают историки, с намерением дать бой Ахмату в полях под Боровском. Однако московская рать, привыкшая к малодушию Ивана, решила, что тот струсил и вместо планомерного отступления началось общее бегство. Ахмат вполне мог, ударив с тыла, запросто смять москвитян. Однако татарина подвела его же азиатская хитрость: он решил, что Москва, постигшая ордынскую военную премудрость, совершает обычный для татар заманный маневр — и сам ударился в бегство. Наступил т.н. "конец ига".

В действительности произошло, как метко отмечают евразийцы, "перемещение ханской ставки из Сарая в Москву". Уйдя с Угры, Ахмат как бы сказал Ивану: "Теперь ты "царь"!" Орда превращалась в государство Московское. Естественно, отныне Москва нуждалась в новом статусе, который подчеркивал бы ее господствующее положение и при этом соответствовал бы культурно-религиозным особенностям "Московского ханства". Такой статус предусмотрительный Иван Васильевич в полном соответствии с логикой Проекта "подыскал" задолго до стояния на Угре. В ноябре 1472 года он обвенчался с греческой царевной Софьей Палеолог, племянницей последнего императора Византии, погибшего при взятии Константинополя турками. Гербом Московии стал византийский двуглавый орел. Москва становится наследницей рухнувшей Византии, обрекши себя на печальную историческую роль *тени трупа*; позже монах Филофей создаст для сына Ивана III, Василия законченную доктрину "Третьего Рима" (которая, по сути, есть азиатское глумление над собственно Римом — великим городом арийской античности). Такая модель идеально соответствовала новому положению Москвы с ее православием и унаследованным от Орды евразийством. Сама же Софья, похожая, по словам современников, на "гору сала", а также прибывший с нею табор жадных и лукавых южан, стали зримым символом тлетворного византийского наследия, столь милого сердцам наших монархистов.

"С этих пор, — пишет Н. Костомаров, — многое на Руси (*на Неруси! — А.Ш.*) изменяется и принимает подобие византийского... В придворном обиходе является громкий титул царя (*который в действительности говорил о преемственности власти московских властителей не столько от василевсов, сколько от ордынских "царей" — А.Ш.*), целование монаршей руки (*эта азиатчина для Московии, прошедшей сарайскую выучку, была нормальной — А.Ш.*), придворные чины... значение бояр, как высшего слоя общества, упадает перед самодержавным государем; все сделались равны, все одинаково были его рабами. Почетное наименование "боярин" становится саном, чином (*азиатскому режиму не нужна аристократия, ему нужна послушная номенклатура, желательно как можно менее родовитая — А.Ш.*); в бояре жалует великий князь за заслуги (*причем жалует кого угодно, хоть татар, был бы крещеный; налицо первые признаки окончательной расправы над русской родовой аристократией, учиненной позднее Грозным — А.Ш.*)". Вместе с тем, активно усваивалось и ордынское наследие (причем азиатчина ордынская образовала весьма органичный синтез с азиатчиной византийской): "...битье кнутом — позорная торговая казнь — стала частым повсеместным явлением; этого рода казнь была неизвестна в Древней Руси; сколько можно проследить из источников, она появилась в конце XIV века и стала входить в обычай только при отце Ивана Васильевича" (Костомаров). Вообще нравы устанавливались соответствующие "ханской ставке". Так один немецкий врач, имевший несчастье не вылечить татарского князя Каракуча, бывшего на московской службе, был по настоянию Ивана Васильевича зарезан "как овца" татарами под мостом на льду Москвы-реки. Примечательно, что ранее этот несчастный пребывал в почете у Ивана. Итак, если в прошлом сарайские ханы резали "как овец" русских князей, вызванных ими в ставку, то теперь великий хан московский, усвоив науку, пускал кровь неугодным.

Парадоксально, но этот "оргазм" азиатчины получил европейское архитектурное оформление. Желая, чтобы столица и внешне соответствовала своему статусу, Иван развернул в Москве большое строительство. В частности, решили возвести Успенский собор в Кремле. Поскольку в полудикой Москве зодчих было не сыскать, поначалу за дело взялись псков-

чи, но возведенный ими свод рухнул. В результате благодетельной, по мнению евразийцев, татарщины *даже во Пскове* утратили навыки масштабного каменного строительства. Пришлось из Италии вызывать Аристотеля Фeоравенти, который и воздвиг в 1479 году собор, ставший одним из шедевров арийской архитектуры. Вообще практически весь Кремль, включая характерные стены и башни, построен итальянцами. Москвитяне позднее возвели на башнях конусовидные надстройки, дав повод Бунину заметить: "В Кремле есть что-то киргизское".

Как слабый голос домонгольской Руси, все еще звонил вечевой колокол во Пскове, но дни его были сочтены. Псковичи, не поддержав в свое время Великий Новгород в надежде на московскую милость, теперь расплачивались за свое малодушие. Путем хитрости и вероломства великий князь Василий, сын Ивана, вынудил псковичей снять вечевой колокол. Вновь заработала обычная московская машина и около трехсот псковских семей, надо полагать, лучших семей, были в течение одного дня выброшены из родного города и направлены на жительство в "Третий Рим". Псков пришел в упадок, культура и торговля оскудели. Н. Костомаров приводит свидетельство посла императора Священной Римской империи о том, что "прежние гуманные и общительные нравы псковичей с их искренностью, простотою, чистосердечием, стали заменяться грубыми и развращенными нравами" (какого еще воздействия на европейский город можно было ожидать от власти полудикой Москвы, где даже знать порой не умела читать и писать, а госаппарат погряз в коррупции, присущей азиатскому строю?) Кстати, точно такое же влияние Москва, уже в советские времена, оказала на арийское население Русского Севера, точнее на его остатки, уцелевшие после террора, коллективизации и укрупнения колхозов. Генсеки, споив и разложив морально Русский Север, добили последний осколок Новгородской цивилизации, довершив дело московских Василиев и Иванов, родовой кристаллизацией которых был, конечно, Иван Грозный, сын Василия III.

Образец для ЧК

Его матерью была Елена Глинская, основателем рода которой стал один из сыновей Мамая, по политическим соображениям перешедший на сторону великого князя Витовта в ходе битвы на Ворскле. Очевидно этот факт, как, впрочем, и другие извивы ветвей генеалогического древа московского дома, позволили польскому королю Стефану Баторию упрекнуть Ивана Грозного в том, что тот "*кровью своею породнился с басурманами*" (сохранились портреты Ивана Грозного и его сына Фелора — мы видим лица с явно азиатскими чертами). Во всяком случае, собственно татарская составляющая Московии в эпоху Грозного еще более усилилась. Например, во время казанского похода (1552 г.), как пишет В. Кожинов, "московское войско... включало в себя больше татар, нежели войско Едигера (*правителя Казани — А.Ш.*)". Среди московских военачальников мы видим "крымского царевича Тактамыша", "царевича шибанского Кудаита", "касимовского царя Шигалея", "астраханского царевича Кайбулу", "царевича Дербыш-Алея", не говоря уже о десятках тысяч рядовых татар под их началом. "Разумеется, — отмечает В. Кожинов, — основу войска составляли русские... но летописец на первые места везде ставил чингизидов, — хотя бы потому, что русские военачальники никак не могли сравниться с чингизидами с точки зрения знатности". То есть для московского сознания главной была формальная *знатность*, а не расовое *благородство*. Азиатский царевич был в глазах Москвы выше белого боярина-рюриковича. Азиатского князька московские властители ставили выше белого землепашца. И этот же принцип достался в наследство петровской Империи. Какой уж тут "комплекс народа господина", отсутствием которого у русских так гордятся наши патриоты! Скорее, комплекс неполноценности...

В послании Ивана Грозного шведскому королю читаем: "Наши бояре и наместники известных прирожденных великих государей дети и внучата, а иные ордынских царей дети, а иные польской короны и великого княжества литовского братья, а иные великих княжеств тверского, рязанского и суздальского и иных великих государств прироженцы и внучата, а не простые люди". Как видим, согласно этому "табели о рангах" азиатская знать стоит в иерархии Московии *на втором мес-*

те, сразу после царя (который сам, кстати, имеет татарских предков), и лишь потом следует арийская аристократия, хотя бы и королевской крови.

В. Кожинов пишет: "Власть на тех территориях, которые принадлежали Монгольской империи, переходила в руки Москвы, поскольку — в силу многих причин — чингизиды уже не могли удержать эту власть. Наиболее дальновидные чингизиды переходили на московскую службу, получая очень высокое положение в русском государстве и обществе". Проще говоря, татарская знать чутко уловила "перемещение ханской ставки из Сарая в Москву".

В свое время К. Леонтьев, "апостол" Проекта, предвосхитивший евразийский тезис "Почва (территория) выше Крови", с сожалением писал: "Татары не остались жить между нами, а ушли и брали дань. Если бы они, во времена Батыя, еще язычниками, расселились бы между русскими густо и обрусели бы, приняв вместе с ханом своим православие, то, по естественным социальным законам, у нас была бы, вероятно, аристократия более постоянная, более военная и по устройству своему более схожая с западной, несмотря на азиатскую кровь завоевателей". Последнее замечание весьма знаменательно. Евразиец Леонтьев не желал понять, что подлинная аристократия не может быть расово чуждой подвластному ей народу, ибо призвана быть воплощением чистоты Крови этого народа, его кровной квинтэссенцией. Именно на этом и основано право аристократии на власть. Всякое же, как писал Меньшиков, подчинение чужеродной воле есть рабство. Впрочем, сожаления Леонтьева совершенно безосновательны: как видим, мурзы именно "расселились меж русскими густо" и даже "приняли вместе с ханом своим православие".

Весьма показательно, что противник Москвы хан Казанский Едигер, оказавшись в плену, "через какое-то время принял крещение с именем Симеона Касаевича (сын Касима), сохранил титул "царь Казанский" и занял высшее положение при Московском дворе и государстве в целом (так, в летописных описаниях церемоний царь Казанский Симеон стоит на *втором* месте после Ивана Грозного)" (В. Кожинов). Вместе с Едигером "крестилось много казанских князей, увеличивших собой число татарских родов в русском дворянстве" (Костомаров). А другой Симеон, Симеон Бекбулатович (Саин-Булат),

пусть и формально, стал даже на первое место в иерархии Московии: в 1573 году Иван IV провозгласил его великим князем всея Руси, оставив за собой скромный титул князя московского. Грозный слал ему шутовские челобитные, в которых, как было принято в Московии, уничижительно именовал себя "Иванцем Васильевым" и взывал: "Государь, смилуйся, пожалуй!". Этот балаган, а точнее издевательство над деморализованными и лишенными родовой аристократии русскими, продолжалось *два года*. После смерти царя Федора Иоанновича Симеон Бекбулатович был одним из главных претендентов на московский престол. Правда, до царского трона татарская знать добралась-таки в лице своего другого представителя — Бориса Годунова, любимца Ивана Грозного (став царем, Борис, потихоньку закрепощавший белых крестьян, распорядился не брать ясак "с татар и остяков бедных, также со старых, больных и увечных", а кроме того категорически запретил изымать у тюменских татар подводы для гонцов).

Дворянин Новосильцев, прибыв в 1570 году в Стамбул с дипломатической миссией, говорил турецкому султану: "Мой государь не есть враг мусульманской веры. Слуга его, царь Саин-Булат, господствует в Касимове, царевич Кайбула в Юрьеве, Ибак в Сурожике, князья Ногайские в Романове: все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях; ибо у нас всякий иноземец живет по своей вере *(т.е в городах Московии стояли мечети! А нашим патриотам режет глаз мечеть на Поклонной горе. Историю надо знать, товарищи. Лужков-то, увы, вполне традиционен — А.Ш.)*. В Кадоме, в Мещере многие приказные государевы люди мусульманского закона... *(ну прямо как в нынешнем Российском государстве — А.Ш.)*".

Неудивительно, что во второй половине XVI века в Московии появилась мода на бритье головы, столь обычное для татар. Правда, вскоре Иван запретил эту моду своим указом, что объясняется, скорее всего, влиянием европейски ориентированных приближенных — Алексея Адашева и *новгородского* иерея Сильвестра. Именно в эпоху близости этих людей к Ивану IV, составившую первую половину царствования Грозного, стало возрождаться местное самоуправление, был создан новый «Судебник», появился институт земских соборов.

Очевидно, расовым самосознанием Сильвестра, Адаше-

ва и Андрея Курбского объясняется то, что они "не одобряли войны Ливонской, утверждая, что надобно прежде всего искоренить неверных, злых врагов России и Христа; что ливонцы хотя и не греческого исповедания, однако ж христиане и для нас не опасны..." (Карамзин). Однако Иван был непреклонен — для него, истинного евразийца, враг был на западе. Сильвестр также осуждал ливонскую войну "за варварский образ, с каким она велась, за истребление старых и малых, за бесчеловечные муки над немцами, совершаемые татарами, распущенными по Ливонской земле под начальством Шиг-Алея (*Шиг-Алей (Шигалей) был главнокомандующим московскими войсками в Ливонской и Литовской войнах — А.Ш.*)" (Костомаров). Очевидно, именно в те времена на Западе стал формироваться образ дикого "русского казака"... (Кстати, один из центральных персонажей романа Ф. Достоевского «Бесы», полусумасшедший теоретик рабства, носит фамилию *Шигалев*... Пожалуй, можно говорить о *шигалевщине* как факторе российской истории.) Впрочем, собственно москвитяне старались от татар не отставать: так, взяв в 1577 году Венден, они устроили жителям резню, а потом изнасиловали всех женщин и девушек. Как тут не вспомнить Германию 1945 года... И мы ее еще вспомним.

Наши патриоты любят Ивана Грозного за его "антииудаизм" и часто упоминают о том, как взяв в 1563 году Полоцк, он приказал утопить в Двине всех местных евреев. При этом замалчивают, что одновременно по приказу царя в городе перебили всех католических монахов, т.е., надо полагать, арийцев. Причем сделали это *татары*, и, вероятнее всего, с удовольствием.

В результате придворных интриг (не "шигалевцев" ли?) Адашева бросили в тюрьму, где он вскоре и умер, Сильвестра сослали на Соловки, а Курбский бежал в Польшу, получив впоследствии вековечное клеймо "первого власовца". Однако надо заметить, что подобных "власовцев" в Московии было слишком уж много. Еще отец Ивана IV, великий князь Василий брал с коренных русских бояр, упорно бежавших в кровноблизкую Литву, нечто вроде подписки о невыезде, которая подкреплялась своеобразной денежной круговой порукой — это ясно говорит, что проблема была насущной. Подобные же подписки брал и Иван Грозный. Впрочем, бежали не только

бояре: среди "власовцев" оказался и наш первопечатник Иван Федоров. *Вообще, можно говорить о власовстве, как об устойчивом факте российской истории; надо лишь подчеркнуть, что под этим словом понимается не "измена родине", а русское несогласие с Проектом "Россия".*

***

В 1565 году Грозный разделил страну на *опричнину и земщину*. За последнее десятилетие в православно-монархических кругах об Иване Грозном и опричнине принято отзываться только восторженно и уж по крайней мере положительно. Некоторые идеологи национал-революционного направления видят в опричнине корень, из которого произрастает самобытный отечественный "фашизм". Между тем "фашизм" и опричнина — это по сути разные явления. Если первое понятие происходит от слова "фашина" (связка, пучок, собирание), то второе — от слова "опричь" ("кроме") и подразумевает *разделение*. "Фашисты" — элита, но *кровно* связанная со своим народом, сплачивающая и возвышающая его. Опричник тоже "элитарен", но это "элитарность" чекиста в Советской России. Психология и поведение опричника — это психология и поведение *оккупанта*. Неспроста опричникам возбранялось всякое общение с земскими, а Александровская слобода напоминала осажденную крепость. По словам Н. Костомарова, земщина "представляла собой как бы **чужую покоренную страну** (*выделено мной — А.Ш.*)". И о какой уж *кровной* связи опричников с народом можно говорить, если они клялись *"не знать ни отца, ни матери"*, а в руководстве опричнины состоял, например, черкес Михайло Темгрюкович, брат второй жены царя, отличившийся кавказской лютостью. Бросается в глаза азиатская "эстетика" опричных символов: вы только вообразите отрубленную собачью голову, приторочённую к седлу. Рискуя навлечь на свою голову монархические "анафемы" скажу, что с расовой точки зрения опричнина была *первым в российской истории аппаратом антиарийского террора* — об этом объективно говорит ее антибоярская направленность, видимо, в немалой степени заданная "шигалевцами" вроде Темгрюковича (характерно, что от вступавших в опричнину требовалось, как пишет Карамзин, чтобы "они не имели никакой связи с знатными боярами; неизвестность, сама низость про-

исхождения вменялась им в достоинство"). Опричнина действовала совершенно в духе ЧК, уничтожая прежде всего лучших из русских, соль земли (а затем и русских вообще, как показал поход Грозного на Новгород). Недаром после пресечения московской династии азиатские претенденты на престол оказались почти вне конкуренции. Напрашивается аналогия с Испанией, где "руководство инквизицией оказывается в руках священников-евреев и они под видом борьбы с марранами уничтожают цвет испанского народа" (Галковский).

"У нас инородческое засилье идет со времен татарских, — писал М. Меньшиков. — Предприимчивые инородцы вроде Бориса Годунова сеяли вражду между царем и древней знатью. Как в Риме выходцы с окраин воспитывали тиранию и защищали ее, так наша московская тирания вскормлена татарской службой. **Инородцам мы обязаны величайшим несчастьем нашей истории — истреблением в XVI веке нашей древненациональной знати** (*выделено мной — А.Ш.*). И у нас было сословие, что, подобно квиритам Рима, несло в себе истинный дух народный, инстинкты державного обладания землей, чувства народной чести и исторического сознания. Упадок боярства стоил России великой Смуты..."

У тех, кому оставили жизнь, "отнимали не только земли, но даже дома и все движимое имущество; случалось, что их в зимнее время высылали пешком на пустые земли. Таких несчастных было более 12000 семейств; многие погибали по дороге (*как видим, советские творцы "раскулачивания" не изобрели ничего нового — А.Ш.*). Новые землевладельцы, опираясь на особую милость царя, дозволяли себе всякие наглости и произвол над крестьянами, жившими на их землях, и вскоре привели их в такое нищенское положение, что казалось, как будто **неприятель посетил эти земли** (*выделено мной — А.Ш.*)" (Костомаров). Мамай в лице своего потомка все-таки сел "на Москве".

Некоторые видят в опричнине инструмент отбора, орден вроде СС, только на православный лад. Но эсэсовцы, будучи плоть от плоти своей расы, не занимались геноцидом германцев — более того, СС был эффективным инструментом улучшения породы. Наконец, войска СС доблестно сражались на фронтах, а опричники с внешним врагом воевали плохо, так как были нацелены только на войну со *"своими"*. Уже то, что

Грозный свернул опричнину столь же стремительно, сколь и учредил ее, свидетельствует: опричнина не была орденом, т.е. долгосрочной системой отбора, основанной на традиции, а всего лишь временным орудием антиселекции и геноцида. Временным, но образцовым. В своем завещании, составленном в год упразднения опричнины (1572), Иван писал: "А что есми учредил опришнину, и то на волю моих детей, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а образец им учинен готов". Грозный был бы немало поражен, узнав, что этим образцом впоследствии воспользовались нелюбимые им иудеи, развернув после Октября очередной азиатский террор против белого населения, сопоставимый по масштабам лишь с введением на Руси христианства.

Весной 1569 года Иван Грозный "вывел из Пскова 500 семейств, а из Новгорода — 150 в Москву, следуя примеру своего отца и деда. Лишаемые отчизны плакали; оставленные в ней трепетали. То было началом: ждали следствия" (Карамзин). Оно не замедлило. В декабре 1569 года опричнина в полном составе во главе с царем двинулась на северо-запад. Предлогом к походу послужил донос какого-то подонка о том, что Новгород якобы собирается предаться Литве. Но тогда почему попутно были разгромлены Клин, Тверь и Торжок? Вот тут-то, как говорится, и "собака зарыта". Царь Иван — это плод всей истории "Московии", начиная с Андрея Боголюбского. Северо-западный поход Грозного стал кульминацией ненависти Неруси к Руси. Разгром Тверской земли ясно говорит, что Ивана IV вела родовая ненависть к противникам и конкурентам Москвы, старавшимся не гнуть шею перед Ордой. Этот поход — знаковая антиарийская акция, показательный антиевропейский геноцид (характерно, что в Клину и Твери наряду с местными жителями, издавна настроенными антимосковски, опричники истребляли и живших там литовских пленных, как возможных рассадников европеизма). Разделив страну на опричнину и земщину, царь тем самым намеренно обострил конфронтацию Неруси и Руси с целью окончательного истребления последней. В Новгороде Грозный ритуально, с ветхозаветной жестокостью, добивал Русь. Московская Нерусь стала "Великой Россией-Евразией".

Итак, первым на пути царя был Клин. "Домы, улицы наполнились трупами; не щадили ни жен, ни младенцев. От Кли-

на до Городни далее истребители шли с обнаженными мечами, обагряя их кровию бедных жителей, до самой Твери...", — пишет Карамзин. Опричники окружили Тверь, а затем бросились громить и грабить город: "...бегали по домам, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, двери, окна, забирали всякие домашние запасы и купеческие товары — воск, лен, кожи и пр., свозили в кучи, сжигали, а потом удалились", — читаем у Костомарова и далее у него же: "...вдруг опричники опять врываются в город и начинают бить кого попало: мужчин, женщин, младенцев, иных жгут огнем, других рвут клещами, тащат и бросают тела убитых в Волгу...". Затем та же участь постигла города Медный и Торжок, потом — "Вышний Волочек и все места до Ильменя были опустошены огнем и мечом..."(Карамзин).

В начале января 1570 года опричнина взяла в кольцо Новгород и начался массовый террор. Новгородцев "мучили, жгли каким-то составом огненным, привязывали головою или ногами к саням, влекли на берег Волхова, где сия река не замерзает зимою, и бросали с моста в воду целыми семействами, жен с мужьями, матерей с грудными младенцами. Ратники московские ездили на лодках по Волхову с кольями, баграми и секирами: кто из вверженных в реку всплывал, того кололи, рассекали на части. Сии убийства продолжались ***пять недель*** (*выделено мной* — А.Ш.)" (Карамзин). Затем опричники разграбили все окрестные монастыри, сожгли запасы хлеба, изрубили скот, а потом принялись громить Новгород — истребляли продовольствие и товары, крушили дома, вышибали окна и двери. Лютый погром шел и в окрестностях города, где истреблялось все имущество народа вплоть до домашних животных.

Я упомянул выше ветхозаветную жестокость в буквальном смысле. Разгром Новгорода почти детально воспроизводит уничтожение евреями Иерихона. В «Книге Иисуса Навина» читаем: *"И предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом" (6;20).* Как видим, антииудаист Иван Грозный действовал вполне по-еврейски, что неудивительно, поскольку православно-монархическая идеология в немалой степени базируется на Ветхом завете, составляющем, к тому же, чуть ли не половину времени христианского богослужения. Кроме того Иван, воспитанный в атмосфере московского азиатизма,

был восприимчив к азиатизму ветхозаветному. Азиатчина ордынская, азиатчина византийская и азиатчина библейская, помножась, дали Москву. Нельзя не отметить, что если евреи в приведенном выше эпизоде истребляли все-таки *иноплеменников*, то опричники, во всяком случае — рядовые, проводили геноцид *соплеменников*. Впрочем, какого чувства родства можно требовать от тех, кто поклялся "не знать ни отца, ни матери" — в полном соответствии с жизнеотрицающим экстремизмом семитской секты: "...если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником" (от Луки 14:26). Добрыня (Добран?), несший "евангельские истины" "языческому" Новгороду, был бы доволен степенью их усвоения опричниками царя Ивана.

Иван Грозный — это типичный *хан* и одновременно, в силу своей византийско-церковной ортодоксальности, ярый проводник истребительного иудейского фанатизма, сравнимый разве что с Владимиром Каганом и Лениным — как бы негативно он не относился при этом к самим иудеям. Грозный — это сгусток ненависти ко всему арийскому, и его кремлевская гробница по значимости для Проекта сопоставима лишь с ленинским мавзолеем.

О количестве истребленных новгородцев Костомаров сообщает: "Таубе и Краузе назначают до 15000; Курбский говорит, будто бы он (царь) в один день умертвил 15000 человек; у Гванини показано число 2770, кроме женщин и простого народа. В Псковском летописце число казненных увеличено до 60000; в Новгородской "повести" говорится, что царь топил в день по 1000 и в редкий по 500. В помяннике глухо записано 1505 человек новгородцев, но ничто не дает повода заключать, чтоб это была полная сумма убитых, тем более, что в том же помяннике приписано выражение: «Их же ты Господи веси»". Благочестивый царь...

Остается добавить, что уничтожение "хлебных запасов и домашнего скота произвело страшный голод и болезни не только в городе, но и в окрестностях его; доходило до того, что люди поедали друг друга и вырывали мертвых из могил" (Костомаров). Как видим, умышленный голодомор 1933 года, устроенный еврейским Кремлем с целью окончательного подавления белого населения, не был новинкой.

Когда-то сын степнячки Андрей Боголюбский обошелся в Киевом, как с *инородным* городом, отдав его на трехдневный разор своей рати. Иван Грозный, заквашенный на мамаевых генах, бросил на кровавую потеху опричнине весь русский народ.

«Дранг нах остен» по-московитски

В сентябре 1581 года произошло событие, оказавшее огромное влияние на расовую историю России, да и всего мира. По реке Чусовой в сторону Уральских гор отплыл отряд доблестного атамана Ермака (Германа) с целью "очистить землю Сибирскую и выгнать безбожного салтана Кучюма". Сравнения наших героев с Писарро и Кортесом более чем уместны: экспедиция Ермака, по сути, была типичной белой колонизацией расово чуждого мира. В течение короткого времени небольшая казачья дружина, в рядах которой бились также литовцы и немцы, рассеяла татарские орды и установила свое господство в Сибири. Дух Руси, дух убитого Новгорода, как зарница, полыхнул над Россией. Конечно была мысль у Ермака основать в Сибири *казачью Русь* (и это стало бы новой исторической возможностью для русских), однако малочисленность его войска, окруженного враждебными туземцами, постоянная нужда в припасах и вооружении вынудили его отдать завоеванный край Москве. Правда, после гибели атамана белые колонизаторы оставили Сибирь, но только временно: продвижение России на восток стало неудержимым.

Для расового аналитика это продвижение двусмысленно. Некоторые полагают, что благодаря ему все северное полушарие оказалось в руках белой расы. Я же считаю, что Москва эксплуатировала арийскую волю первопроходцев для расширения России-Евразии. Кроме того, продвижение русских на восток причинило расовый вред самим же русским, поскольку их сознание к тому времени уже было деформировано московским евразийством. Придя в Сибирь белыми колонизаторами, господами, русские не остались таковыми в дальнейшем.

А как они могли остаться господами, если у них на родине буквально скормили собакам господский слой — русскую родовую аристократию, хранившую понятие родовой чести и

кровной исключительности? Это понятие *родовитости* элита транслирует на свой народ: отсюда характерные даже для современной Европы родовитые горожане и крестьяне (например, в Германии и Швеции есть "мужики", помнящие свою родословную с XIII века). Аристократия — носительница идеи Крови в народе или, по словам Л. Вольтмана, выразительница "естественного чувства расовой гордости". С истреблением аристократического начала народ утрачивает идею Крови, что тем более опасно в условиях тесного соседства с расово-чуждой стихией.

Как могли русские, продвигаясь в Азию, не понести расовых потерь, если многие их князья издавна женились на косоглазых "красотках", столь похожих на тех, что первопроходцы встретили в таежных дебрях? Как могли наши герои-освоители сознавать себя белыми людьми, если церковь в течение столетий пела "Нет ни эллина, ни иудея" и крестила скопом и в отдельности чудь, мерю, коми, превращая их в "русских"? Наконец, как могли русские Джеки Лондоны нести "священную идею арийского превосходства", если у них за спиной Москва подло пополняла толпу своей номенклатуры *недавними врагами Ермака*? В. Кожинов с понятным для евразийца удовлетворением сообщает, что сыновья хана Кучума "Алей (который, кстати сказать, долго воевал против Москвы вместе с отцом) Абулхаир, Алтапай, Кумыш сохранили титулы "царевичи Сибирске" и пользовались на Руси (*в России! — А.Ш.*) самым высоким почетом. Сын Алея, Алп Арслан в 1614-1627 годах был правителем относительно автономного Касимовского ханства (*добавим, населенного русскими — А.Ш.*). А сын последнего, Сеид-Бурхан, принял христианство с именем "Василий, царевич Сибирский" и выдал свою дочь (то есть праправнучку Кучума) царевну Сибирскую Евдокию Васильевну (*звучит то как! И не подумаешь, что татарка — А.Ш.*) ни много ни мало за брата русской царицы (супруги Алексея Михайловича и матери Петра I), Мартемьяна Кирилловича Нарышкина. Другой праправнук Кучума (правнук его сына Кумыша), также названный Василием (по-видимому, царевичи Сибирские уже знали, что по-гречески "Василий" означает "царь") стал близким сподвижником русского царевича — сына Петра I, злополучного наследника престола Алексея (*то есть одним из первых славянофилов — А.Ш.*). Из-за этого пострадали

все царевичи...: с 1718 года им было повелено считаться только *князьями* Сибирскими. Тем не менее внук опального царевича Василия, князь Василий Федорович Сибирский... стал генералом от инфантерии... и сенатором при Александре I..." По злой иронии судьбы первым титулованным князем Сибирским был Ермак, с азиатским коварством убитый предками сенатора. Знал бы казак, что он сражается за то, чтобы потомки Кучума перебрались с кошмы в великолепные апартаменты европейского стиля и повелевали русскими холопами...

Уже в ранний период освоения Сибири "довольно широкое распространение получили смешанные браки — как официальные (с крещеными "иноземками"), так и порицавшиеся церковью неофициальные (*характерно, что церковь порицает не сам межрасовый брак, а всего лишь его "незарегистрированность" — А.Ш.*)... На Индигирке, Колыме, в Иркутском крае, Забайкалье и некоторых других местах вследствие смешения с сибирскими народами сильно менялся и внешний облик, и язык, и быт осевших там русских. Позднее, в XVIII-XIX в.в. часть переселенцев была даже ассимилирована коренными жителями (главным образом, якутами), причем не только из-за смешанных браков: материальная и духовная(!) культура аборигенов также оказывала сильное воздействие на русских людей" (Н. Никитин, «Освоение Сибири в XVII веке», Москва, 1990).

"Многие инородцы умирали холостыми, т.к. жен неоткуда было взять. Инородческие женщины были у русских" (Г. Лучинский).

Спрашивается, что это, если не расовый позор? Белый человек, вместо того, чтобы господствовать над "братьями меньшими", подпадает под "сильное воздействие" культуры заведомо низшей, да еще разжижает свою благородную кровь. Л. Вольтман, соглашаясь с Гобино, писал, что "...каждый духовно одаренный народ терпит при скрещивании с малоценными элементами невознаградимые потери".

Далее. В "западносибирских городах, где издавна сложились татарские слободы, «всяких чинов жилецкие люди живут в татарских юртах... с татарами вместе... пьют и едят из одних сосудов»" (там же). Даже евразийская московская власть уже в XVII веке выражала обеспокоенность таким свинством, т.к. общение русских переселенцев с дикими сибирс-

кими аборигенами плохо отражалась на нравах первых. Однако Москве ли, чуть ли не спокон веку "пившей и евшей из одних сосудов" с Ордой, беспокоится о русских нравах? Тем более, что, по свидетельству европейцев, в самой Москве XVII века, "татары со своими омерзительными обрядами... свободно отправляют свое богослужение".

Русский народ жил так, как его научили попы-космополиты и властители с темными генами. Француз Ланойе писал в 1879 году: "Когда русский мужик с волжских равнин располагается среди финских племен или татар Оби и Енисея, они не принимают его за завоевателя, **но как единокровного брата** (*выделено мной — А.Ш.*), вернувшегося на землю отцов...". Усилиями патриотических идеологов евразийского и проевразийского толка наша пресловутая "свойскость" возведена в степень основного содержания "русской идеи". Захлебываясь слюной от умиления, патриоты твердят, что "у русских нет комплекса народа-господина" — зато, повторяю, видимо есть мазохистский комплекс самоуничижения. А.А. Хомяков писал: "Русский смотрит на все народы, замежеванные в бесконечные границы Северного царства, как на братьев своих, и даже сибиряки на своих вечерних беседах часто употребляют язык кочевых соседей своих, якутов и бурят (*это ли не деградация? Неужто их язык богаче и сильнее русского? — А.Ш.*). Лихой казак Кавказа берет жену из аула чеченского (*что-то это не умирило Кавказ, как видим. Донские казаки также издавна брали в жены татарок и турчанок, кроме того еще в XVII веке среди донцов на бытовом уровне был распространен татарский язык — А.Ш.*), крестьянин женится на мордовке, а Россия называет своею славою и радостью правнука Ганнибала, тогда как свободолюбивые проповедники равенства в Америке отказали бы ему в праве гражданства и даже брака на белолицей дочери прачки немецкой или английского мясника (*и поступили бы совершенно разумно! — А.Ш.*). Я знаю, что нашим западным соседям смирение наше кажется унижением (*ох уж это смирение, воспитанное византийско-московской церковью и татарским кнутом! Кстати, примечательная оговорка: якуты и буряты для Хомякова братья, а наши западные единокровники — соседи. Налицо образчик идеологии антиевропеизма и пресловутой российской "особости", т.е., проще говоря, азиафильство — А.Ш.*); я знаю, что даже

(*"даже"! — А.Ш.*) многие из моих соотечественников желали бы видеть в нас начала аристократические и родовую гордость германскую... Но чуждая стихия никогда не срастется с духовным складом славянским..."

Лорд Керзон, наблюдая характер и результаты продвижения русских на восток, с нордической прямотой сказал: "...это завоевание восточных народов восточным же, одноплеменным с ними народом. Это сплав твердого металла со слабым, а не вытеснение неблагородного элемента более чистым. То не цивилизованная Европа отправилась на покорение варварской Азии... Это варварская Азия после некоторого пребывания в Европе возвращается по собственным следам к своим родственникам".

Резкие слова. Однако, вместо того, чтобы приклеивать к имени Керзона ярлык "русофоба", прислушаемся к честному голосу брата по расе, взглянувшего на нас со стороны — и мы увидим, как русский народ, подобно Ермаку, тонущему в Иртыше под тяжестью дареных царских доспехов, погружается в пучину расовой эрозии, увлекаемый тяжким византийско-татаро-московским наследием. В 1911 году великий М. Меньшиков, первый русский публицист, выступивший с расовых позиций, высказал мысль, дословно совпадающую со словами "русофоба" Керзона о "сплаве твердого металла со слабым": "...чтобы расстроить железное строение расы, русские идиоты и предатели (*скорее, нерусские разработчики и руководители Евразийского Проекта — А.Ш.*) устраивают предварительно мирное нашествие иноплеменных, проникновение к нам в огромном числе чужих, неперевариваемых, неусваиваемых элементов, которые превратили бы наше великое племя из чистого в нечистое, прибавили бы в металл песку и сделали бы его хрупким".

Разин-РА

Однако вернемся в XVII век. Во второй половине этого столетия Русь восстала против России, стремясь изменить роковой ход истории. Призрак нордического Новгорода двинулся, грозя, на Москву — и откуда же? С противоположного края страны, с юго-востока. В 1667 году на Дону вспыхнуло восстание Степана Разина, охватившее почти половину территории

Московского государства.

Чтобы понять расовый смысл сказанного, заглянем в конец XII века, когда новгородские ушкуйники — наследники варягов — основали на реке Вятке город Хлынов (ныне город Вятка). "Вятская община управлялась, как и древний Новгород, вечем, во главе которого стояли избранные народом "атаманы" (*или "ватманы"*; *по мнению ряда историков, это слово имеет древнеарийское, а не тюркское происхождение — А.Ш.*). Община эта была сильнейшею на всем северо-востоке России..." (Е. П. Савельев, «Казаки. История», Владикавказ, 1991). Под предводительством "ватманов" ушкуйники, "эти отважные купцы-воины" в 1361 году дерзко проникают в столицу Орды, а в 1364-65 г.г. под началом "молодого ватмана Александра Обакумовича" достигают Оби и Ледовитого океана. Потом "на 150 лодках" приходят в Нижний и истребляют там "множество татар, армян, хивинцев, бухарцев..." Затем громят Казань, другие татарские города и села, захватывают товары всех встречных купцов. "Хотя подобные набеги не нравились московскому великому князю, принужденному поддерживать дружбу с ханами, но новгородцы его мало слушались и действовали на свой риск и страх" (там же).

Хлынов был вольным городом, независимым и политически, и религиозно. Согласно арийской традиции свободы духа, вятские священники, как и в Новгороде, избирались народом (в Новгороде выбирали и самого архиепископа; до известных пор выборность священников сохранялась и на Москве). Московский митрополит Геронтий жаловался, что "он не знает даже, кто там духовенство". В 1489 году, спустя десятилетие после окончательного разгрома Новгорода Иваном III, Москва дотянулась и до Хлынова. "Разгром Вятки сопровождался большими жестокостями: главные народные вожаки Аникеев, Лазарев и Богодайщиков были в оковах привезены в Москву и там казнены; земские люди переселены в Боровск и Кременец, а купцы в Дмитров; остальные обращены в холопов..." (там же). Однако весьма значительная часть хлыновцев не покорилась, "со своими женами и детьми на судах спустилась вниз по Вятке и Волге до Жигулей и укрылась в этом малодоступном и диком краю. В первой половине XVI столетия эта удалая вольница с Волги перешла волоком на Иловлю и Тишанку, впадающие в Дон, а потом, при появлении в низовьях

Дона азовского, запорожского и северского казачества, расселилась по этой реке вплоть до Азова" (там же).

Именно новгородцы составили культурно-расовое *ядро* позднего донского казачества, благодаря которому Дон стал одним из плацдармов сопротивления иудео-московскому режиму в 1918-м и в 1942 г.г. (сейчас мы не говорим о наростах; казачество в целом — сложное и противоречивое явление, в том числе и в расовом смысле, хотя, надо сказать, что некоторые историки ведут происхождение донского казачества от древнеарийской воинской касты). "Казаки-новгородцы на Дону самый предприимчивый, стойкий в своих убеждениях, даже до упрямства, храбрый и домовитый народ. Казаки этого типа высоки на ногах, с широкой могучей грудью, белым лицом, большим, прямым хрящеватым носом, с круглым и малым подбородком, с круглой головой и высоким лбом. Волосы на голове от темнорусых до черных; на усах и бороде светлее, волнистые..." (там же). Налицо в общем нордический генотип. Именно новгородцы принесли на Дон вечевое устройство, выборность священников, а также многие обряды, коренящиеся в русском "язычестве" (Новгород очень медленно, вплоть до XII века, усваивал христианство и в конечном счете весьма ариизировал его, создав особое, *народное православие,* весьма отличное от византийско-московской церковности). Так, при бракосочетании "когда собирались ехать в церковь, то впереди поезда шел, а с хутора мог и ехать, священник с крестом в руках, за ним жених в алой черкеске, с высокой шапкою в руках, рядом с колдуном (*точнее, с волхвом — А.Ш.*)..." (этот обычай в самом Новгороде запретили собором лишь в 1667 году). Кроме того, в Новгороде был распространен обычай венчаться в "церкви и около ракиты, как о том поется в былине о Дунае Ивановиче: «круг ракитова куста венчалися»" (само же венчание в церкви считалось не обязательным). "Известно, — пишет Е.П. Савельев, — что Разин, отвергавший форму церковного брака, велел венчать молодых вокруг ракиты или вербы. Не удивительно, что Разин, как человек грамотный, читал и хорошо знал древние новгородские языческие предания. Это подтверждается и тем, что Разин часто выражался языком былин, подражая Ваське Буслаеву, новгородскому удальцу". Уместно предположить, что знаменитый казачий вождь был посвящен в сокровенную арийскую традицию, из-

за чего и заслужил у профанических московских церковников репутацию "колдуна" (после ареста Разина держали в соборном притворе на "освященной" цепи).

Исследователи отмечают также архитектурное сходство древних новгородских и донских храмов. Объяснение этому простое: строительное искусство на Дон принесли новгородцы, унаследовавшие его от своих предков-венедов, знавших не только зодчество, но и литье статуй (еще в XI веке в Упсале, по свидетельству Адама Бременского, стоял золотой кумир Радигаста). Новгородцы считались "лучшими мастерами при возведении церковных деревянных построек как в северных областях, так и на Дону. План и фасад этих построек был свой, особенный, древне-славянский, ничего общего с византийским стилем не имеющий — это архитектура древне-славянских языческих капищ, близко напоминающая древне-персидскую... Окна в этих церквах до начала XIX века были круглые и маленькие, так что впечатление внутренности подобного храма было мрачно и напоминало скорее грозного языческого Сваргу прибалтийских славян, чем кроткого Иисуса" (там же).

Кроме того, "связь новгородских областей с Доном сказывается, помимо исторических данных, еще в следующем: в говоре, тождественных названиях старых поселений, озер, речек, урочищ..., народной орнаментике, нравах..., обособленном церковном управлении, антропологии жителей-воинов древнего Новгорода и Дона и проч." (там же).

Е.П. Савельев пишет о Разине: "Закон, общество, церковь, все, что веками сложилось в московском государстве под влиянием византийского культа, им отвергалось и попиралось". Разин, в чьем солнечном имени слышится древнеарийское название Волги — РА — это расовая реакция русских на господство азиатчины. Атаман хотел переделать Россию на казачий, т.е. новгородский лад; проще говоря, хотел переделать Россию в Русь. Восстание Разина разразилось тогда, когда позорное крепостничество ознаменовало дальнейшее *отчуждение* московской (российской, советской) Системы от русского народа. С 1649 года в Московской "Руси", которую по сей день патриоты воспевают в качестве "народной монархии", русских продавали как скот, оптом и в розницу.

Неслучайно, что в 1668 году — в контексте разинского

движения — восстал Соловецкий монастырь — духовный центр вольнолюбивого Новгородского Поморья, куда приходил паломником Разин. Соловки встали за *старую веру*, сохранявшую расовые *народно-православные* начала. Восемь лет северная твердыня выдерживала московскую осаду, и лишь в 1676 году, благодаря предательству отщепенца, царские войска взяли крепость. Расправа была по-московитски жестокой. Из 400 защитников Соловков уцелело лишь четырнадцать — кого перевешали, а кого просто заморозили. После Октября иудо-большевики, продолжая традицию московского азиатизма, отомстили светлым Соловкам, устроив там один их своих первых лагерей уничтожения русских.

Е.П. Савельев утверждает, что в ходе подавления разинского восстания Москва истребила порядка 100 тысяч человек. Русская попытка взломать клети Проекта была, как до и после этого, пресечена нещадно. Каратели сжигали целые деревни *вместе с жителями* лишь по подозрению в повстанчестве (Тухачевский потом будет травить мятежных мужиков газами). Об этих "хатынях", мы почему-то не вспоминаем...

Несбывшаяся Русь Петра

Разин был казнен в 1671 году, но уже в 1672-м родился тот, кто сказал о нем: *"...жалко, что он не в мое время"*. Эти слова произнес... последний царь и первый император. Призрак Новгорода вновь встал над Россией, выйдя на этот раз из кремлевского терема. Русь ввалилась в Россию революцией, вождем которой стал московский царь, сбросивший с себя старый, пропахший Ордой и Византией титул, как тяжелую ферязь. Великий Новгород воплотился в Петре Великом.

Петр перенес столицу на Балтику, точнее, на Новгородчину, и тем самым решительно заявил, что русские — народ западный, европейский. Петербург — этот *новый город* — стал исторической "реинкарнацией" Новгорода (не в плане государственного устройства, а как культурно-расовый тип). Питер — это Новгород в немецком камзоле. Да, Петр был экстремистом, но для того, чтобы перешибить многовековую азиатчину, нужны были экстремальные меры. Надо было не подбривать бороды, а рубить их; не перекраивать долгополые византийско-татарские наряды, а насильно, указом вводить евро-

пейское платье, сообразное белым людям. Необходимо было стремительно подавить азиатскую знать, и для этого требовалось снадобье сильное и бескомпромиссное — и таковым стали немцы. Как дустом, Петр щедро усыпал страну спасительным германским элементом, который в течение последующих двух веков отстаивал в России арийские ценности. Это было второе пришествие норманнов. Да, Петр не создал новую белую аристократию; место аристократии в его Империи заняло, увы, чиновничество. Но Петр создал великую армию во главе с великолепной офицерской (в значительной мере — немецкой) кастой, культивировавшей традиции рыцарства — и это, до известной степени, восполнило потерю. Д. Галковский пишет: "Начиная с XVIII века русская армия, совершенно европейская по своему духу и организации, являлась главным бастионом культуры, могущественным оплотом европеизации, в конце концов сорвавшейся, но успевшей принести обильные плоды для всего человечества.

Соответственно, вторичная азиатизация России (*иудобольшевицкая революция — А.Ш.)* сопровождалась параллельным уничтожением белой армии..."

Религиозность Петра имела не просто западный, а северо-западный, новгородский вектор. В форме германского протестантизма в Россию потянуло свободой духа, характерной для Новгородчины и нордической Европы вообще. Старообрядчество к тому времени превратилось в дремучий обскурантизм, олицетворявший в глазах Петра ненавистную ему Московию. Петровский "протестантизм" неизмеримо ближе к исконно-русской, народной религиозности, чем тогдашнее староверское трупное "благочестие". Впрочем, Петр не щадил и "никонианскую" церковь, взрывая ее своими карнавалами и "всешутейшими соборами", чьи фаллосообразные кубки знаменовали освобождение энергии древних семенных культов, спрессованной веками бесполости. Отсюда и нелюбовь Петра к монашеству — здоровый сын своей расы, он видел глубокую аномальность этого явления. Как известно, петровский Регламент запретил мужчинам идти в монастырь до тридцатилетнего возраста, а монахиням — "давать окончательные обеты до пятидесятилетнего возраста, и послушничество, продолжавшееся до тех пор", не препятствовало вступлению в брак. Это, конечно, не расовые законы, но, по крайней мере,

биологические нормы, продиктованные заботой о породе, *о естестве*. Уставший от противоречий и инородности христианства, Петр хотел цельности и природности: он впустил в Россию античность, чей мрамор забелел в усадебных парках, сделав их подобием священных рощ Эллады и Рима.

Стремление Петра к Балтике — это пробудившаяся расовая воля, стратегия голоса Крови. "Петр легко (*легко ли? — А.Ш.)* разбудил инстинкты, способствовавшие... возврату к далеким заветам нормандской эпохи" (Валишевский). Он рвался к исходной пяди Руси, на берег, помнящий первую стопу викинга. Паруса норманно-русских драккаров стократно повторились в парусах петровского флота. Стремление Петра "запировать на просторе" северного моря — это стремление к расовой аутентичности. Балтийский горизонт олицетворял для него освобождение арийской души от вековых южных химер — и в этом смысле Петр, наряду с Наполеоном, был провозвестником национал-социалистического "утра магов".

Император спас наше расовое самосознание. Если бы не Петр, русские уже давно не вспоминали бы о себе как о части Белого мира. Петр хотел упразднить проект "Россия", как явно не соответствующий расовой природе русских, и прорваться *вперед, к Руси*. Но он так и не превозмог черный шаманизм евразийства. Возвращая русских в Европу, Петр, в то же время не мог на русских опереться, поскольку в народе европеизма почти не осталось. Преобразователь был вынужден действовать исключительно силой личной воли, нещадно насилуя косный материал. Иного орудия, кроме татарского кнута, у Петра не было. Иного метода, кроме бюрократического, тоже не было. В результате отчуждение, прежде всего в форме крепостничества, русских от российского государства сохранилось и даже упрочилось. Мертвящая казенщина сковала народную жизнь: казаков поставили во фрунт, по слову Разина, "переписав, как стадо", веру регламентировал Синод. Опять же, в последнем случае у Петра и не было иного выхода: он не мог реформировать "полуазиатскую церковь", он мог лишь поставить ее под контроль европейского (хотя бы по форме) государства. Но при этом были выполоты живые ростки народной религиозности, дошедшие из "язычества", сохранявшиеся в Новгороде и на Дону. Без этих ростков церковь окончательно превратилась в холодный византийский сколок, который мы

и видим сегодня.

Петербургская империя — европейская по форме, евразийская по содержанию. Заклятие Проекта сохранило силу. Чтобы развеять чары полностью, Петру надо было *рубить византийско-церковный корень, стать новым Юлианом Отступником* — но он не мог это сделать, не упразднив самого себя. Его уже и так называли "антихристом". Легитимность власти Петра исходила из этого корня, не говоря уже о том, что византизм довлел над сознанием огромной части народа. В итоге Петр остался в рамках Проекта. Самое большее, из того, что ему удалось — вливание германской крови в правящую династию . Это и позволяло Империи в течение двух веков быть "фасадом Европы". Однако в итоге Проект исторг из себя в небытие, как чуждый элемент, германизированную династию и Россия вновь стала "фасадом Азии".

Ордынско-московско-византийское наследие затаилось в тени классических колонн, под мундирами тайных советников, затерялось в толпе на Невском, спряталось, как вошь, в кудлатой башке крепостного мужика-общинника, бредящего уравниловкой — но не исчезло. В 1917 году оно, стократ усиленное ядовитой иудейской струей, хлынуло потопом по улицам, мстя Петру за двухсотлетнее сдерживание.

Петр, подавляя московщину бюрократически, тем самым невольно наследовал ей. Еще при Иване III "порода стала отступать перед чином"; Иван Грозный, изводил бояр, чтобы, по словам А.К. Толстого, "не было на Руси одного выше другого, чтобы все были в равенстве, а он бы стоял один надо всеми, аки дуб в чистом поле", опираясь на "служилую" номенклатуру. При Петре же уцелевшие "Рюриковичи принуждены были зарабатывать себе пропитание у незнатных лиц; князь Белосельский служил дворецким в доме купца; князь Вяземский управлял имением темных выскочек" (Валишевский). Все были равны перед табелем о рангах. На уровне народных низов, как в Московии, так и в Империи, уравнительный принцип культивировала сельская община. Все эти протобольшевистские черты — номенклатурность и коллективизм — потом стократно усилятся на следующем, иудейском этапе Проекта "Россия". У инородных комиссаров было определенное основание видеть в Петре "своего", хотя он сам перевешал бы их, не задумываясь.

Наконец, нельзя не сказать о том, что Петр, желая того или нет, унаследовал от Московии пренебрежение к *биологической* жизни русского народа, его *биологическому* качеству, передав это пренебрежение, как эстафету, Совдепии. В 1710 году средняя убыль населения, по сравнению с последней московской переписью, составляла 40%. Историк Валишевский, в целом сочувствующий Петру, пишет: "В 1708 году для работ, предпринятых в Петербурге, понадобилось сорок тысяч человек, погибших там без исключения или почти без исключения, потому что в следующем году пришлось производить набор такого же количества рабочих. В 1710 году потребовалась замена в три тысячи человек, но в 1711 году сначала понадобилась присылка первой партии в шесть тысяч, затем второй в сорок тысяч, и такое же количество в 1713 году. И раньше, чем погибнуть жертвой ядовитых испарений болот, окружавших новую столицу, рабочие эти получали по полтиннику в месяц, и кормились, одни нищенствуя, другие разбойничая... увеличение податей втрое соответствовало во время великого царствования уменьшению народонаселения до двадцати на сто..."

Проведенная Петром регламентация казачества, тотально включившая Дон в Проект, вызвала отчаянный булавинский бунт (1707-1709). Поводом для выступления стали традиционные московитские зверства регулярных войск, присланных на Дон для поимки "беглых": "...губы и носы резали и младенцев по деревьям вешали и многие станицы огнем выжгли, также женска полу и девичья брали к себе для блудного помышления на постели и часовни все со святыней выжгли" («Казачий словарь-справочник», т.I, Кливленд, Огайо, США, 1966). Картина подавления восстания живо напоминает московские карательные экспедиции. Е.П. Савельев пишет: "Долгорукий с регулярным корпусом шел вниз по Дону, истреблял поголовно повстанцев и "водворял порядок согласно высочайшему повелению", следствием чего выше Пятиизб ни одного городка не осталось. Это было поголовное истребление казачьего населения. Вешали, сажали на кол, а женщин и детей забивали в колоды. Священников, молившихся о даровании победы казачеству, четвертовали... О кровавой расправе Долгорукого с казаками калмыцкий тайша писал царицынскому воеводе так: "...Я Перекопский город взял, да прежде три города раз-

бил вместе с Хованским..., и казаков всех побили, а ниже Пятиизб с казаками управляется боярин Долгорукий, а вверху по Дону казаков никого не осталось..." " В 1919 году маршрутом Долгорукого по колено в казачьей крови пройдут иудо-большевистские каратели, выполняя декрет Свердлова "О расказачивании".

Подобно московским властителям, Петр не очень беспокоился и о чистоте русской крови. Например, по его указу было организовано массовое переселение финнов в Тверскую землю, очевидно, изрядно обезлюдевшую в результате татаро-московских набегов и опричных походов. Спрашивается, почему переселяли именно финнов, а не ярославцев или калужан? Кстати, финские переселенцы, в отличие от русских аборигенов, были освобождены от уплаты налогов и от власти помещиков. Деталь, знаковая для России-Евразии.

Петербургское «межсезонье»

В результате петровских реформ возникла парадоксальная ситуация: Империя возглавлялась государями белой расы, но при этом основное, белое население не имело никакого особого, господского статуса; более того, находясь в крепостническом рабстве, несло на себе основные державные тяготы. "Европеизированная" Россия продолжала оставаться для русских евразийской системой отчуждения. Потому-то после взятия Пугачевым одного из волжских городов, разъяренные мужики кинулись резать всех, кто был в "немецком платье", ибо оно для них, вместо знака возвращения к расовым корням, стало символом отчуждения русских от России (примерно таким же, как сейчас — "Мерседес-600"). Конечно, пугачевщина — это не только бессознательная русская реакция; над волной бунта густо желтела пена всевозможных Салаватов Юлаевых, сознательно восставших против "белых шайтанов". Разин, в сравнении с Москвой, был белым человеком, Пугачев же, в сравнении с Петербургом, был, увы, азиатом. Победи Пугачев — и со всяким "арийством" в России покончили бы задолго до 1917 года. Мстя за отчуждение, мужики извели бы и европеизм — пусть поверхностный и ущербный.

"В середине XIX века, — писал И. Солоневич, — **крепостное крестьянство начало, наконец, физически вымирать от**

избытка работы и недостатка питания". "Государство пухло, а народ хирел" (Ключевский). При этом усиливался процесс расовой эрозии русского народа, поскольку евразийский "плавильный котел" работал со все возрастающей мощностью, приближаясь уже к советским показателям. Ученый В. Бунак приводит данные, хорошо показывающие, как с попустительства имперских властей и церкви размывался русский этнический массив: "В 1860 году в б. Нижегородской губернии численность мордвы составляла 115 тыс. человек или 9,3% общей численности населения губернии. При переписи 1897 года лишь 53 тыс. человек, или 3,4% считали своим языком мордовский... Естественный прирост мордовского населения — показатели рождаемости и смертности — у мордвы примерно такой же, как у русских. Убыль их относительной численности означает ничто иное, как переход в русскую этническую группу (*проще говоря, записались в русские — А.Ш.*). Таким образом, в Нижегородской губернии в конце прошлого века примерно 6% населения в ближайших поколениях имели предков мордовской национальности. Аналогично, а иногда более интенсивно, происходила ассимиляция дославянского населения и в других областях".

В книге «Азиатская Россия», вышедшей в 1914 году, читаем: "Браки русских с инородцами совершались во множестве. В результате получилось широкое и повсеместное смешение русских со всевозможными инородческими племенами (*речь идет, конечно, об азиатах — А.Ш.*)..." М. Меньшиков с горечью отмечал: "Еще сто с небольшим лет назад самая высокорослая армия в Европе (суворовские "чудо-богатыри"), — теперешняя русская армия самая низкорослая..." Вот он, «песочек», подсыпанный в «металл»..."...Среди пустых и вздорных вопросов, которыми занят у нас теперь парламент и интеллигенция, — у нас не замечают этого надвигающегося ужаса: вырождения нашей расы, физического ее перерождения в какой-то низший тип", — писал М. Меньшиков. В статье с характерным названием «Расовая борьба» (1911) великий публицист настаивал: *"...в особенностях крови все могущество народа... Помесь высших пород с низшими всегда роняет высшее".*

Добавим, что весь этот ужас происходил под скипетром императоров германской крови, которые оказались просто за-

ложниками Проекта. Кроме того, императоры были отделены от кровнородственного этнического массива все более набухавшим слоем расово чуждой номенклатуры. Лорд Керзон вспоминает "...церемонию встречи царя (Николая II) в Баку, на которой присутствовало четыре хана из Мерва в русской военной форме... Ханы были посланы в Петербург, чтобы их поразить и восхитить, и покрыты орденами и медалями, чтобы удовлетворить их тщеславие. По возвращении их восстановили на прежних местах, даже расширив прежние полномочия..." Знакомая картина. Позднее, в феврале 1917 года, хан Нахичеванский останется верным императору и этим даст повод нашим патриотам лишний раз твердить о мудрости российской имперской политики. Господа-товарищи патриоты не видят (или не хотят видеть), что хан Нахичеванский просто остался верен *своему Проекту, своему государству — России-Евразии.* Точно так же в конце XX века азиатские республики будут ратовать за сохранение Советского Союза, а после его распада выступят за создание Евразийского союза — наследника Тюркского каганата, Хазарии, Монгольской империи, России и СССР. Нынешний губернатор Кемеровской области татаро-казах Аман Тулеев, считающий себя "русским по духу", и по сей день переживает распад Союза "как личное горе"...

Накануне 1917 года российская элита представляла собой эдакий расовый коктейль с сильным нацменским привкусом — Империя свято хранила и развивала традиции Московии. Княгиня З. Шаховская с характерным удовлетворением вспоминает, что в Екатерининском институте для благородных девиц вместе с нею учились армянка, грузинка, татарка, калмычка и — коронный номер! — "самая красивая девочка нашего класса Ариадна Шенк, дочь крещеного еврея, вероятно получившего дворянство(!), так как институт был "привилегированным" заведением... Отцы многих инородных девочек занимали посты более значительные, чем мой отец... "Грузинка" или "калмычка" звучали для меня также, как "рязанская" или "новгородская" (*особенно "новгородская" — А.Ш.*)..." После этого оставалось лишь запеть: "Широка страна моя родная... нет для нас ни белых, ни цветных". И вскоре запели. Хором.

"...не смешно ли представить, чтобы Англия объявила английскими лордами бесчисленных индийских раджей или князьков своих черных, желтых, оливковых и красных поддан-

ных? — вопрошал в 1908 году М. Меньшиков. — А мы ведь именно это сделали с татарскими, армянскими, грузинскими и прочими будто бы князьями, приравняв их к потомству Владимира Святого *(что, впрочем, логично, учитывая темное происхождение Владимира — А.Ш.)*... В то время как свой господствующий(!) народ обращали в рабство — ни один еврей, ни один цыган не знал, что такое крепостное состояние. В то время как господствующий(!) народ секли все, кому было не лень — ни один инородец не подвергался телесному наказанию. За инородцами, до отдаленных бурят включительно, ухаживали, устраивали их быт, ограждали свободу веры, давали широкие наделы (*еще бы хану Нахичеванскому не быть патриотом "Великой России"! — А.Ш.*), тогда как в отношении коренного, господствующего(!) населения только теперь собираются что-нибудь сделать (*даже отмена крепостного права положение русских, по сути, не изменила — А.Ш.*) ...какой-нибудь слесарь-еврей, несмотря на черту оседлости, мог путешествовать по всей России, до Самарканда и Владивостока, а коренной, русский слесарь еще сейчас связан, точно петлей, тем, вышлют ему паспорт из деревни или нет (*как известно, позже, в Советской России колхозник не мог покинуть родное село, поскольку его паспорт лежал в сельсоветском сейфе — А.Ш.*)... Всероссийский национальный союз (*об этой организации речь пойдет ниже — А.Ш.*), исходя из мысли, что *государство* есть *господство*, ставит первой задачей *господство* русской народности, но какое уж тут господство! Для начала хоть бы уравняли нас в правах с господами покоренными народностями!"

М. Меньшиков первым совершенно правильно понял положение дел: *Россия не для русских*. Но он не разглядел, что это не отклонение от нормы, не ошибка в Проекте, а *норма, основной параметр Проекта*, изначально чуждого русским по своей расовой (азиатской) природе. "Господство русских", "русское государство" — это спущенные сверху пропагандистские тезисы, дымовая завеса, на протяжении веков скрывавшая от русского человека азиатскую суть пленившей его Системы. Такой же пропагандистской ширмой стал и послевоенный сталинский тезис о русских как "руководящем народе Советского Союза". В действительности русский народ — объект и раб Проекта; наша субъектность и свобода погребены под новгородскими руинами. С конца XV века у нас нет ни

национальной государственности, ни национальной политики. Это чувствовал и М. Меньшиков, по сути признавший, что Россия для русских — мачеха: "...русская политика всегда делала вид, что она строго национальна, до такой даже степени, что самое сомнение в этом показалось бы тогда преступным. Но в действительности под флагом прекрасных намерений **все время шла политика глубоко антинародная**, поражающая исторические интересы нашего племени" (1911).

Это и неудивительно. Прислушаемся хотя бы к гимну Российской империи «Боже Царя храни», ныне все чаще звучащий на патриотических "тусовках". В нем нет слова "русский", хотя гимн и именовался "национальным". Царь именуется "православным", но так ведь и татарин Борис Годунов был православным. Гимн империи — это евразийский гимн (кстати, в советском гимне есть упоминание о "Великой Руси", безотказно подкупающее патриотов; об этом лукавстве мы еще скажем). И не случайно, что на открытии Первой Государственной Думы в апреле 1906 года, в зале, оглашенном вышеупомянутым гимном, из адреса, направленного императору, депутаты *исключили слова "русский народ"* — "чтобы не задеть другие национальности". И при этом историк-монархист С. Ольденбург видит в церемонии открытия Думы демонстрацию "величия и красоты Императорской России". Прошло почти сто лет — и в нынешней Госдуме депутаты-азиаты набрасываются на Жириновского за частое произнесение им слова "русский"... Что империя, что эрэфия — все едино.

"Куда ни взгляните, высшая раса вытесняется низшей..." — так в русской публицистике до Меньшикова не говорил никто. Объективно М. Меньшиков, решительно выступивший с расовых позиций, отверг Евразийский Проект. Кровь — вот символ веры М. Меньшикова, сбросившего духовный гнет византизма и, таким образом, совершившего освободительную революцию в русской мысли. В отличие от православно-монархических идеологов, считавших, что религия и государство создают народ, М. Меньшиков утверждал: "Власть может почитаться самодержавной и в то же время быть бессильной (*явный намек на императора Николая II — А.Ш.*), чтобы справиться с анархией умов и воль и упадком духа народного, того, что французы называют гением расы. И православие, и самодержавие не создают этого гения, а сами черпа-

ют из него свою силу, свою истину и красоту" (1911). То есть народ творит веру и государство, а не наоборот. Можно, конечно, спорить о том, в какой степени именно русский народ явился творцом православия и самодержавия, но несомненно, что все истинное и прекрасное в них идет от арийского расового корня.

М. Меньшиков решительно выступал против политики т.н. русификации, справедливо полагая, что такой псевдоимпериализм ведет к дальнейшему подрыву расовых основ русского народа. Используя свой излюбленный образ, он писал: "«Обрусить все нерусское» значит разрусить Россию, сделать ее страной ублюдков, растворить благородный металл расы в дешевых сплавах (*собственно, это и есть конечная цель Проекта — А.Ш.*)" (1912). В связи с языковым аспектом русификации уместно вновь обратиться к Л. Вольтману (с его книгой «Политическая антропология», вышедшей в России в 1905 году, М. Меньшиков, скорее всего, был знаком): "...навязывание языка может, однако, вести и к гибели нации, когда посредством его в культурное и кровное общение вводятся малоценные расовые элементы и путем более сильного размножения вытесняют более благородную расовую ветвь. Этим объясняется замечательный исторический факт, что язык может сохраниться, между тем как раса, говорившая на нем первоначально, поредела или совсем погибла". Яркой иллюстрацией к этим словам служит современная Москва — почти сплошь "обдорско"-ублюдочная, но при этом русскоговорящая, зачастую даже без акцента. Благодаря русскоязычности, распространенной "от Москвы до самых до окраин", любой "обдор" может объявить себя русским — и это не вызовет возражений. Поголовное русскоязычие объективно способствует размыванию русской этничности. Вот и известный еврей Лев Новоженов не хочет ехать в Израиль, "на родину предков", поскольку уверен, что "родина человека — это язык..." (Вестник ЕАР, №5, январь 1999).

М. Меньшиков, в отличие от других правых, не выступал против идеи автономии Финляндии, Грузии, Армении, Бухары и пр.; напротив, он ратовал за такую автономию, дабы расово чуждая стихия была в ней локализована. Великий публицист сознавал, что Россия, по существу, не Империя, а Антиимперия, поскольку в ней попран базовый имперский прин-

цип: господство высшей расы на основе *разделения, т.е. апартеида.* "Метрополия и колония — были одно и тоже. Нельзя было отличить, где кончается метрополия и начинается колония", — пишет о Российской империи профессор Лондонского университета Д. Хоскинг. На отсутствие в России "четкой границы между метрополией и колонией" указывает и Д. Галковский. Остается лишь добавить, что эта смазанность — не изъян Проекта, а один из его базовых евразийских параметров, позволяющий всевозможным "обдорам" веками господствовать над русскими и паразитировать на них. "Покорив враждебные племена, — пишет М. Меньшиков, — мы, вместо того, чтобы взять с них дань, сами начали платить им дань, каковая под разными видами выплачивается досель. Инородческие окраины наши вместо того, чтобы приносить доход, вызывают огромные расходы. Рамка поглощает картину, окраины поглощают постепенно центр... Англичане, покорив Индию, питались ею (*естественно, ведь основа британского имперского проекта не евразийская, а арийско-расовая — А.Ш.*), а мы, покорив наши окраины, отдали себя им на съедение. Мы поставили Россию в роль обширной колонии для покоренных инородцев — и удивляемся, что Россия гибнет*! (В действительности гибнет не Россия, а русские, обреченные Проектом "на съедение" — А.Ш.*)".

Ничто не ново. В начале перестройки, спустя почти сто лет после М. Меньшикова, патриотическая пресса много писала о всевозможных дотациях, а точнее, дани, выплачиваемой республикам Закавказья и Средней Азии за счет полумертвой русской деревни. На одном из съездов народных депутатов В. Распутин даже выступил с предложением о выходе РСФСР из СССР, чем, вероятно, поверг в ступор "обдорскую" часть аудитории. В сущности, наш писатель, чей антропологический тип, увы, отражает вековые евразийские эксперименты над русской породой, был в данном случае слепым орудием неубитой (все-таки!) Расы, выразителем ее воли к освобождению. Знаменательно, что в России Национал-социализм поднял голову именно после распада Советского Союза, когда южное "подбрюшье" превратилось в зарубежье. Казалось, самодовлеющая "рамка" сброшена...

Но вернемся в начало прошлого века. М. Меньшиков стал одним из основателей и ведущим идеологом Всероссийс-

кого национального союза (ВНС) — первой политической организации в российской истории, поднявшей на знамя лозунг господства русских по Крови. ВНС возник в 1908 году и уже вскоре имел фракцию в Государственной Думе. В отличие от монархистов , в частности, от Союза русского народа, по традиции ставившего народность после православия и самодержавия и, таким образом, остававшегося в рамках Проекта, националисты объявляли базовым принцип народности, т.е. Крови и тем самым объявляли Проекту войну. По сути, в лице ВНС промелькнула первая зарница Национал-социализма в российской истории. (Гораздо мощнее она полыхнула в культуре: в творчестве художников абрамцевского кружка, прежде всего М. Врубеля, пластически возрождавшего "язычество", на полотнах Н. Рериха, в арийских гимнах К. Бальмонта, в стихах Н. Гумилева, В. Хлебникова и С. Городецкого, в музыке Стравинского...)

По словам М. Меньшикова, к Всероссийскому национальному союзу "в последние годы склонялся" знаменитый премьер П. Столыпин. Расовому аналитику нельзя не упомянуть о его сельскохозяйственной реформе, конечные цели которой были гораздо масштабнее, чем просто экономический и социальный эффект. Будучи по крови Рюриковичем, Столыпин отлично понимал, сколь огромное значение для жизненности народа имеет *отбор лучших, селекция.* Видя, до какого состояния государство российское довело "господствующий" народ, Столыпин решил улучшать его базовый слой, выделяя из деревенской массы *наиболее полноценных биологически*, условно говоря, крестьянскую аристократию. Он разрушал общинную кабалу и саму идеологию уравниловки, распространившуюся среди части русских благодаря пролетарскому, по своей сути, христианству, а также — евразийскому геноциду бояр. Община — это отрыжка татаро-московского коллективизма, попытка заменить количеством утраченное качество. Как известно, частная собственность — это естественное продолжение личности, ее проекция на внешний мир; понятие же личности исторически связано с белой аристократией, с ее рыцарской "культурой чести". Таким образом, удар по боярству обесценил личность и собственность, породив в немалой части русского народа угрюмое недоверие к богатству, таящее в себе плебейскую нелюбовь к могуществу, ме-

щанский страх перед избыточной полнотой бытия, а также босяцкое презрение к культуре труда и жизни. "Честная бедность", "нестяжание", приправленные "христианским смирением", у нас и по сей день нередко декорируют никчемность натуры и отсутствие самоуважения, т.е., по сути, *биологическую неполноценность*.

Очевидно, что Столыпин, чья реформа радикально улучшала расовое качество русских и их положение в России, вступил в глубинное противоречие с Проектом. И снова кровь рюриковича была пролита рукой азиата. Проект был спасен евреем Мордкой Богровым, который в сентябре 1911 года застрелил Столыпина. Отметим, что социалист Богров являлся к тому же агентом охранки, благодаря чему и приблизился к Столыпину почти вплотную. Кто же убил великого премьера: "борец" с государством российским или само это государство, рукой еврея отсекшее инородный русский элемент? Не Столыпин, а Богров был *своим* для этого государства, ибо отстоял его евразийскую суть. Не Столыпин, а Богров был *государственником* — не важно, сознавал он сам это или нет. Богров умер на эшафоте — так ведь и Темгрюковича Иван Грозный посадил-таки на кол... Казнив боярина Столыпина, Богров, по существу, совершил "опричное действие". Богров — это отголосок опричнины и прообраз ЧК в одном лице.

"Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия", — от лица русских крикнул Столыпин в сумеречные дали Евразии. И не расслышал, как в ответ глухо, могильно прозвучало: "Не вам, а нам". Столыпин не успел осознать, что русским нужна *Великая Русь*...

Кагал сменяет Степь

Убийство Столыпина ознаменовало активизацию еврейского элемента в Проекте. Собственно, если принять гипотезу о еврейке Малуше, то очевидно, что Проект был зачат в ее утробе. Очевидно, евреи возлагали определенные надежды на христианство. Так в «Краткой истории евреев» (С.-Пб, 1912), написанной евреем же С. Дубновым, читаем: "Распространение христианства среди... воинственных "варварских" племен **должно было** повести к смягчению их нравов; **христианская религия**, **вышедшая из иудейской**, **должна была еще больше**

сблизить туземцев... с жившими среди них евреями" (*выделено мной — А.Ш.*). Тем не менее в России-Евразии евреям выпала непростая судьба. Уже в домонгольские времена, при князе Изяславе I, киевляне, возмущенные моралью и поведением евреев, очищали от них столицу. О полоцкой акции Ивана Грозного мы уже говорили. Не жаловал евреев и Петр I; его украинский поход стал, по словам историков, сплошным погромом (что, впрочем, не мешало Петру держать возле себя ловчилу Шафирова). Дочь Петра, Елизавета, издала указ о высылке всех евреев из России. Но Екатерина II, Павел I, Александр I (особенно последние) уже поворачиваются к "народу божьему" лицом (так что вожделенное "смягчение нравов" гоев все же наступило). Павел, например, несмотря на требования христианского населения, позволил евреям остаться в Ковно, не допустил изгнания евреев из Киева и Каменец-Подольска (хотя за это ратовала даже церковная иерархия), оставил евреев в Риге, а также отменил ограничения их прав. Александр же выпустил первый в России "Еврейский статут", открывавший евреям путь к земледелию и промышленности. "Евреям также рекомендовалось приобретение русского светского образования, чтобы иметь возможность включиться в русскую социальную и культурную жизнь" («Александр II — человек на престоле», Мюнхен, 1986). Николай I под влиянием Филарета Московского повел в отношении евреев "жесткую" политику, сводившуюся ко всяческому подталкиванию их в лоно православия; крестившись и, таким образом, став "русским", еврей получал "весьма большие льготы: принятие на государственную службу и т.д." (там же). Таким вот страшным "антисемитом" был Николай I. Более того: при нем учредили раввинские училища с курсом гимназий, распространив на них льготы русских гимназий. Но Александр II в области государственной юдофилии продвинулся еще дальше, обогнав даже... современный ему Запад. Так, наряду с прочими мероприятиями того же рода, он предоставил право повсеместного жительства в России евреям-купцам первой гильдии, лицам с высшим образованием и ремесленникам, объявил обучение детей евреев-купцов и почетных граждан обязательным. "Прошло с тех пор 50 лет, — писал в 1909 году М. Меньшиков, — и обязательное обучение для русских (*"господствующих"! — А.Ш.*) остается все еще мечтой, о евреях когда вспомнили!

Мудрено ли, что еврейство хлынуло во все наши интеллигентные профессии, между прочим в те, которых долг — хранить национальное миросозерцание и государственный характер?.."

М. Меньшиков приводит следующие данные: "Петербургский университет принял в 1906 году почти 18 процентов евреев (вместо 3 процентов), Харьковский — около 23 процентов, Киевский — 23 процента, Новороссийский — 33 процента, Варшавский (в 1905 году) — 46 процентов. Прибавьте к этому так называемых вольнослушателей-евреев и вольнослушательниц (между последними евреек было 33 процента). В прошлом году (*в 1908 — А.Ш.*) в среднем евреи занимали почти 12 процентов всего русского студенчества", составляя, добавим, 4 процента от населения России.

"Евреи довольно глубоко проникли в русское общество... В некоторых отраслях свободных профессий — в периодической печати, среди врачей, в адвокатуре — евреи стали преобладать", — признавал еврей Давид Заславский. В начале XX века "евреи состояли в политических партиях, были представлены в Госдуме, имели влияние на городское и земское самоуправление, на органы юстиции и суда, организации промышленников, держали в руках десятки издательств, контролировали значительную часть прессы" (В. Бегун, «Вторжение без оружия»).

К началу XX столетия "евреи составляли 55% купцов первой и второй гильдий"; тогда же "в Киеве среди купцов первой гильдии евреев было 414, а христиан — 18" (А.З. Романенко, «О классовой сущности сионизма», Лениздат, 1986). Из 93,9% российских евреев, проживавших в черте оседлости, 75% занимались торговлей и ремеслом (там же). Среди евреев была почти всеобщая грамотность; "еврейское население России стояло выше коренного населения по уровню благосостояния, образования и другим важнейшим показателям" («Вторжение без оружия»).

"В дореволюционной России процветали такие крупнейшие еврейские финансовые тузы, как торговец спиртными напитками и банкир Евзель Гинцбург — отец Горация Гинзбурга, основателя и владельца Ленских золотых приисков. А кроме них были еще Гальперины, Бродские, Этингеры, Поляковы и многие другие... В целом по России 60-70% всей торговли са-

харом приходилось на долю еврейских предпринимателей" («О классовой сущности сионизма»).

М. Меньшиков пишет о том, "с какой неутомимой страстью жиды лезут в родовую аристократию, выдают (вернее, продают) своих дочерей за Рюриковичей и покупают себе гербы и титулы. (*Например, народный комиссар Чичерин родился от брака своего отца — родовитого дворянина — с еврейкой — А.Ш.*) Даже не делаясь "чисто русским дворянином", г-н Мовша Гинзбург имеет возможность, как недавно было на его рауте, заставлять русских адмиралов и полных георгиевских кавалеров танцевать на цыпочках с жидовками, причем около каждого еврея была свита из знатных русских" (1911). Но что говорить о дворянстве и аристократии, если еще в XIX веке евреи, этот, по словам Меньшикова, *"азиатский, крайне опасный, крайне преступный народ"*, кровью вошли в Российскую императорскую фамилию? Граф С.Ю. Витте вспоминал: "При жизни император Александр III (*"государь-охранитель", заметим! — А.Ш.*) выдал замуж свою старшую дочь, Ксению Александровну, за великого князя Александра Михайловича... К детям великого князя Михаила Николаевича (*отец Александра Михайловича — А.Ш.*) император относился не так благосклонно; к жене великого князя великой княгине Ольге Феодоровне (*матери Александра Михайловича — А.Ш.*) император также относился не вполне благосклонно, вероятно потому, что она имела еврейский тип, ибо как известно в Бадене, она находилась в довольно близком родстве с одним из банкиров в Карлсруэ.

Этот еврейский тип, а пожалуй и еврейский характер, в значительной степени перешли и к некоторым из ее детей".

Еще раз подчеркнем: "император-консерватор", "император-националист", каковым его считают монархисты, отдает свою старшую дочь за бастарда с еврейской кровью, усиливая генетическое отравление Августейшего рода — хотя и относится "неблагосклонно" к семейству зятя. "Охранитель", вводивший ограничения для евреев, не смог охранить от них собственный род. Как видим, петербургские императоры вполне восприняли от московских царей традицию межрасовой содомии. Только азиатский компонент обновился. Вместо татарских князей — еврейские банкиры. Такое впечатление, что Проект, сильно задолжавший благодарной памяти о плодови-

той утробе Малуши, теперь спешно "выплачивал по счетам". У России-Евразии появились новые любимцы, но изгои остались те же — русские.

М. Меньшиков писал, что вся политика "правительства в отношении евреев состояла в том, чтобы перевести еврейство из сравнительно неопасного России состояния в опасное". Уточним: опасное не для России, а для русских. Мы сформулируем так: под прикрытием либерализма и христианского гуманизма происходило *обновление евразийского элитного слоя*, впрыскивание в него свежего азиатского элемента, необходимого для перехода Проекта в более радикальную фазу. "Красивая девочка" Ариадна Шенк стала характерной приметой надвигавшейся "Новой Хазарии". М. Меньшиков предрекал: "...не пройдет и полстолетия, как мы в самом деле будем иметь новый феодализм, только в отвратительнейших формах жидовского засилья (*таковым и стал, по сути, большевизм — А.Ш.*)".

Могут возразить, что довольно длительный (в основном московский) период истории России-Евразии ознаменован резко-отрицательным отношением к иудеям. Отметим — именно к иудеям, а не к евреям как таковым. Вспомним все тот же полоцкий погром Ивана Грозного. Согласно воле царя, утоплению подлежали лишь те евреи, кто отказывался креститься. Таково решение "еврейского вопроса" по Грозному: разжижение русской массы крещеными евреями, как будто и без того мало было всевозможных православных "обдоров" (царь следовал примеру Византии, где упорствовавших иудеев, правда, не топили, а всего лишь изгоняли за пределы империи; крещеный же еврей мог дослужиться хоть до патриаршего клобука). Такой же рецепт предлагал, спустя несколько столетий, и Николай I (что уж говорить о императорах-либералах!). Христианский радикализм в "еврейском вопросе" ограничен религиозными рамками и не простирается далее антииудаизма. Любые попытки христианина взглянуть на "еврейский вопрос" с расовой точки зрения гасились и гасятся напоминаниями о кровном родстве "народа божьего" с Христом, Марией и апостолами. Поэтому для христианина крещеный еврей — значит "хороший" еврей, полноправный член коренного народа — "русский", "немец" и т.д. Новую исходную позицию в решении "еврейского вопроса" первым в России пред-

ложил, пожалуй, все тот же М. Меньшиков: "расовое отвращение", "протест крови".

Легко понять, что в случае захвата христианином Грозным Ливонии и Литвы, евреи вернулись бы в Евразийский Проект гораздо раньше, чем это произошло в действительности. Упорствовавших в талмудизме царь перебил бы, а другие (не большая ли часть?) влились бы, крестившись, в русскую среду, а затем, благодаря природной изворотливости и грамотности, достигли бы "степеней известных" (как это произошло в средневековой Испании, накалу антииудаизма которой завидовала даже Московия). Конечно, в Петербургской империи еврейская экспансия значительно облегчалась тем, что вместо истинного европеизма российские верхи прочно усвоили его либеральный суррогат. Христианство в сочетании с либерализмом породило юдофилию и даже комплекс вины перед народом, "давшим Бога". Носителем такого сознания был, судя по всему, Александр II, проявлявший к евреям "гуманность и даже симпатию". Трагикомичный парадокс: жаждя быть "поевропеистей", власти империи готовили кадры для азиатского суперреванша. Императоры, слепые рабы Проекта, сами обрекали белое население на красный террор и коллективизацию, а свой Августейший род — на Ипатьевский подвал и Алапаевскую шахту.

Итак, в течение предоктябрьских десятилетий происходила органичная "смена караула" в элитном слое России-Евразии. "Степной" элемент заменялся элементом "пустынным", заряженным, в силу многих религиозно-исторических особенностей, несравненно более антиарийски. К тому же, в отличие от "степняков", "дети пустыни" обладали разработанной идеологией талмудического расизма, которая провозглашает религиозно-расовое превосходство евреев над "гоями" и, соответственно, право "народа божьего" на господство и даже массовое физическое истребление "язычников". Прибавьте к этому еврейский контроль над значительной частью международного финансового капитала и мировыми масонскими структурами. Все это не сулило белому населению России ничего хорошего. Татарщина должна была показаться "цветочками". Так и случилось. По сравнению с Троцким, Батый был либералом от азиатчины.

Евреи — это суперевразийцы (повторяем, Хазария была

государством евразийского типа). И по сей день вы не найдете более рьяных сторонников идеи "многонациональной России". Не случайно, что идеология евразийства как таковая была разработана в 20-е годы при активном участии еврейского ГПУ. Конечно, евреи включились в Проект, преследуя свои цели, а именно — власть над миром, а это значит, прежде всего над арийским миром. Но ведь и татары изо всех сил рвались на запад и остановились только по объективным причинам. Подобно своим ордынским предтечам, еврейские комиссары предприняли попытку расширить Проект до планетарных масштабов, что полностью соответствует глобалистской сути евразийства. Мировая коммуна (или сооружаемый ныне "Новый мировой порядок") — это всемирная Евразия, но во главе с "избранным народом", на хазарский манер. Однако в 1920 году красная волна разбилась о Запад, тогда еще достаточно крепкий в культурно-расовом плане. Не взяв Варшаву, иудо-большевизм вынужден был локализоваться в рамках Советской России, как когда-то татары локализовались на пространстве Восточной Европы и Сибири.

Но вернемся в преддверие 1914 года. "Народу божьему" была необходима российско-германская война. В ходе нее должно было произойти обновление российского элитного слоя вплоть до его тотальной семитизации — при параллельном подъеме в евразийской массе вековых антизападных настроений, дабы на их волне Буденный дошел бы до Ла-Манша.

Как известно, все так и случилось — только без Ла-Манша. Что же касается антиевропейских настроений, то 1914 год пробудил-таки реликтовые стереотипы, сформировавшиеся, возможно еще в те времена, когда славяне в составе гуннских полчищ сокрушали колонны Рима (некоторые российские историки считают Атиллу славянином и гордятся своим предком). Не отсюда ли надо вести отсчет Евразийского Проекта? Очевидно, в те времена на Западе и зародилось представление об угрозе с востока — не лишенное оснований, надо сказать. Ордынские тумены, домчавшиеся до центральной Европы, укрепили это представление, буденновцы — усилили, а советские армады 1945-го — подтвердили.

Орден Русь?

Но были, однако, силы, активно выступавшие против войны с Германией. И тут надо прежде всего назвать имя Григория Распутина — загадочного человека, возникшего рядом с царской семьей, подобно воплощению гения расы. Русский выходец из сибирской глубинки, он настойчиво предостерегал императора Николая II от войны с немцами. "В мемуарах одного из царских дипломатов приводится такой эпизод. Находясь во Франции незадолго до начала Великой войны, дипломат этот встретился там с известным гр. Витте, бывшим российским премьером, и заинтересовавшись мнением последнего, что в России в настоящее время есть только один человек, способный понять всю серьезность и драматичность ситуации, на вопрос, кто же этот человек, он услышал: Распутин!" (Н.К., «Убийство Распутина», М., 1990).

Есть основания предполагать, что Распутин, как и императрица Александра, на которую он имел громадное влияние, входили в некий тайный германо-русский орден ("Балтикум"?), символом которого была свастика — древнейший расовый знак арийцев. Свастика, как известно, украшала радиатор автомобиля императрицы; этот знак она часто ставила на своих письмах; две свастики, начертанные рукой Александры, были обнаружены колчаковцами в доме Ипатьева после убийства царской семьи. Отметим, что Распутин поддерживал тесные отношения с известным целителем Бадмаевым, бывшим тибетским ламой, который в свою очередь неоднократно встречался с Хаусхоффером — создателем теории "жизненного пространства", впоследствии близким к вождям Третьего Рейха. Некоторые исследователи утверждают, что позднее, в 1918 году, германо-русский орден разработал план похищения царской семьи из Тобольска, однако он сорвался из-за перевода пленников в Екатеринбург. Руководил операцией из Тюмени зять Распутина, Соловьев, которому помогал некто Марков — бывший офицер Крымского конного Ее Величества полка. Назначенный адмиралом Колчаком следователь Соколов, выяснявший обстоятельства смерти царской семьи, заинтересовался свастиками, обнаруженными в доме Ипатьева. "...личный дневник Соловьева открыл ему глаза. Всюду на его

страницах встречался этот символ; на вопросы зять Распутина отвечал уклончиво: "Это индийский знак, означающий вечность". Зато Марков был более точен: "Свастика — условный знак ассоциации, хорошо известный царице". По прибытии в Киев Марков был незамедлительно назначен в личный штаб генерала графа Келлера, протеже гетмана Скоропадского. Установлено, что Марков посылал прямо в Берлин шифрованные телеграммы" (В. Жерсон, «Нацизм — тайное общество», М., 1998). Примечательно, что большинство "более или менее известных русских, позже замеченных в окружении Гитлера и Людендорфа, находились в Киеве во время немецкой оккупации: полковник Винберг (*именно через него в Германию попали «Протоколы сионских мудрецов», сыгравшие колоссальную роль в национал-социалистической агитации — А.Ш.*), поручик Шаберски-Борк (*правильнее Шабельский-Борк; в 1922 году он вместе с Сергеем Таборицким застрелил известного кадета Набокова — А.Ш.*), генерал Бискупский (*во время Мюнхенского национального восстания 1923 г. закрывал Гитлера от пуль своим телом — А.Ш.*), генерал князь Авалов (*в действительности полковник; будущий лидер русских "нацистов" в Рейхе — А.Ш.*), генерал Скоропадский. Там же был и натурализовавшийся до 1914 года немец, теоретик "Балтикума" и арийства Пауль Рорбах" («Нацизм — тайное общество»).

В начале 20-х Бискупский и Шабельский-Борк вступили в ряды общества "Aufbau" ("Возрождение"), основанного балтийским немцем Шойбнер-Рихтером, близким к лидеру НСДАП Адольфу Гитлеру. В этом же обществе состоял и Альфред Розенберг, тогда еще только вынашивавший замысел «Мифа XX века». Общество ставило целью создание германо-русского антибольшевистского фронта. Под эгидой "Aufbau" в 1921 году состоялся съезд русских правых в Бад-Райхенхалле. Шойбнер-Рихтер был в дружеских отношениях с великим князем Кириллом и его супругой Викторией, внесшей немалый финансовый вклад в строительство НСДАП. Сохранилась фото, на котором отчетливо видна свастичная брошь на платье Виктории.

Предположительно, к обществу "Балтикум" принадлежал и знаменитый герой белой борьбы барон Унгерн (1885-1921), происходивший из прибалтийских рыцарей-тевтонов. Буддист в третьем поколении, нередко медитативно созерцав-

ший свастику, Унгерн через учение арийского царевича Гаутамы проникал к духовным первоосновам Белой расы. Поэт Любич-Милош, отпрыск древнего литовского рода, говорил: "Мой отец и дед были тайными буддистами. Буддизм воинов, кшатриев — это настоящий путь для дворянства «Балтикум»..." («Нацизм — тайное общество»). Унгерна пытаются представить как "евразийца в седле", как нового Чингихана, однако в реальности он был белым укротителем азиатских стихий, Анти-Чингизханом, восстановителем расовой иерархии. Его дивизия шла на Запад, чтобы в лице германо-русского императора восстановить власть Белого Господина, чья воля смирила бы евразийские массы. Это был "дранх нах остен" с востока.

Однако вернемся за рубеж 1917 года. Вполне возможно, что планы германо-русского ордена не ограничивались предотвращением, а затем и прекращением Великой войны. Предполагаем, что "Балтикум" был организацией людей нордического типа, целью которых была ликвидация Проекта "Россия" и запуск Контрпроекта" Русь". Наверное, многие с удивлением разглядывали отчетливые, прямо-таки "гитлеровские" свастики на бумажных деньгах Временного правительства — на "керенках". Откуда этот знак на купюрах либерального режима? И действительно: откуда? Не уместно ли предположить, что появление свастики на ассигнациях планировалось еще до Февраля — конечно, под влиянием "Балтикума"?

Распутин, судя по всему, был душой германо-русского ордена, и поэтому ликвидация старца была крайне важна для адептов Проекта — будь то евреи или православные типа бессарабца Пуришкевича и татарина Юсупова. Кстати, участие князя Юсупова в убийстве Распутина весьма знаменательно: оно стало последним евразийским жертвоприношением, совершенным уходившей с авансцены татарской знатью. Но оно было щедрым. Гитлер сказал, *что реакционные круги устранили "Распутина — единственную силу, способную привить славянскому элементу здоровое миропонимание"*. Как человек, надо полагать, причастный к германо-русскому ордену, фюрер знал, что говорил.

***

Евреям было несложно столкнуть Россию в войну с Германией — слишком велика была антизападная инерция Империи, заданная Византией и Ордой (показателен массовый энтузиазм после известия о начале войны; даже у М. Меньшикова помутился рассудок и он предвосхитил антинемецкую публицистику Ильи Эренбурга). Используя подконтрольные евреям международные масонские сети, являющиеся, по сути, азиатской агентурой внутри Белого мира, "сионские мудрецы" активизировали базовые стереотипы Проекта, прежде всего — византийско-православную составляющую. Напомним, что еще Святослава погубило вмешательство в балканские дела. На этот раз "последний бросок на юг" сделал Николай II, как зомби, ринувшись спасать "братскую Сербию" и "воздвигать крест" на Святую Софию. Результат: из черепа Святослава пили убившие его печенеги, а заспиртованной головой последнего императора, по слухам, любовались другие азиаты — кремлевские иудо-большевики. После Святослава русских крестили во Христа, а после Николая — "звездили" в Маркса. Дорого нам обходятся "юга"...

Много пишут о слабости Николая, но не понимают, что это слабость заложника Проекта. Воля императора была парализована всевозможными фаталистическими пророчествами, сновидениями, знамениями, и по сей день потоком исходящими из "психогенератора" византизма. Николай не мог и не хотел стать новым Петром, Революционером, Освободителем Расы. Он о таком и не мыслил. Да если бы даже Николай и решился на крутые меры, это по существу ничего не изменило бы — он остался бы в силовом поле Проекта, который имеет весьма широкий режимный диапазон — от Ивана Грозного и Ленина до Александра II и Горбачева. Требовалась политическая партия Контрпроекта, партия Расовой Революции. Таковой не стал и Всероссийский национальный союз, не говоря о Союзе русского народа, чья "идеология" исчерпывалась тремя системными стереотипами — "православие, самодержавие, народность". Требовался Русский Гитлер — возможно, его и убили декабрьской ночью 1916 года в подвале особняка татарина Юсупова.

Февраль (как и российский либерализм вообще) выполнил роль "смазки" перед очередным оргазмом азиатчины. "Европейцы" типа Паши Милюкова, считавшие для себя честью

дружить с евреями, были в действительности заурядными азиатскими холуями, каких, увы, достаточно в российской истории. Либеральное "западничество", по словам Д. Галковского, являлось в сущности формой "азиатской реакции на излишнюю европеизацию".

Октябрь был не переворотом, не изломом, и тем более не катастрофой, а органичной (если не плановой) сменой фаз Евразийского Проекта. А. Проханов когда-то проницательно подметил, что Горбачев "подверстал" свои структуры под Ельцина. Так вот Николай "подверстал" империю под Ленина. В результате дворяне новой, еврейской генерации (типа Ленина, Чичерина, Дзержинского и прочих) заменили собой старую, славяно-татарскую дворянскую номенклатуру, уже не вполне отвечавшую Проектным целям (точно так же Гайдар и Чубайс в 1991 году сменили Лигачева и Лукьянова). Евреи "разморозили" утробную, хазарскую компоненту Проекта и он заработал в режиме "второй молодости". Владимир Креститель вернулся в лице Владимира Звездителя. Катастрофой Октябрь стал не для России, а для ее белого населения, но катастрофой очередной, которая при всей своей чудовищности вряд ли затмила христианизацию. (Правда, новинкой стал весьма цельный, истинно евразийский культурный феномен, образованный слиянием иудейской технологии пыток с ордынским искусством мучительства.) Розанов изумлялся: как же Россия "слиняла в три дня"? Да потому и "в три дня", что переход этот был легким, естественным, вытекающим из самой органики Проекта — повторяем, *смена фаз*. Путь "от двуглавого орла к красному знамени" — это единый исторический процесс; одна "интерналка" сменила другую. И Россия вовсе не "слиняла" — "слиняли" вскоре в небытие миллионы русских, европеоидов. Белое движение было, по сути, не борьбой за "единую и неделимую", а стихийной самообороной *белых людей* в условиях новой экстремальной фазы расово чуждого им Проекта. За "единую и неделимую" дрались красные — евреи, "обдоры" и многочисленные ублюдочные продукты евразийского "плавильного тигля".

«Новая Хазария»

Д. Галковский пишет: "...Из Швейцарии приехал аятолла Ульянов — дальнейший ход событий хорошо известен. Белые русские вдруг оказались посреди огромной разъяренной колонии".

Бунин, один из "белых русских", наблюдает из окна: "...Знамена, плакаты, музыка — и, кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток: — Вставай, подымайся, рабочий народ! Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, прямо сахалинские... И Азия, Азия — солдаты, мальчишки, торг пряниками, халвой, папиросами... Восточный крик, говор, и какие мерзкие даже и по цвету лица, желтые и мышиные волосы...".

"Да, скифы мы, да, азиаты мы..." (Блок)

"...лицо монгольского востока славянскою волнуяся чертой..." (Хлебников о Ленине).

Возглавили Великую Октябрьскую Азиатскую Реакцию евреи, выбросив лозунги "Все поделить" и "Всех уравнять", нашедшие живейший отклик в евразийском расовом мусоре. Очевидец событий 1917 года д-р Симонс, бывший настоятель методистской церкви в Петрограде, свидетельствовал: "Среди агитаторов были сотни евреев из низов Восточной части Нью-Йорка (*российские евреи получили приличное кадровое подкрепление — А. Ш.*). В 1918 году правительственный аппарат в Петрограде состоял из 16 настоящих русских и 371 еврея, причем 265 из этого числа прибыли из Нью-Йорка". Позже, после переезда большевистского правительства в Москву, соотношение стало таким: из 556 человек высшего эшелона власти 447 составляли евреи. В Президиуме ВЦИКа состояли: Свердлов - еврей, Зиновьев - еврей, Троцкий - еврей, Володарский - еврей, Ларин - еврей, Стеклов - еврей, Каменев - еврей, Смидович - еврей, Урицкий - еврей, Луначарский - еврей, Крыленко - русский, Ленин - калмыко-еврей.

Российское еврейство массами вливалось в большевистскую партию и советский госаппарат. Ленин откровенно признавал: " Эти еврейские элементы были мобилизованы против саботажа и таким образом они имели возможность спасти революцию в самый критический период. Мы имели возмож-

ность захватить административный аппарат только потому, что имели под руками этот запас разумной и образованной рабочей силы".

"Евреи ведут храбрые массы русского(?) пролетариата к победе... Символ еврейства... сделался символом русского(?) пролетариата, что видно из принятия красной пятиконечной звезды, которая, как известно, в старые времена являлась символом сионизма и еврейства. Под этим знаком придет наша победа и смерть тунеядцам-буржуазии... За те слезы, которые пролило еврейство, они заплатят кровавым потом", — писала в 1919 году большевистская харьковская газета.

"Тунеядцы-буржуазия", которому предстояло вскоре изойти "кровавым потом" — это белое население России. С азиатским темпераментом Троцкий живописал картину воплощения в жизнь догматов талмудического расизма: "Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную **белыми неграми** (*выделено мной; т. е. белые люди, прежде всего русские, должны занять положение низшей расы — А.Ш.*), которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока *(как мы уже и говорили, Батый "может отдыхать" — А.Ш.).* Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, не белая, а красная. В буквальном смысле этого слова красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн... Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния... А пока наши юноши в кожаных куртках — сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы умеют ненавидеть все русское! С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию — офицеров, академиков, писателей... (*Одной из первых жертв Красного террора стал русский мыслитель М. Меньшиков. Его расстреляли 20 сентября 1918 года. Незадолго до смерти он писал из тюрьмы жене: "Члены и председатель чрезвычайной следственной Комиссии евреи и не скрывают, что арест мой и суд — месть за старые мои обличительные статьи против евреев" — А.Ш.).*"

Массовое истребление белых людей в России началось с уничтожения их расового знамени — императора и его семьи

(17 июля 1918 года, Екатеринбург). Организаторами и главными исполнителями цареубийства стали, разумеется, евреи. Это председатель ВЦИКа Свердлов, его друг диктатор Урала Голощекин, комиссар по снабжению Войков и чекист Юровский, лично застреливший императора и наследника. В источниках упоминается некий таинственный субъект раввинского вида, прибывший из Москвы — очевидно, куратор; ему и приписывают начертание четырех каббалистических знаков, обнаруженных на месте расстрела Романовых. В цареубийстве проявилась вся расовая и оккультная природа большевизма. Императоры русско-германской крови были ненавистны "жидам-комиссарам" как воплощение арийского начала. Это кровь ненавидела Кровь. Истребляя Романовых, евреи уничтожали живую память русских о матери-Европе, о Руси. Как уже было сказано, незадолго до расстрела императрица Александра начертала на стене дома Ипатьева свастику, завещая белым людям борьбу за освобождение из-под гнета недочеловеческих стихий.

После убийства Белых царей развернулся чудовищный по масштабам геноцид белого населения. Был создан второй после опричнины, но несравненно более мощный и изуверский аппарат азиатского террора — ЧК, в аббревиатуре названия которого скрыто еврейское слово, означающее "бойня для скота", каковым, согласно расовой теории талмуда, являются все неевреи-гои (см. кн. Н.Д. Жевахов, «Воспоминания», М., 1993). Возглавил его Дзержинский — согласно Г. Климову, польский полуеврей. На местах орудовали также в основном евреи. "В Одессе свирепствовали знаменитые палачи (чекисты) Дейч и Вихман, оба жиды... Каждому жителю Одессы было известно изречение обоих, что у них "нет аппетита к обеду, прежде чем не перестреляют сотню гоев". По газетным сведениям ими расстреляно свыше 8000 человек, но в действительности эту цифру надо увеличить по меньшей мере в десять раз" (Жевахов). С. Мельгунов в книге «Красный террор в России» пишет: "Нилостонский описывает внешний вид одной из киевских человеческих "боен" (автор утверждает, что они официально даже именовались "бойнями"...): "...Весь цементный пол большого гаража (дело идет о "бойне" губернской чека) был залит не бежавшей уже вследствие жары, а стоявшей на несколько дюймов кровью, смешанную в ужасающую массу с

мозгом, черепными костями, клочьями волос и другими человеческими останками. Все стены были забрызганы кровью, на них рядом с тысячами дыр от пуль налипли частицы мозга и куски головной кожи. Из середины гаража в соседнее помещение, где был подземный сток, вел желоб в четверть метра ширины и глубины, и приблизительно 10 метров длины. Этот желоб был на всем протяжении доверху наполнен кровью *(русской, русской кровью! — А.Ш.)*... Рядом с этим местом ужасов в саду того же дома лежали наспех поверхностно зарытые 127 трупов последней бойни... тут нам особенно бросилось в глаза, что у всех трупов разможжены черепа, у многих даже совсем расплющены головы. Вероятно, они были убиты посредством разможжения головы каким-нибудь блоком. Некоторые были совсем без головы, но головы не отрубались, а... отрывались...

В обычное время трупы вскоре после бойни вывозились на фурах и грузовиках за город и там зарывались. Около упомянутой могилы мы натолкнулись в углу сада на другую более старую могилу, в которой было приблизительно 80 трупов... Тут лежали трупы с распоротыми животами, у других не было членов, некоторые были вообще изрублены. У некоторых были совершенно выколоты глаза и в то же время их головы, лица, шеи и туловища были покрыты колотыми ранами *(некоторые исследователи усматривают в этом доказательство ритуального характера пыток — А.Ш.)*... Далее мы нашли труп со вбитым в грудь клином. У нескольких не было языков. В одном углу могилы мы нашли некоторое количество только рук и ног. В губернской чека (то же и в Харькове!) мы нашли кресло вроде зубоврачебного, на котором остались еще ремни, которыми к нему привязывалась жертва. Весь цементный пол комнаты был залит кровью, а к окровавленному креслу прилипли остатки человеческой кожи с волосами... В уездной чека было тоже самое, такой же покрытый кровью и костями и мозгом пол и пр. В этом помещении особенно бросилась в глаза колода, на которую клалась голова жертвы и разбивалась ломом, непосредственно рядом с колодой была яма, вроде люка, наполненная доверху человеческим мозгом, куда при разможжении черепа мозг тут же падал..."

Это уже не "промывка" русских мозгов, а их организованная утечка... в канализацию. В работе «Русская политика и

русская философия» Д. Галковский рассказывает следующий эпизод из жизни Л. Гумилева: "Во время следствия его допрашивали два еврея — один разбивал прикладом шейные позвонки, а другой хохотал за столом, крутя карандашик: "Бей этого гоя по голове — он умный!" Отмотав срок и выйдя с зоны с манией преследования и кривящейся набок шеей, "умный гой" стал разрабатывать теорию "этногенеза" — несчастную попытку умного и талантливого человека сохранить достоинство путем интеллектуальной мимикрии..." Евразийская мысль ковалась чекистским прикладом... А ведь могли и просто мозги вышибить.

Как там говорил товарищ Ленин? "Разумная и образованная рабочая сила"? Хотя, конечно, без помощников с "сахалинскими лицами" не обошлось...

Весьма знамениты были киевские еврейки-чекистки Роза Шварц и некая Вера. "Особую их ярость вызывали те из попавших в чрезвычайку, у кого они находили нательный крест. После невероятных глумлений над религией, они срывали эти кресты и выжигали огнем изображение креста на груди или на лбу своих жертв" (Жевахов). Потомки дядюшки Добрана нещадно искореняли чрезмерно арийизированное, по их мнению, христианство.

"Одно из помещений киевской ЧК выглядело, по рассказам очевидцев так: "Большая комната, и посредине бассейн. Когда-то в нем плавали золотые рыбки... Теперь этот бассейн был наполнен густой человеческой кровью. В стены комнаты были всюду вбиты крюки, и на этих крюках, как в мясных лавках, висели человеческие трупы, трупы офицеров, изуродованных порой с бредовой изобретательностью: на плечах были вырезаны "погоны", на груди — кресты, у некоторых вовсе содрана кожа, — на крюке висела одна кровяная туша. Тут же на столике стояла стеклянная банка и в ней, в спирту, отрезанная голова какого-то мужчины лет тридцати, необыкновенной красоты..."

Голова русского.

Белый мужчина обезглавлен, теперь можно было утолить извечную азиатскую мечту о "белой женщине" — об этом хорошо пишет Д. Галковский (насилия над русскими женщинами приняли массовый характер, особенно на юге России, в регионах с наибольшей плотностью еврейского населения). В

книге «Бесконечный тупик» он дает яркий анализ поэмы еврея Багрицкого «Февраль», в которой сексуальное насилие жида-комиссара над некогда недоступной для него "синезеленоглазой" русачкой представлено в качестве символа расового господства над "гоями" (вспоминается Малушин сын, кипучая деятельность которого началась с подобного же деяния):

"...Я ввалился,
Не стянув сапог, не сняв кобуры,
Не расстегивая гимнастерки...
...Я беру тебя, как мщенье миру,
Из которого не мог я выйти!.."

"Местечковый джигит", как назвал его Д. Галковский, чья психология ничем не отличается от психологии "черножопых" торговцев помидорами на нынешних московских рынках. Более того: еврейские организаторы ГУЛАГа (до 1936 года — начальник Берман) и колхозной системы, по сути, едины с "мирными" чеченскими селянами, державшими на цепи русских рабов. Едины в верности "азиатскому способу производства"*. Разница только в масштабах*.

"Белым неграм" полагается рабский труд. Унесший четверть миллиона русских жизней Беломорканал, на берегах которого Солженицын предлагает выложить имена надсмотрщиков — Фирин, Берман, Френкель, Коган, Раппопорт, Жук (все евреи) — был, по существу, великой стройкой в духе восточных деспотий. Ею же стал и весь ГУЛАГ в целом.

Системой порабощения русских стали и колхозы, возродившие "даже не старую русскую общину, каковая сводилась не только к фиску, но — общину древнего Египта и Месопотамии, арабского халифата и средневековой Африки" (М. Бернштам, «Стороны в гражданской войне 1918-1922 г.г.», М. 1992).

Сама коллективизация, основным инструментом которой был организованный сверху массовый голод (1932-1933) — очередной этап геноцида. "Крестьяне ожесточенно сопротивлялись коллективизации. Первым результатом последней было массовое уничтожение скота... Но еще страшнее количество человеческих жертв. Крестьян депортировали целыми семьями в арктические области или в пустынные степи Азии. С 1928 до 1934 г. погибло 5 миллионов крестьянских семей, иначе говоря, до 20 миллионов душ" (Б. Бразоль, «Царствова-

ние императора Николая II в цифрах и фактах», М., 1990). Уничтожали т.н. кулаков, т.е. наиболее полноценных биологически. Это была сознательная политика антиселекции, направленная, в отличие от политики Столыпина, на максимальное понижение расового качества белого населения страны.

Голодомор, охвативший Центральную и Восточную Украину, Кубань и Дон (регионы наибольшего антисоветского накала!), был спровоцирован повышенными нормами заготовок, спущенными из Москвы. На Украине коллективизацию курировал еврей Каганович, коммунист №2. Пробил час еврейской расовой мести украинцам за антисемитские восстания Хмельницкого и гайдамаков. Отряды Красной Армии под началом командующего округом еврея Якира "изымали все, что можно было считать едой, и беспощадно уничтожали" (В. Суворов, «Очищение», М., 1998). Вопрос стоял так: "колхозы или смерть". Распространилось массовое людоедство. ГПУ, между тем конфисковало в селах лопаты, а войска охраняли хлебные поля от вымирающих "гоев". Летом 1933 года началось нашествие голодающих в Москву. *Только на Украине* голод унес жизни **29 миллионов** человек (см. «Новое время» №46, 1998).

Знаменательно, что незадолго до Голодомора, в 1930 году, на Красной площади появилось странное пирамидальное сооружение, довольно органично дополнившее азиатскую компоненту стилистики Кремля. Речь идет, конечно, о мавзолее Ленина, но для расового анализа интересен не столько он сам, сколько его содержимое — Мумия.

Решение о бальзамировании тела вождя было принято по инициативе начальника "боен" Дзержинского в марте 1924 года, когда уже началась пигментация и высыхание тканей трупа. Работой руководил протеже Дзержинского биохимик Б. Збарский (еврей), он же был автором технической идеи. В чем она заключалась, никто не ведает; Збарский говорил, что "дуракам показывают только половину работы". Скорее всего, не обошлось без еврейской оккультной премудрости. Когда Дмитрий Ульянов увидел тело брата после окончания операции, то был потрясен: "Он лежит таким, каким я видел его тотчас после смерти". Дмитрий закончил свои дни в сумасшедшем доме (В. Авдеев, «Мумия Ленина», «Империя» №№ 16-17).

В. Авдеев полагает, что на идею создания Мумии боль-

шое влияние оказали труды венского масона Пауля Каммерера, которого еврей Луначарский даже приглашал на жительство в СССР. Каммерер много внимания уделял, в частности, вопросам скрещивания белой и цветной рас с целью постепенного подавления признаков первой. "*Русская (?) революция и планировалась в биологическом отношении как своего рода генетический порог, за которым суждено было начаться новой жизни, состоящей в поэтапном методическом изменении расово-биологической структуры русского народа, закономерным результатом каковой и стал пресловутый homo soveticus*". Надо только уточнить, что "изменение расово-биологической структуры" русских происходило, благодаря "евразийскому котлу", и до 1917 года; евреи лишь придали этому процессу более "инженерный" характер.

Непосредственным толчком к созданию Мумии, по мнению В. Авдеева, послужила работа Каммерера с характерным названием «Смерть и бессмертие», законченная в 1923 году в Вене. В частности, там рассказывается о "способах омолаживания кожи, констатируя, что "сухая", морщинистая, шелушащаяся, бледная или синевато-красная старческая кожа становится влажной, эластичной, розовой, юношеской...", — словом, как у Мумии после таинственных манипуляций Збарского. Но главное не в этом. Книга Каммерера посвящена проблеме посмертного достижения "органического телесного бессмертия индивида", которое, согласно масонскому автору, "возможно только за счет всего народа в целом". Так, Каммерер подчеркивает, что " "собственные продукты распада необходимо выводить наружу", и что эти продукты вызывают понижение жизнеспособности окружающего населения". Целям выведения продуктов распада и служат потоки посетителей мавзолея, "ибо физически, биологически и оккультно" являются их переносчиками, "поддерживая тело вождя в рабочем состоянии... Мавзолей посетили уже свыше 70 миллионов человек... это не может не сказываться на жизни народа, вырождающегося от такой «святыни»". Поэт Вознесенский деликатно сравнил Мумию с рентгеном, чутко уловив некие небезопасные для человека эманации, исходящие от нее. В. Авдеев констатирует: "Мумия Ленина — это энергетический вампир, порча, вызывающая физическую и духовную смерть русского народа. По законам паразитологии известно, что орга-

низм донора должен вырабатывать соки и создавать условия функционирования для существования паразита. Культ мумии вождя действует аналогично. Почестями, восхвалениями, а более всего посещениями усыпальницы с большевистскими мощами, хирея и вырождаясь, русский народ поддерживает своими жизненными силами бальзамированный труп (*символ наших взаимоотношений с "родиной" - А.Ш.*). Разрушающееся "национальное тело", как учил Пауль Каммерер, питает органическое телесное бессмертие трупа..."

Мумия калмыко-еврея — "лицо Сибирского Востока, громадный лоб, измученный заботой и испытуя нас пронзающее око (*"рентген"! — А.Ш.*) " — это полюс Евразийского Проекта, соединивший в себе его элитные составляющие: Степь и Кагал.

За три года до сооружения щусевского мавзолея, в 1927 году, прозвучала известная декларация митрополита Сергия (Страгородского). Церковь, после недолгого и непоследовательного сопротивления еврейскому режиму, вновь включилась в Проект. "Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз своей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи", — провозглашала декларация (в этих строках уже проступает образ нынешнего патриота с крестом на шее и зюгановским партбилетом в кармане). Как остроумно заметили "Известия", Сергий попытался "построить крест так, чтобы рабочему померещился в нем молот, а крестьянину — серп". Однако эти манипуляции были вполне органичны и, в конечном счете, успешны. Очищенная путем террора от белых людей и идей, церковь, благодаря изначальному азиатскому заквасу, четко вписалась в азиатскую Систему, взяв на себя контроль над сознанием определенной части подсоветских арийцев. Опыт такой работы церковь приобрела еще во времена Орды, только теперь кандидатуры иерархов ей надо было согласовывать не с ханами, а с большевистскими каганами. Спустя всего пять лет, во время Голодомора, РПЦ имела хороший повод, чтобы возрадоваться успехам "советской родины" в деле сокращения поголовья "гоев".

Декларация митрополита Сергия (1927) и Великий Голодомор (1932-33) как бы обрамляют постройку мавзолея (1930), этого оккультно-расового "пупа" Евразии. Сергий благосло-

вил Мумию, а Голодомор стал грандиозным жертвоприношением ей.

Декларация Сергия послужила толчком к возникновению принципиально нового религиозного феномена в российской истории — *антисистемного православия*, подпольной церкви, решительно отвергшей любые компромиссы с ублюдочной "советской родиной". Речь идет об истинно-православных христианах (ИПХ, катакомбниках), которые в рамках православной традиции сегодня выработали доктрину арийского расового превосходства, перекликающуюся с протестантским расизмом Ку-клукс-клана (см. «Раса-die RASSE», № 4).

***

Евреи решительно вывели Евразийский Проект из того несколько межеумочного состояния, в которое его на двести лет вверг Петр. Стремительный перенос столицы в Москву — это знаковое событие. Питер закляли именем Ленина и он захирел, выродившись в промозглую провинцию, эдакий город-недоразумение, населенный чудаками. Россия — недавний "фасад Европы" — превратилась в передовой бастион Азии и более того, иудо-большевики как бы вернули Проект в зародышевое состояние, дабы возродить чистоту "замысла". Знаменательно, что контуры "Советской республики в кольце фронтов" почти досконально повторяют очертания Московского государства конца XV- начала XVI веков. Красная Москва в ускоренном темпе повторила путь Москвы царской — "и на Тихом океане свой закончила поход" (пути-то были уже протоптанные!). Огнем и мечом большевистская Неомосковия прошла по России-Евразии, очищая ее от петровской "скверны". Совдеп повторил и усилил московский тягловый строй: опричнина стала чекой, общины — колхозами; неприязнь Третьего Рима к Западу сменилась агрессивной ненавистью столицы Третьего интернационала к "буржуазной Европе". Как тут "православному большевику" Клюеву было не воскликнуть: "Есть в Ленине керженский дух, игуменский окрик — в декретах..." Тем более, что сам Ильич во время революции 1905 г. любил разгуливать в сапогах и косоворотке. Чем не славянофил? Правда русской крови в нем — почти ни капли, но разве эта кровь когда-нибудь имела значение для "русской идеи"?

Уже в 1921 году, предвосхищая идеологию сталинского

"национал-большевизма", сменовеховцы декларировали: "Белокаменная Москва с ея сорока сороками — столица III Интернационала. Русский патриарх — авторитет для западных коммунистов (*еще бы! Ведь Тихон еще в 1919 году отговаривал паству от участия в белом сопротивлении — А.Ш.*). Еврей-эмигрант Троцкий, глава и кумир самой сильной *и не менее христолюбивой (выделено мной — А.Ш.),* чем прежде, — армии в мире" («Смена вех», Прага, июль 1921).

Повторив очертания рубежей XV-XVI веков, Совдепия воспроизвела вектор московской карательной политики. Столкновение Красной Москвы с наследником Новгорода — Доном — было предрешено.

Крестное целование, данное казаками Москве после подавления разинского восстания, включило Дон в Проект. После падения монархии казачество сочло себя свободным от присяги Романовым, тем более, что к власти в России пришли иудеи, с которыми у казаков издавна были особые отношения: так, например, в столице Войска Донского Новочеркасске "жид" не имел права проживать более суток. Москва, извечная противница новгородско-казачьих вольностей, и "жиды" слились в сознании казаков в одно омерзительное целое. Дон решил выйти из Проекта и, опираясь на германцев, вернуться в состояние независимой народно-православной республики XVI-XVII веков (характерно, что многие казаки воспринимали борьбу с Красной Москвой как борьбу с Россией). При этом Дон стал центром притяжения активных белых людей, не желавших быть зарезанными азиатами из Витебска и Восточного Нью-Йорка.

Казачество образовало ядро антибольшевистского сопротивления. В ответ Красная Москва объявила казаков вне закона, подобно тому, как когда-то кремлевские Иваны наводили "грозу" на новгородцев. В январе 1919 года еврей Свердлов утвердил постановление Оргбюро ЦК РКП (б), которое предписывало:

"Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. Провести массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям про-

тив Советской власти.

...5. Провести полное разоружение. Расстреливать всякого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

В станицах до установления полного порядка оставить вооруженные отряды".

"Даже из текста самого документа можно охватить масштаб террора: все зажиточное казачье население — весьма значительная часть донцов, все участники противосоветской борьбы — почти все казаки-мужчины, ибо и до того шла, по словам самого документа "гражданская война с казачеством", все потенциальные противники из средней казачьей массы, наконец, все хранящие оружие, каковое казаки носили несколько веков — и не могли его сдавать" («Стороны в гражданской войне...»).

Выполнять постановление доверили проверенному еврею Якиру и его китайским головорезам (китайцев в Красной армии воевало более сорока тысяч, из них состояла охрана Ленина, Троцкого и Бухарина; подобно татарам в составе древнемосковских ратей, они резали белых людей с удовольствием и фантазией). Уж он-то, Якир, припомнил казакам *новочеркасские сутки*. "... директива Свердлова Якиру показалась слишком мягкой и либеральной. Потому он выпустил свою директиву о "процентном уничтожении мужского населения". Проценты он устанавливал сам" (Суворов). "В результате на Дону, согласно Докладу специальной комиссии казачьего отдела ВЦИК, установился "массовый террор без разбора" "(«Стороны в гражданской войне...»).

"По переписи 1923 года в сравнении с ранее относящимися материалами можно лишь приблизительно установить самый общий демографический итог — потерю населением Дона с 1917 года около 2000000 человек или около 50%... Никак не будет преувеличением заключить, что за 1917-1920 годы около **1 миллиона** человек на Дону — было просто физически истреблено... Следует подчеркнуть, что казаков уничтожали именно по принципу принадлежности к определенной сложившейся группе людей, с ее вековыми обычаями, родом занятий, обрядностью, одеждой, топонимикой, с особым национальным самосознанием, мифологией и фольклором, и именно эти критерии лежали в основе политики расказачивания. Вполне строго говоря, можно утверждать, что казаков унич-

тожали — по их этническим признакам" (там же). Т.е. расказачивание — это часть расовой политики еврейских властей Совдепии, *геноцид*.

Итак, Дон, стремился выйти из Проекта, а по возможности и упразднить его, как того хотел Разин. Эти же импульсы определяли и русское крестьянское повстанчество, которое показало, что белого мужика не "перековали" татарский кнут, крепостничество и общинный муравейник. Наиболее масштабным и грозным стало Тамбовское восстание (1920-1921) под руководством А. Антонова ("антоновщина"). Повстанческое войско "включало в себя 18 хорошо вооруженных и организованных полков, с отчетливо выраженным политическим руководством беспартийного Крестьянского Союза, охватывало... большую часть Тамбовской губернии и "перекидывалось на смежные уезды Саратовской и Воронежской губерний" " (там же). На подавление восстания Москва бросила армию под командованием Тухачевского, вооруженную артиллерией, авиацией и даже... газами (там, на еврейской карательной службе, отличился обожаемый патриотами Жуков). Террор достиг пика летом 1921 года. "По Тамбовской губернии раскинуты были концентрационные лагеря для семей крестьян, участвующих в восстании. Куски открытого поля обтягивались столбами с колючей проволокой и три недели там держали каждую семью, заподозренную в том, что мужчина из нее — в восстании. Если за три недели тот не являлся, чтобы своей головой выкупить семью — семью ссылали" (А. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ», М., 1991). Поскольку в восстании участвовало практически все мужское население Тамбовщины, можно представить количество интернированных семей.

***

Русское крестьянское сопротивление не смогло найти общего языка с белогвардейцами из-за их отягощенности помещичьим мифом "государства российского". Расовый инстинкт толкал мужика к чему-то Третьему, "за флажки" — красные и бело-сине-красные, за пределы Проекта (характерно, что Распутин, душа Контрпроекта, происходил из гущи русского крестьянства). Выразителем этих смутных настроений пытался быть Б. Савинков — белый человек, многие годы отдавший азиатской борьбе с германо-русской династией, а

после Октября выступивший против большевиков. Послеоктябрьская идейная эволюция Савинкова привела его к фашизму. Накануне своего рокового отъезда в СССР (1924) он открыто признавал, что фашизм "близок ему психологически и идейно", поскольку "стоит на национальной платформе и в тоже время глубоко демократичен, ибо опирается на крестьянство". Однако левая "наследственность" помешала Савинкову пробиться к идее Расовой революции и, хотя Национал-социализм был ему, вероятнее всего, известен, он застрял именно на фашизме итальянского типа — идее нерасовой и даже не антисемитской. Но как тип Савинков, несомненно, человек Контрпроекта.

Примечательно, что первая в российской истории организация, назвавшая себя фашистской, зародилась среди русских крестьянских поэтов, сочувствовавших мужицкому повстанчеству. В 1925 году ГПУ выявило и ликвидировало "Орден русских фашистов", возглавлявшийся крестьянским поэтом, уроженцем Русского Севера А. Ганиным — другом С. Есенина. В сводках ГПУ "Орден русских фашистов" именуется "наиболее серьезной, по существу политической, организацией антисемитского толка" («Наследие предков» № 3 (10), 2000). Показателем серьезности "Ордена" в глазах ГПУ стал, думается, даже не антисемитизм, широко распространенный тогда в Советской России, а проблеск мышления в масштабах расовых категорий, замеченный чекистами в ганинском манифесте «Мир и свободный труд — народам» (1924): "Выдвигая как конечную цель своих стремлений лучшие принципы христианско-европейских народов..." («Наш современник», №1, 1992). Вообще "Ордену" была чужда неприязнь к Западу, включая Соединенные штаты: как человек, на личном опыте познавший расовую природу иудо-большевизма, Ганин предупреждает: "Народы Запада и Америки должны быть на страже, должны напрячь все свои силы, чтобы не поддаться влиянию этой изуверской секты". Евреи "могут погубить христианско-европейский Запад и Америку и таким образом овладеть миром" (там же). Все это (плюс явный социальный пафос) выделяет "Орден" из обычных черносотенно-реставраторских рядов, приближая его к Национал-социализму.

Савинков и Ганин погибли на Лубянке в 1925 году. В том же году странной и ужасной смертью умер Есенин — "золо-

товолосый, с голубыми глазами", поэт из тех, кого называют голосом Расы. Ненависть еврейских властей к нему — это сознательная и лютая ненависть к белому человеку. Уверен, Аграновы и Блюмкины ненавидели Есенина уже за его подчеркнуто арийскую внешность. И. Лысцов в книге «Убийство Есенина» доказывает, что поэт был зверски умерщвлен чекистами, инсценировавшими самоубийство. Выражая народно-повстанческие настроения, Есенин как-то обмолвился, что "нам" нужен был не "февраль", не "октябрь", а "какой-нибудь "ноябрь" ". Заметим, Есенин тоскует не по императорскому "январю", который в целом оставался все-таки Системой отчуждения русских — и как крестьянский сын, поэт это знает. Обманувшись в "феврале" и "октябре", ненадолго принятых им (и многими русскими) за антисистемные прорывы, Есенин жаждет "ноября", чей девственный, "новгородский" снег лежит за пограничной полосою Проекта...

В ноябре 1923-го, во время мюнхенского восстания белых людей, Есенин был еще жив...

Подмятая свастика

В 1924 году свастика — знак Расовой Революции, завещанный германо-русской императрицей — появился на рукавах наших белоэмигрантов в Германии. Речь идет о ветеранах сражавшегося в Прибалтике Добровольческого корпуса генерала фон дер Гольца (сам он, похоже, был связан с обществом "Балтикум"). К тому времени "хакенкройц" (свастика) уже реяла на знаменах НСДАП. Белоэмигранты, сформировавшие "Русский отряд", установили дружеские отношения со штурмовиками СА и даже проводили с ними совместные учения. В 1933 году эти ребята составили костяк Русского национально-социалистического движения (РОНД), которое возглавил упоминавшийся выше Авалов. Однако, в конце тридцатых годов движение было распущено германскими властями, поскольку, по их мнению, профанировало Национал-социализм. Вероятно, немцы не могли смириться с попытками РОНДа "обогатить" НС-учение православно-монархической компонентой. Похоже для РОНДа "национал-социализм" был всего лишь политической вывеской, сводясь к антисемитизму да к несколько большей, чем у "старых правых", социальности.

Первой достаточно массовой русской политической организацией, поднявшей на знамя свастику, была Русская фашистская партия, созданная белоэмигрантами в 1931 году в Харбине. В 1934 году она преобразовалась во Всероссийскую фашистскую партию, которую возглавил К. Родзаевский, за девять лет до этого бежавший из СССР в Маньчжурию. ВФП (с 1938 года — Российский фашистский союз) стала наиболее многочисленной организацией Русского зарубежья. Вплоть до ее запрета японцами в 1943 году партия вела героическую борьбу с "Новой Хазарией". Идеология ВФП различала Первую Россию — дореволюционную, Вторую Россию — подсоветскую и Третью Россию — будущую, фашистскую.

Как известно, ВФП резко отличалась от белоэмигрантской "старой правой" своей концепцией национально-трудового государства, выдержанной в духе классического фашистского корпоративизма, а также активистским национал-революционным стилем. Однако главным — уровнем расового сознания — русские фашисты ничем не отличались от замшелых монархистов, ностальгировавших по петербургским салонам. Нельзя же считать показателем этого уровня традиционный черносотенный антисемитизм, пусть и более энергично выраженный. "Что такое российская нация?" — спрашивает вээфпэшная «Азбука фашизма» и отвечает: "Российская нация есть *духовное* единение всех русских людей на основе сознания общности исторической судьбы, общей национальной культуры, традиций и т.д. В российскую нацию, таким образом, входят не только великороссы, белорусы и малороссы, но и другие народы России: грузины, армяне, татары и т.д.(*выделено мной — А.Ш.)*" («Звезда и свастика», М., 1994). Итак, в одну "нацию" с белыми людьми (единение которых мыслится не иначе как духовное!) записаны "цветные", проживающие на территории СССР. Мысль русских фашистов не дотянула даже до уровня М. Меньшикова, хотя перед глазами у них был пример Национал-социализма. Впрочем, в отношении последнего ВФП позволяла себе даже некоторое московитское высокомерие, замечая, что "понимание нации как духовного единства *усвоено* не всеми фашистскими движениями. Некоторые... придерживаются расового понимания нации, считают, что главнейшую роль в образовании нации играют биологические элементы, расовая, кровная связь, которые и опреде-

ляют уже духовный лик нации" (*мол, не доросли! выделено мной — А.Ш.)*. "Не без участия товарищей с Лубянки были созданы идеологические течения евразийцев, бердяевщина и тому подобные течения", — совершенно справедливо писал журнал ВФП «Нация» (№1, 1936), а при этом сами же русские фашисты трактовали понятие нации совершенно по-евразийски (вспомним "многонародную нацию" Н. Трубецкого). Более того: по-советски, ибо чем фашистская "российская нация" отличается от пресловутой "новой исторической общности"? А чем — от нынешнего, "многонационального народа России"? Таким образом, с "Третьей России" Родзаевского спадает зоревой флер и мы видим один из вариантов Проекта, согласно которому белое население, как всегда, тонет в евразийской каше. Совершенно не случайно Родзаевский "застрял" именно на фашизме итальянского типа, по отношению к Проекту совершенно конформистском в силу индеферентности к расовым вопросам.

Подняв на знамя свастику, завещанную императрицей в качестве расового знака арийцев, русские фашисты в то же время обеднили ее содержание, сведя его к указанию на общность "с фашистскими движениями других стран... в деле борьбы с... коммунизмом, масонством и еврейством". В члены ВФП принимали и мусульман, что, вероятно, и вызывает в евразийце Джемале симпатии к этой организации. Родзаевский физически вырвался из СССР, но сознание его осталось в плену Евразийского Проекта; это и заставило в итоге вождя русских фашистов покаянно-завороженно склонить перед Сталиным голову, которая была тут же отсечена.

Ни РОНДу, ни тем более ВФП-РФС Третий Рейх не оказал поддержки, поскольку эти движения, в конечном счете, профанировали свастику. Целью русских "нацистов" и фашистов было "возрожденное государство российское", т.е*. один из вариантов Проекта* — антизападного и антиевропейского по сути, что, конечно же не могло вызывать энтузиазм у немцев. Сознание русских "нацистов" и тем более фашистов пребывало в плену Проекта — и это ясно видно по их тяге к "самобытному" сочетанию свастики с двуглавым орлом (Евразия как бы накладывала свое тяжкое тавро на знак расового освобождения белых людей). Наши незадачливые "свастиконосцы" были, по существу, агентурой Проекта, тогда как *Нацио-*

нал-социализм есть Контрпроект, предполагающий новую варяжскую *колонизацию* евразийского востока — при опоре на наиболее нордических аборигенов. Им, европеоидам, попавшим в ловушку Евразии, новая дружинная *русь* (ruotsi) в лице СС и вермахта несла освобождение и уникальную возможность начать историю с чистого листа. Вместо того, чтобы рождать идеологические гибриды и тешить свою "самость", русским правым активистам надо было принять Национал-социализм как таковой (ибо он и есть подлинно РУС-ский), а после начала Второй Великой войны максимально включиться в процесс новой белой колонизации Евразии.

Русско-советская Война (Великая Битва с Проектом)

Гитлер хорошо понимал смысл Войны. Тем, кто цитировал ему известные слова Бисмарка "На Востоке врага нет" он отвечал, что современная Россия "уже на та, какой была Россия в эпоху Бисмарка": "...правители современной России — это запятнавшие себя кровью низкие преступники, это — накипь человеческая, которая воспользовалась благоприятным для нее стечением трагических обстоятельств, захватила врасплох громадное государство, произвела дикую расправу над миллионами передовых интеллигентных людей, фактически истребила интеллигенцию и теперь, вот уже скоро десять лет, осуществляет самую жестокую тиранию, какую когда-либо знала история. Нельзя далее забывать и то обстоятельство, что эти владыки являются выходцами из того народа, черты которого представляют смесь зверской жестокости и непостижимой лживости, и что эти господа ныне больше, чем когда бы то ни было считают себя призванными осчастливить мир своим кровавым господством" (А. Гитлер, «Моя борьба», «Т-ОКО», 1992).

Прибалтийский немец барон фон Мантойффель, оказавший "сильное влияние на представление Гитлера и НСДАП о России", писал в 1926 году: "Еврейский комиссар безраздельно управляет в своем районе жизнью и смертью, как какой-то татарский хан (*накануне Войны, в июне 1941 года, начальник верховного командования вермахта генерал-фельмаршал Кейтель издал особый приказ о комиссарах, в котором, в частности, говорилось: "Политические комиссары являются иници-*

аторами варварских азиатских методов борьбы. Поэтому с ними необходимо бороться без снисхождения, со всей беспощадностью" — А.Ш.)... Ленин сам был татарином и во многом напоминал великих монгольских завоевателей, таких как Чингисхан и Тамерлан... Большевики уничтожают памятники культуры, музеи, архивы, литературные произведения всех видов. В них живет ненависть к нашей западно-европейской, арийско-германской культуре, что отразилось в физическом истреблении образованного слоя русского общества... Под этим углом зрения весь большевизм представляется новым монгольским нашествием, возвращением к монгольским набегам, которые уже потрясли арийскую расу и арийско-германскую культуру, угрожая полным уничтожением..."(«Война Германии против Советского Союза 1941-1945 г.г.», каталог выставки, 1994).

Осенью 1941 года главнокомандующий 17-й армией генерал-полковник Гот в одном из приказов писал: "В это лето нам становится все яснее, что здесь, на Востоке, борются друг против друга два внутренне непреодолимых воззрения: германское чувство чести и расы, многовековое немецкое воинство против азиатского типа мышления и примитивных инстинктов, подогреваемых небольшим числом в основном еврейских интеллигентов: страх перед кнутом, пренебрежение нравственными ценностями, уравнивание по низшим, пренебрежение своей не представляющей ценности жизнью (*последний фактор - источник пресловутого "массового героизма"? — А.Ш.*)... Яснее сознаем мы наше призвание спасти европейскую культуру от азиатского варварства... Россия — не европейское, а азиатское государство. Каждый шаг вглубь этой унылой, закабаленной страны позволяет видеть эту разницу..." (там же).

Как известно, в 1941-м Гитлер уступил своему генералитету и направление главного удара немцев пришлось на Москву. Однако в следующем, 1942 году, германские вооруженные силы действовали по изначальному плану Гитлера, развернув решающее наступление на южном направлении — на Сталинград. Дело было не только в стремлении немцев перерезать волжскую водную артерию. По сведениям ариософских структур СС, Сталинград (до 1925 года — Царицын) располагался на месте Итиля — столицы Хазарского каганата,

разрушенной Святославом. Кроме того, примерно там же стоял и Сарай, в котором пребывала ставка хана Золотой Орды. Таким образом, Сталинград был как бы второй столицей СССР, чье оккульно-расовое значение для Проекта сопоставимо со значением ленинской Мумии."...Рене Генон писал, что очаги угасших цивилизаций способны оказывать на современный мир чрезвычайно сильное воздействие" (Ю. Воробьевский, «Путь к апокалипсису. Стук в золотые врата», М., 1997). За Сталинград Советы дрались ожесточеннее, чем за Москву и Ленинград; именно поражение немцев под Сталинградом (причиной которого стали, возможно, масонские связи Паулюса) стало "поворотом колеса" истории, крушением Контрпроекта или, как его называет христианин Ю. Воробьевский, "путча ветхих (*"языческих" — А.Ш.*) богов". "Поймите! — писал в те дни Геббельс, — Сама Идея, само понимание Вселенной терпит поражение. Духовные силы будут побеждены и близится час страшного суда" («Утро магов», М., 1991).

"Гитлер поставил задачу повторить подвиг Святослава и раздавить старинное жидовское гнездо Итиль-Сталинград" (В. Истархов, «Удар русских богов», М., 2000).

С 1933-го по 1945-й центр Руси был в Берлине.

***

Как убедительно показывает В. Суворов (книги «Ледокол», «Последняя республика»), Гитлер опередил правителей "Советской Иудеи", готовых, по примеру Атиллы и Батыя, обрушить на Европу махину Евразии. Характерно, что в 1938 году в целях реставрации антигерманских стереотипов советская пропаганда востребовала образ евразийца Александра Невского — на экраны вышел одноименный фильм Эйзенштейна, выполненный в духе славянофильских виршей "Упьюся я кровью мадьяров и немцев".

Накануне атаки на Советский Союз Геббельс записал в дневнике: "Сотрудничество с Россией было, собственно, пятном на нашей чести. Ныне оно будет смыто. То, против чего мы боролись всю свою жизнь, теперь будет уничтожено..."

"Дата нападения на СССР была выбрана в соответствии с руническим кругом. 22 июня — древнегерманский праздник солнечного торжества" («Стук в золотые врата»).

"Киев пал. Все ближе знамя Одина...", — писал летом 41-

го Д. Андреев. С надеждой и радостью вглядывалось в это знамя поъяремное белое население Советского Союза.

"В одном селе Рязанской области 3 июля 1941 собрались мужики близ кузни и слушали по репродуктору речь Сталина. И как только доселе железный и такой неумолимый к русским крестьянским слезам сблажил растерянный и полуплачущий батька: "Братья и сестры!", — один мужик ответил черной бумажной глотке:

— А-а-а, б...дь, а вот не хотел? — и показал репродуктору излюбленный русский жест, когда секут руку по локоть и ею покачивают.

И зароготали мужики.

Если бы по всем селам, да всех очевидцев опросить, — десять тысяч мы таких бы случаев узнали, еще и похлеще" («Архипелаг ГУЛАГ»).

Это глубинка. А Западная Белоруссия, Прибалтика и Украина, по свидетельству кинохроники, встречали "знамя Одина" просто хлебом-солью. "С хлебом-солью встречали немцев и донские станицы. Уж они-то не забыли, как их вырезали коммунисты: всех мужчин с 16 до 65 лет" (там же). "Рассказывали, что часто, при приходе немецких частей, население охватывала истерика: немцев не только приветствовали, но многие женщины, плача, падали ниц перед солдатами, целовали их сапоги и благодарили за освобождение" («Русское православие» №1 (10), 1999).

Пробудилась расовая память белого населения России-Евразии о тех временах, когда германец Рюрик, приплыв "от заката", пришел на помощь братьям-венедам. Кроме того, подъяремные арии Совдепии, казалось, брали исторический реванш за неудавшуюся во время Батыя попытку призвать на помощь западных крестоносцев.

"По-настоящему боялись оккупации лишь партийная элита и евреи", — читаем в автобиографической книге Е. Польской «Это мы, Господи, пред тобою» (Невинномысск, 1995). Е. Польская утверждает, что евреи, оставшиеся на территории, освобожденной немцами, "и были теми "советскими людьми", которых массово уничтожали" германцы. По ее свидетельству, чекисты решительно "арестовывали тех, кто утверждал, что Гитлер поголовно уничтожает только евреев". Именно репрессированные немцами евреи "послужили мате-

риалом для патриотической советской пропаганды".

В приказе командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала фон Рейхенау (10.10.1941) говорится: "Главной целью похода против еврейско-большевистской системы является полный разгром и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру... Солдат на Востоке является не только бойцом по всем правилам военного искусства, но также *носителем беспощадной народной идеи и мстителем за зверства, причиненные немецкому и другим народам (выделено мной — А.Ш.).*

Поэтому солдат должен сознавать необходимость жестокого, но справедливого наказания еврейских недочеловеков. Другая задача — задушить в зародыше восстания в тылу вермахта, зачинщиками которых, как показывает опыт, всегда являются евреи" («Война Германии против Советского Союза...»).

В отчете опергруппы Ц о расстрелах в Бабьем Яре, в частности, читаем: "Еще раньше из-за занятия евреями лучших рабочих мест при господстве большевиков и из-за их службы в НКВД в качестве агентов и доносчиков, а также из-за происшедших в Киеве взрывов и возникших крупных пожаров, возмущение населения против евреев было чрезвычайно большим *(да и Розу Шварц киевляне наверняка хорошо помнили — А.Ш.)*. К тому же выяснилось, что евреи участвовали в поджогах. Население ждало от немецких властей определенных актов возмездия... Проведенное мероприятие, обозначенное как "переселение евреев", нашло полное одобрение населения. То, что в действительности евреи были ликвидированы, до сих пор едва ли известно, но исходя из опыта, не вызвало бы протеста..." (там же).

Один из чинов СД в письме жене пишет (осень 1942 г.): "Поскольку эта война, по нашему мнению, является еврейской войной, они это чувствуют первыми. Поэтому в России, там, где появляется немецкий солдат, евреев больше не существует..." (там же).

***

Е. Польская вспоминает: "Эвакуированная контуженной при обороне Москвы в южный городок, я была ошеломлена: обыватели немцев определенно ждали как разрушителей со-

ветского строя".

Красноармейцы массами сдавались в плен. "Обдоры" и всевозможные евразийские мутанты бросали оружие потому, что были не в силах противостоять арийской воле германской армии, а русские — потому, что не желали проливать кровь — свою и своих братьев по расе — за еврейских поработителей, а шире — за свой метаисторический плен. Русские решили начать историю с чистой страницы.

Г. Чавчавадзе, служивший в вермахте, вспоминает: "...в 1941 г. в ночь на 22 июня, когда танки прошли через границу, и немцы уже шли по Латвии в направлении Двинска, я из радиоразведгруппы, в которой служил в Литве, перешел на танк 6-й танковой дивизии, которая проходила мимо. Сижу, высунув через люк голову, смотрю — вдоль нашей колоссальнейшей длины колонны, проходящей прямо по дороге без выстрелов на Восток, навстречу идут в строю с оружием советские военнослужащие. Проходят. Я не удержался — кричу: "Здорово, ребята!" Первая реакция на мои слова — вопрос: "Где плен?" (*звучит как "Где свобода?" — А.Ш.)* Это шла колонна советских военнопленных без немецкой охраны. Сами шли. Причем с оружием... Это было буквально народное восстание". "...С первых же дней наступления на СССР немцы столкнулись с совершенно для них непонятным явлением. Это был явный отказ очень большого числа солдат просто сражаться. Пассивность массы солдат противника явно преобладала над сопротивлением. Над волей к сопротивлению. Люди отказывались умирать..." («Материалы по истории русского освободительного движения», вып. 2, М., 1998).

"Не зря колотился сталинский приказ (0019, 16.7.41): "На всех (!) фронтах имеются многочисленные элементы, которые даже бегут навстречу противнику и при первом соприкосновении с ним бросают оружие." (В Белостокском котле, начало июля 1941, из 340 тысяч пленных было 20 тысяч перебежчиков!) Положение казалось Сталину настолько отчаянным, что в октябре 1941 он телеграфно предложил Черчиллю высадить на советскую территорию 25-30 английских дивизий" («Архипелаг ГУЛАГ»).

Воли к борьбе против немцев не было. Но воля к борьбе вместе с немцами — была. "Вот настроение того времени: 22 августа 1941 командир 436 стрелкового полка майор Кононов

открыто объявил своему полку, что переходит к немцам, чтобы влиться в Освободительную армию для свержения Сталина — и пригласил с собою желающих. Он не только не встретил сопротивления, но *весь полк* пошел за ним! Уже через три недели Кононов создал на *той* стороне добровольческий казачий полк (он сам был донским казаком). Когда он прибыл в лагерь военнопленных под Могилевом для вербовки желающих, то из 5000 тамошних пленных — 4000 тут же выразило желание идти к нему, да он их взять не мог..." (там же).

4000 Курбских сразу. И это было лишь начало. На протяжении двух предвоенных десятилетий русские ждали Войну. Еще в 1926 году сводки ГПУ сообщали: "...среди железнодорожников, особенно Псковского участка, распространяются слухи о близкой войне. Монтер электростанции Дно Гурченко говорил рабочим: "С наступлением войны нужно перебить евреев и коммунистов, только после этого можно будет наладить хорошую жизнь" ".

"Волынская губерния. Рабочие Житомирской электростанции во время обеденных перерывов ведут между собой такие разговоры: "...Вот о ком думает правительство, — указывая в это время на проходившего еврея, — они ничего не делают, сыты и хорошо одеты. Эх, кабы война началась, вооружившись лопатами и дубинами, мы бы сделали чистку посвоему" ".

"...один из безработных разъезжал на извозчике в пьяном виде и кричал: "Да здравствует война — бей жидов, спасай Россию". "Коростеньский округ. Белокоровническая артель грузчиков. 25/X — рабочие-грузчики Полнвода, Пасс и Назаров говорили: "Даешь войну, вырежем всех евреев, а потом очередь за коммунистами". Эти слова находили сочувствие в рабочей среде" ".

"Приморская губерния. 30/IV. В селе Абрамовка в ночь на 16 июля (*канун годовщины убийства императорской семьи — А.Ш.)* были расклеены прокламации содержанием: "Крестьяне и красноармейцы, довольно гражданской войны, довольно еврейского обмана, будьте спокойными и готовыми к решительному удару, наша армия велика и сильна" ".

"В Обольяновской волости, село Ольгово, Дмитровского уезда, гр. Дедюкин ведет среди членов сельскохозяйственной артели агитацию о том, что "во время войны надо бы пе-

ребить всех евреев, так как они заняли все места в учреждениях, а нам, русским борцам, и места нет" ".

"Московский уезд. Среди допризывников с. Мытищи наблюдалось антисемитское настроение, отмечены разговоры "о нежелании воевать за жидов" («Наследие предков», №3 (10)/ 2000).

Миновало пятнадцать лет, а настроения остались те же. НКВД, перлюстрируя осенью 41-го красноармейские письма, особо выделял такие места: "...В Москве не увидишь еврея, все убежали, начиная с больших начальников. Ведь кому-кому, а евреям в первую очередь надо защищать Москву. СССР ведь единственная страна, которая делает им поблажку"; "Ведь евреев в Москве было процентов до 75 от жителей города, большинство занимало руководящую работу..."; "...Евреи эшелонами бегут на север, надеясь, что русский из боя выйдет с победой и они заживут с хозяйской рукой"; "Обидно на евреев. До войны у них и жилплощадь, и все было, а как Москву защищать, так разлетелись. Логически рассуждая, зачем евреев земля держит..." («Москва военная», М., 1995).

В. Емельянов, "свидетель бегства жидов из осажденной Москвы", вспоминает случай, произошедший 16 октября 1941 года у Заставы Ильича: "Семь членов рабочего заслона, остановившие под железнодорожным мостом бегущих для досмотра, обнаружили среди рулонов мануфактуры и прочего дефицитного, по тем временам, добра, наворованного у государства, целые кастрюли, набитые монетами царской чеканки, кольцами и прочими драгоценностями *("трофеи" Красного террора! — А.Ш.)*, чемоданы с пачками денег в банковской упаковке. По приказу Сталина такой вооруженный рабочий заслон мог на месте расстрелять подобных лиц по законам военного времени, тем более — осадного положения. Но для рабочих это было настолько необычно и неожиданно, что они сообщили на Лубянку. Оттуда быстро приехали чекисты, тоже из жидов, разоружили всех семерых рабочих, уложили ничком на косогор и расстреляли в затылок, а жидовские беженцы спокойно поехали по шоссе Энтузиастов (Владимирке) дальше со всем награбленным..." («Десионизация», М., 2001). "Родина" вновь показала "белым неграм" свою подлинную физиономию. Этот случай заставил В. Емельянова, по его словам, впервые задуматься о "еврейском вопросе"...

Бывший телохранитель Сталина А. Рыбин вспоминает: "Тяжелая и мрачная *(для евреев и коммунистов — А.Ш.)* картина была в Москве в октябре и ноябре 1941 г. Столица кипела. Появились в городе дезертиры и провокаторы. Как установлено, председателю исполкома Моссовета В.П. Пронину несколько раз звонил провокатор и требовал вместе с аппаратом покинуть Москву..."

А. Рыбин приводит воспоминания секретаря МГК и МК ВКП (б) Г. Попова: "Нас срочно вызвал Берия. С порога он, заикаясь, нам сказал: "В Одинцове немецкие танки"..." Это была середина октября 41-го. Один из главных функционеров режима, грузинский еврей Берия чуял близость расплаты...

Не надеясь на русских красноармейцев, и вообще страшась гнева белого населения страны, совдеп открыто взывал к помощи иудо-масонского руководства США и Великобритании, уже поддержавшим однажды "Советскую Иудею" в годы "гражданской войны": Сталин в своей речи 6 ноября 1941 года подобострастно говорил: "Чтобы прикрыть свою реакционно-черносотенную сущность *(явный намек на антиеврейскую политику Гитлера, рассчитанный на кошерных банкиров Нью-Йорка и Лондона — А.Ш.)*, гитлеровцы ругают англо-американский внутренний режим плутократическим режимом. Но в Англии и США имеются элементарные демократические свободы (*вот, "б...дь", о демократии вспомнил! — А.Ш.)*, существуют профсоюзы рабочих и служащих, существуют рабочие партии, существует парламент, а в Германии при гитлеровском режиме уничтожены все эти институты *(а в СССР? О азиатское лукавство! — А.Ш.)*... По сути дела, гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме *(опять сигнал для еврейско-банкирской масонерии, финансировавшей свержение германо-русских Романовых — А.Ш.)*... Кто может сомневаться в том, что СССР, Великобритания и США окажут полную поддержку народам Европы в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании?" Далее Сталин успокоил аудиторию, что США вот-вот предоставит Советскому Союзу заем в 1 миллиард долларов, а Великобритания уже обеспечивает СССР "алюминием, свинцом, оловом, никелем, каучуком".

На следующий день, 7 ноября, Сталин, напутствуя отправляемое на фронт "пушечное мясо", произнес с Мавзолея

еще одну речь, в которой перечислил имена Александра Невского (упомянув его первым!), Дмитрия Донского и других функционеров Проекта, увенчав этот ряд именем Ленина. То, что нашим православным патриотам представляется нелепым и кощунственным национал-большевистским гибридом (или знаком "эволюции" режима в сторону "национальных ценностей"), в действительности является весьма цельной антизападной евразийской идеологемой, прозвучавшей с главной трибуны Евразии из уст "лица кавказской национальности". Стоит особо отметить, что содержимое Мавзолея — Мумия, этот драгоценный оккультно-расовый аппарат воздействия на "советский народ", был заботливо вывезен из Москвы в Тюмень при первом же появлении на горизонте "знамени Одина", в ночь на 7 июля 1941 года. Тогда же, ночью, Мумию посетили Сталин и Калинин. В присутствии последнего Сталин, обойдя саркофаг, произнес, по сути, ритуальную клятву, замаскированную под пропагандистские штампы: "С именем Ленина мы установили Советскую власть, создали индустрию и превратили СССР в оплот мира. С именем Ленина мы победим и фашизм, освободим нашу Родину от иностранных захватчиков". Ровно через четыре месяца, 7 ноября, Сталин своим ритуальным выступлением перед войсками, по сути, принес советскую биомассу в жертву Ленину — этому оккультно-расовому божеству Евразии. Ровно четыре года спустя после начала Войны "знамя Одина" было брошено к подножию вновь обитаемого мавзолея.

Но не все, далеко не все согласились быть "мясом". Через год после ритуальной сталинской речи, вспоминает А. Рыбин, "6 ноября 1942 года на Красной площади в чаше Лобного места появился часовой с карабином, который никого не подпускал к себе. Он ждал выхода классной машины из Спасских ворот. Но выехал не Сталин, а Микоян. Часовой открыл огонь по машине Микояна. Пострадавших не было. Стрелявшим оказался ефрейтором 1-го запасного полка ПВО сын священника С. Дмитриев *(слава герою! — А.Ш.)*. Он вел круговой обстрел.

Но когда из Кремлевской охраны офицер подполз к Лобному месту и кинул туда гранату, Дмитриев был ранен и взят сотрудниками милиции, затем доставлен следователям. По этой причине (!) торжественное заседание, которое было по-

священо 25-й годовщине Октября, из ГАБТа было перенесено в Кремль".

За привычные древние стены.

Одним словом, бздели.

***

И было отчего. Уже в 1941 году четверть миллиона подсоветских белых людей были готовы сражаться под знаком свастики.

К концу 1942 года, при участии эмигрантов, возникла семитысячная Русская народная национальная армия (РННА) с царскими знаками различия.

Осенью того же начинает формирование Русской освободительной армии (РОА) генерал Власов.

Тогда же на Брянщине возникает Русская освободительная народная армия (РОНА) под командованием Б. Каминского, ставшая позднее одной из двух русских дивизий СС.

Решительно встали на сторону немцев истинно-православные христиане (катакомбники). "В тех местах, где ИПХ были посильнее, они часто уничтожали (еще до прихода немцев) всю советскую администрацию, быстро открывали закрытый храм и встречали освободителей колокольным звоном, если, конечно сохранялись колокола. Таких случаев известно очень много в Брянской области и, особенно, на казачьих территориях..." "Известно, что очень многие ИПХ вступили в местную полицию... из них же были сформированы охранные батальоны (в том числе и в Латвии), удачно боровшиеся с партизанами и НКВДешными диверсантами" («Русское православие» №1 (15), 1999). Уже в 41-м году многие русские "катакомбники" сражались и в боевых частях Вермахта. Немало ИПХ было в бригаде СС Дирливангера, в дивизиях СС "Бранденбург" и "Рутения", в казачьих частях. "Всем известны ожесточенные бои за Орел и Курск в 1943 г., однако, почти нигде не указывается, что на немецкой стороне весьма самоотверженно сражались русские части... В обороне Орла участвовали почти все боеспособные ИПХ из местных жителей... Не менее страшные бои развернулись за Курск, где поддержка немцам местного русского населения оказалась еще более сильной, — видимо, вследствие действий карательных органов НКВД на Орловщине... Схимонах Леонтий (Мымриков) (†1989)

рассказывал, как проходили богослужения в русских частях перед началом битвы на т.н. "курской дуге". Некоторые присутствовавшие при сем немцы (по-видимому, из репатриантов), говорили, что как будто погрузились в средневековье..." (там же).

"Что русские против нас вправду есть и что они бьются круче всяких эсэсовцев, мы отведали вскоре, — вспоминает А. Солженицын. — В июле 1943 под Орлом взвод русских в немецкой форме защищал, например, Собакинские выселки. Они бились с таким отчаянием, будто эти выселки построили сами. Одного загнали в погреб, к нему тогда бросали ручные гранаты, он замолкал; но едва совались спуститься — он снова сек автоматом. Лишь когда ухнули туда противотанковую гранату, узнали: еще в погребе у него была яма, и в ней он перепрятывался от разрыва противопехотных гранат. Надо представить себе степень оглушенности, контузии и безнадежности, в которой он продолжал сражаться.

Защищали они, например, и несбиваемый днепровский плацдарм южнее Турска, там две недели шли безуспешные бои за сотни метров, и бои свирепые, и морозы такие же (декабрь 1943)".

"Поведение этих людей, — продолжает Солженицын, — с нашей пропагандной топорностью объяснялось: 1) предательством (биологическим? текущим в крови?) *(да! Биологическое, расовое "власовство" — А.Ш.)* и 2) трусостью. Вот уж только не трусостью! Трус ищет, где есть поблажка, снисхождение. А во "власовские" *(условно говоря — А.Ш.)* отряды вермахта их могла привести только крайность, запредельное отчаяние, невозможность дальше тянуть под большевистским режимом да презрение к собственной сохранности... В нашем плену их расстреливали, едва только слышали первое разборчивое русское слово изо рта...

Эта война вообще нам открыла, что хуже всего на земле быть русским *(выделено мной — А.Ш.).*

Я со стыдом вспоминаю, как при освоении (то есть, разграбе) бобруйского котла я шел по шоссе среди разбитых и поваленных немецких автомашин, рассыпанной трофейной роскоши — и из низинки... услышал вопль о помощи: "Господин капитан! Господин капитан!" Это чисто по-русски кричал мне о защите пеший в немецких брюках, выше пояса нагой, уже

весь искровавленный — на лице, груди, плечах, спине, — а сержант-особист, сидя на лошади, погонял его перед собою кнутом и наседанием лошади. Он полосовал его по голому телу кнутом, не давая оборачиваться, не давая звать на помощь, гнал его и бил, вызывая из кожи новые красные ссадины...

Эта картина навсегда передо мною осталась. Это ведь — почти символ Архипелага, его на обложку книги можно помещать" («Архипелаг ГУЛАГ»).

В еще большей мере это *символ Проекта.* Вот против чего бились русские под "знаменем Одина": против векового татарского кнута — *за Русь, за Европу, за достоинство белого человека.*

Наиболее полно этот порыв воплотился в феномене Локотского автономного округа и Казачьем движении.

«Шумел сурово брянский лес...» (Локотская Русь)

Земли, на котором расположен поселок Локоть Брасовского района Орловской (ныне — Брянской) области до 1917 года принадлежали императорской фамилии. Таким образом, (подчеркнем это) брасовские крестьяне *не знали крепостничества*. Для них, людей с нормальной психологией *белых хозяев*, "коллективизация стала не "вторым изданием" крепостного права, а "первым", явилось причиной скрытого недовольства новой властью, вылившегося наружу, когда сама эта власть оказалась висящей на волоске" («Материалы по истории РОД»).

В конце сентября 1941 г. германские войска подошли к Орловщине и Брянщине. НКВД сообщало, что "эвакуируемые семьи партийного и советского актива провожались под свист и недвусмысленные угрозы со стороны распоясавшейся антисоветчины, а часть сотрудников учреждений упорно избегала под различными предлогами эвакуации" (там же).

Сразу после бегства иудо-большевистских властей крестьяне делили колхозные поля и создавали отряды самообороны. 4 октября 1941 г. в Локоть вошли германские части — пробил час К. Воскобойника и Б. Каминского, ставших вождями русского освободительного движения на Орловско-Брянской земле.

Константин Воскобойник родился в 1895 г. на Киевщи-

не в семье железнодорожника. Год учился в Московском университете, в 1916-м ушел добровольцем на фронт. В 1919-20 гг. служил у красных, был ранен, а в 1921 году, насмотревшись на "прелести" совдепа, вступил в один из отрядов повстанческой армии Антонова. После подавления восстания скрывался, жил, учился и работал по подложным документам, в 30-х гг. отбыл заключение в лагерях и в 38-м обосновался в Локте, где работал преподавателем физики в Брасовском лесохимтехникуме.

Бронислав Каминский, друг и соратник Воскобойника, родился в 1899 году. По отцу он был поляк, по матери — немец. Служил в красной армии, куда ушел добровольцем, после демобилизации учился в Петроградском химико-технологическом институте и работал на заводе "Республика". В 1935 году его исключили из ВКП(б) за критическое отношение к коллективизации, а в 37-м арестовали по обвинению в принадлежности к "Трудовой крестьянской партии". В 1941 году отправлен на поселение в Локоть, где вплоть до прихода немцев работал инженером на местном спиртзаводе.

Воскобойник был назначен немцами главой местного самоуправления и народной милиции, а Каминский — его заместителем. Уже 25 ноября был опубликован манифест основанной ими Народной социалистической партии "ВИКИНГ", провозглашавший упразднение "коммунистического и колхозного строя", наделение крестьян земельными участками с правом вечного и наследственного пользования и обмена, но без права продажи, право частной собственности при сохранении в руках государства основных средств производства, а также "беспощадное уничтожение евреев, бывших комиссарами".

В манифесте подчеркивалось: "Наша партия — партия национальная. Она помнит и ценит лучшие традиции русского народа. Она знает, что викинги-витязи, опираясь на русский народ, создали в седой древности Русское государство".

"Локотская Русь" — это русская попытка вернуться в допроектное состояние, к исходному историческому рубежу, обозначенному прибытием викингов. Это русский островок Контрпроекта, русский опыт нового строительства на евразийском пространстве. Надо признать, что попытки распространить влияние партии "Викинг" за пределы округа не встретили полного понимания немцев — возможно, они опасались (и надо признать, не напрасно) очередной профанации Национал-

нал-социализма. Кроме того, программный тезис "Викинга" о "русском государстве" мог расцениваться ими как новая версия России-Евразии, несовместимая с задачами новой европейской колонизации восточных земель. Правда, в начале 1943 года, за несколько месяцев до захвата Локтя Советами, Розенберг все-таки рекомендовал использовать локотский опыт "в более крупных масштабах".

В январе 1942-го Воскобойник погиб в бою с партизанами и руководство округом перешло к Каминскому, который к осени того же года создал мощное (до 10 тыс. штыков) антисоветское формирование — Русскую освободительную народную армию (РОНА), известную также как бригада Каминского. Немалую часть ее бойцов составляли истинно-православные христиане (катакомбники), к которым, как утверждают, принадлежал и сам Воскобойник.

Итак, "...к концу 1942 г. в тыловом районе 2-й немецкой танковой армии сложилось своеобразное государственное образование. Преобразованные на началах частного предпринимательства сельское хозяйство и торговля испытывали небывалый для того времени подъем. Были приведены в порядок и запущены в действие система школьного образования и медицинского облуживания" («Материалы по истории РОД»). В ноябре 1942 года был открыт Городской художественно-драматический театр им. Воскобойника. Издавался орган локотского самоуправления — газета «Голос народа», велась широкая просветительная работа среди населения, в частности, читались лекции на темы "Германия сегодня", "Евреи и большевики". *Впервые после разгрома Новгородской республики на коренных, глубинных наших землях возник очаг подлинно русской государственности. В монолите Проекта на секунду появился судьбоносный разрыв*.

Каминцы сражались не только с советскими лесными бандами. РОНА "выставляла часть на фронт под Дмитровск-Орловский в июле 1943. Осенью один полк ее стойко защищал Севск — и в этой защите уничтожен целиком: советские войска добивали и раненых, а командира полка привязали к танку и протащили насмерть" («Архипелаг ГУЛАГ»).

Летом 1944 года РОНА, отступившая вместе с германскими войсками, была преобразована в 29-ю гренадерскую дивизию СС (1-я русская). Каминскому, которому выразил при-

знательность лично Гиммлер, был присвоен чин бригаденфюрера СС (к тому времени он был награжден Железным крестом за антипартизанскую борьбу в Белоруссии). В августе того же года, во время подавления Варшавского восстания, дивизия Каминского отличилась особой беспощадностью, показавшейся руководству СС чрезмерной. Каминский был втайне осужден военным трибуналом и расстрелян. Его солдатам сказали, что он погиб в партизанской засаде. "Заботу о вдове и ребенке Каминского, как генерала войск СС, взяла на себя Национал-социалистическая служба попечения" (там же).

Считается, что дивизия Каминского стала основой 1-й дивизии РОА, однако некоторые исследователи это опровергают. Так катакомбный архиепископ Амвросий (фон Сиверс) пишет, что лишь немногие каминцы ушли в РОА, "все остальные сохранили свой статус в войсках СС", ибо не переносили "советского духа" власовцев.

Остается добавить, что при отступлении вместе с РОНА ушло более 50 тысяч мирных жителей, не желавших прозябать под коммунистами. "Можно представить, как, дорвавшись, прочесывало НКВД этот автономный антисоветский район!" (Солженицын).

Герои-каминцы, не пожелавшие отступить на запад, продолжали в Брянских лесах партизанскую борьбу с Совдепом вплоть до осени 1946 года.

Казачья Русь (Борьба за Казакию)

Красная Москва завершила дело царей, тотально включив казаков в Евразийский Проект. Только на Дону истребив половину казачьего населения, иудо-большевисткий Кремль в течение 20-30 г.г. искоренял уклад, самосознание и *"новгородский дух"* казаков, стремясь превратить их в типовых советских колхозников. Разумеется, в 1941 году казачество не упустило историческую возможность вырваться из Проекта и, по образцу казачьих республик XVI-XVII в.в., создать на землях от Дона до Урала свое государство — *Казакию*. Наступление "знамени Одина" пробудило на Дону генетическую память не только о Новгороде, но также о германо-готской эпохе и даже о еще более глубокой арийской древности. По мнению некоторых исследователей, именно донская земля была мес-

том обитания асов (азов) и ванов — героев скандинавского эпоса. Отголосок тех далеких времен слышится в названии города Азова и даже в слове "кАЗак".

Описывая антисоветские настроения населения СССР в годы Войны, Е. Польская отмечает: "Особо следует сказать о казачестве и близких к нему социальных слоях. Донское, Терское, Кубанское особенно враждебно было строю, сломавшему и поругавшему его вековые устои. Раскулачивание, голод, при котором вымирали станицы (у казаков выбирали все съедобное, даже семечки и жмыхи). Это были наиболее стойкие и бескомпромиссные противники той системы, которую с легкой руки Запада обобщенно именуют "большевизмом" ".

"Разгромленные и обессиленные, казаки двадцать лет ждали помощи со стороны... И вот в 1942 г. оказалось, что никакое насилие не смогло убить дух противодействия коммунизму... Германцев, наступавших на Кавказ, с радостью встретили почти все казаки. Они тут же приступили к формированию своих воинских частей, выступивших в рядах противников СССР. В Германской армии появились казачьи полки и батальоны, со временем выросшие в дивизии и корпуса" («Казачий словарь-справочник»).

"Казачество особенно живо воспринимает идеи национал-социализма. Причины этого — в истории казачества", — писало в те годы издание «На казачьем посту».

Инициатором создания крупных казачьих формирований был германский полковник фон Панвиц. Его горячо поддержал генерал Петр Краснов, убежденный германофил, еще в 1918-19 г.г. возглавлявший антибольшевистское сопротивление Дона. Краснов стал начальником Главного казачьего управления на территории Германии. "Его призыв стать в ряды возрождающихся казачьих полков, под знамена армии, сулящей освобождение, встретили с воодушевлением донцы, кубанцы, терцы и все старые эмигранты" («Казачий словарь-справочник»).

В 1943 году была сформирована Первая казачья дивизия, командиром которой стал произведенный в генералы фон Панвиц (в 1945-м, он, как военнослужащий вермахта, не подлежал выдаче Совдепу по Ялтинским соглашениям; однако фон Панвиц добровольно разделил участь своих казаков и поехал с ними в СССР, где и был повешен в 1947 году на Лубянке вмес-

те с Красновым и другими атаманами). В дальнейшем дивизия была развернута в 15-й Конный казачий корпус СС, который вел антипартизанскую борьбу в Югославии (где действовал совместно с немцами и хорватскими усташами), а также в Италии. Казачьи полки сражались и на Восточном фронте.

Кроме того, Главный штаб СС создал казачий резерв под командованием известного героя белой борьбы генерала Шкуро. Генерал выпустил обращение к казакам, в котором, в частности, говорилось: "Я, облеченный высоким доверием государственного руководителя СС, громко призываю вас всех, казаки, к оружию и объявляю всеобщий казачий сполох..." («Неотвратимое возмездие», М., 1979).

Яркой фигурой казачьего сопротивления был также Т. Доманов, бившийся с Совдепом еще в годы т.н. гражданской войны. После прихода немцев Доманов, при их полной поддержке, немедленно приступил к формированию антисоветских казачьих частей на Северном Кавказе, на Дону и в Запорожье. В 1943 году он со своими казаками сражался против наступавших советских армад, попал в окружение и героически пробивался из кольца вместе с германскими братьями по расе и оружию, за что и получил Железный крест. Вторым крестом Доманов был награжден за активные действия против красных лесных бандитов в Белоруссии.

Идеологию освободительного казачьего движения емко сформулировал Краснов в речи на курсах пропаганды в Потсдаме (1944): "...Москва всегда была врагом казаков, давила их и эксплуатировала. Теперь настал час, когда мы, казаки, можем создать свою независимую от Москвы жизнь". Желая резко выделить казачество из евразийско-совковой массы, Краснов даже противопоставлял русских казакам, тогда как последние-то и есть носители истинно-русских (т.е. арийских) традиций. Москва не является исторической представительницей русскости — напротив, она всегда подавляла русскость и русских. *Традиционно антиказачья московская политика вызвана как раз тем, что евразийский Кремль видел в казачестве — прежде всего, донском — ненавистную ему Русь.*

10 декабря 1943 года германское правительство обнародовало декларацию, подписанную Кейтелем и Розенбергом (текст подготовил Краснов), в которой, в частности, говорилось: "Казаки! Казачьи войска никогда не признавали власти

большевиков. Старшие войска, Донское, Кубанское (бывшее Запорожское), Терское и Уральское (бывшее Яицкое), жили в давние времена своей государственной жизнью и не были подвластны Московскому государству. Вольные, не знавшие рабства и крепостного труда вы, казаки, закалили себя в боях. Когда большевизм поработил Россию, вы с 1917 года по 1921-й боролись за свою самостоятельность с врагом, во много раз превосходящим вас числом, материальными средствами и техникой. Вы были побеждены, но не сломлены... Когда доблестная Германская армия подошла к вашим рубежам, вы явились к ней не как пленные, но как верные соратники. Вы с семьями, всем народом, ушли с германскими войсками, связали свою судьбу с ними, предпочитая все ужасы войны, биваки и зимнюю стужу, кочевую жизнь — рабству под большевизмом. Все, кто только мог сражаться, взялись за оружие. Второй год вы сражаетесь плечо к плечу, стремя к стремени с германскими войсками... Германская армия нашла в вас честных и верных союзников!.." («Казачий словарь-справочник»).

Е. Польская вспоминает, что "с отступившими немцами ушли тысячи и тысячи советских подданных... Казаки же уходили сплошь... И пока сын был у Доватора *(советский кавалерийский генерал — А.Ш.)*, отец, зачастую уже побывавший как раскулаченный в Сибири, погружал семью в бричку и катил на Запад за отступавшими немцами, в "хвосте" которых все более накапливались силы для новой гражданской войны... Следует заметить, что и сын-комсомолец-доваторец, узнав о формировании антисоветских казачьих частей, при первой возможности (часто это был плен) ускользал от защиты социалистического отечества и искал на Западе, нет ли там его батьки или братана..."

"Кубань и Ставрополье — "русская Вандея" — уходили за немцами добровольно. Десятки сотен бричек заскрипели по степям в направлении Украины, Белоруссии и по указанию немцев спустились в Италию. Это был великий и последний в истории казачества "Отступ". "

Проект жестоко отомстил казакам за их очередное восстание. Согласно Ялтинским соглашениям, красновцы, при содействии английской масонерии, были брошены в лагерное чрево Евразии. Это произошло 2 июня 1945 года в австрийском городе Лиенце, на глазах Е. Польской. Она пишет: " Про-

грамма сопротивления (*выдаче — А.Ш.*) была несложна и наивна. Всем без исключения... следовало образовать вокруг аналоев с иконами, вокруг священников, начавших молебен о спасении, плотный массив и противостоять даже выстрелам, драться с англичанами врукопашную, поднимая им навстречу иконы и детей. Почему-то у простых людей была вера: молящихся нас не посмеют взять насилием. Мы все еще были в иллюзии "свободного мира", в котором религия уважаема... Взяли с собой еду и пеленки — сопротивление мыслилось долгим. Религиозный экстаз был велик. Всю ночь священники исповедовали желающих".

На рассвете, 2 июня, "с началом молебна многотысячная толпа опустилась на колени... В середине безмерной толпы блистал лес хоругвей. Женщины, дети и штатские были в середине. Их окружал массив безоружных солдат, строем прибывших "из полков". Они готовы были принять первый удар насилия". Краснов и высшие казачьи офицеры были уже схвачены.

Казаков окружили танками и их, поющих молитвы, стали зверски избивать солдаты в английской форме. Е. Польская свидетельствует: "Не знаю, как для власовцев, но для казаков из Италии и Балкан к акту репатриации были привлечены еврейские интернациональные антифашистские части, где были собраны евреи из многих стран, в том числе и советской, о чем свидетельствовала неоднократно слышанная мною русская речь среди облаченных в английское хаки солдат. Для этих частей акт репатриации людей, "сотрудничавших с фашизмом", был актом, прежде всего, возмездия. Отсюда такая жестокость *(азиатская жестокость! — А.Ш.)* репатриации из Австрии, бескомпромиссность ее... Отсюда и зверства солдат в хаки... Иегова собрал тогда хорошую жатву и, мстительный, довольно потирал руки. А наша религиозно-фанатическая демонстрация, очевидно, только усугубила ожесточение одетых в хаки "англичан" ". По словам Е. Польской, вечером 2 июня жители Лиенца отказывались обслуживать солдат-евреев в ресторанчиках и магазинах, объясняя им: *"Вы стреляли в крест!"*

***

Часто наши патриоты упрекают руководство Рейха в "нежелании" широко опереться в борьбе против Совдепа на русское антисоветское движение. Так, например, постоянно твердят о слишком медленном, по их мнению, развертывании немцами власовской РОА. Чуть ли не первым обвинителем такого рода стал Солженицын, но он же называет и причины немецкой сдержанности: *"Движение Власова не считает себя связанным на жизнь и смерть с Германией, в нем — сильные англофильские симпатии и мысли о перемене курса. Движение — не национал-социалистическое, и еврейский вопрос им вообще не признается"* (из доклада германского министерства пропаганды, февраль 1945). Причины веские. И, как показали события конца Войны, недоверие немцев к Власову было вполне обоснованным: едва получив оружие из рук Германии, 1-я дивизия РОА в мае 45-го ударила в спину Рейху, "освободив" Прагу (там власовцы надеялись дождаться американцев и предъявить им, как визитную карточку, свой позорный "подвиг").

Тем же русским, кто связал себя *"на жизнь и смерть с Германией"* и идеологически приближался к Национал-социализму немцы вполне доверяли. И эти русские до конца остались верны общей Борьбе.

"В 1945 г. ИПХ, служившие в русских частях, показывали чудеса стойкости, не давая сдаваться самим немцам, как то происходило при обороне Бреслау и в Вост. Пруссии. Известно, что прижатые к побережью Балтийского моря (на Земланде и Фрише-нерунг), русские отряды, при обадривании военных истинно-православными священниками, бились насмерть даже после 9 мая 1945 г. По воспоминаниям, когда по ним стали стрелять из "катюш", то они обмазывались глиной и продолжали сопротивляться (глина предохраняла от "напалма" реактивных снарядов реактивных установок)... в Курляндии после капитуляции немцев, русские и латыши продолжали биться с Красной Армией весьма ожесточенно..." («Русское православие»).

***

Ну а как же те русские, с которыми бились? Те, что "родину защищали"?

В. Солоухин, один из немногих русских писателей, дав-

ший честную оценку Войне, приводит такую аналогию: "В дом забрались разбойники, хозяев дома превратили в своих слуг, в работников, в рабов, сами процветают и руководят. Хозяева как-то даже и привыкли к своему новому положению. Ладно, жить можно. Как-никак крыша над головой, как-никак харч, паек. А то, что лучшие горницы заняты, иконы из переднего угла выброшены, могилы предков переворошены, работать приходится почти бесплатно, и все богатства неизвестно куда уходят — ладно. Живы — и слава Богу. И вот когда соседи идут прогнать и даже уничтожить наглых захватчиков, коренные обитатели вдруг вспоминают: дом-то все-таки наш! Давай защищать родной дом. А вместе с ним и разбойников..." («Последняя ступень», М., 1995).

Надо лишь уточнить, что хозяевами в Доме русские перестали быть задолго до 1917 года. Более того: в *этом* Доме они никогда и не хозяйничали. *Русский* Дом, предварительно разгромленный крестителями, разграбила и спалила ордынско-московская Нерусь, воздвигшая на пепелище Руси "свой Дом — Россию". В 17-м году одна нерусь потеснила другую, еще более придавив русских. В 41-м братья-германцы предоставили нам уникальную возможность вернуться в нашу, европейскую историю. Да, скажем прямо, немцы вряд ли позволили бы русским восстановить отдельный русский Дом, ибо сомневались (и не без оснований) в "домостроительных" способностях обескровленного белого населения России. Но русским предоставлялась возможность найти себя в германском строительстве, в *Германской Руси*. Возведенное здание Новой Европы стало бы и русским Домом.

Однако, надо признать, что большинство русских не воспользовалось Историческим Шансом и кинулись защищать "советскую родину", а точнее свой рабский "харч и паек". Голос Крови шептал им о верности Расе, о свободе, но они выбрали ублюдочный "патриотизм", т.е. верность своей тысячелетней Евразийской Тюрьме. Державно-государственнические *стереотипы* возымели над ними власть большую, чем расовые *архетипы*. Таким образом, эти русские совершили расовое предательство, став орудием азиатской ненависти Кагала к восставшей Европе. Руками этих русских была убита *Германская Русь — Третий Рейх. Эти русские, подобно беспамятным янычарам, подняли руку на мать-Европу, защитив*

мачеху-Россию от заслуженной исторической кары.

Война стала пробным камнем генетического качества белого населения России-Евразии. Русские, которые пошли или позволили повести себя против "знамени Одина" — знамени Расы (а их, повторяю, большинство) — это людьми с *ослабленной или просто порченой Кровью*. Они влились в зловонный евразийский поток ущербной биомассы, расового отстоя, бушевавший в 1917-м под окнами Бунина, а в 1945-м вломившийся в Европу.

На протяжении веков, помня о гуннах и монголах, европейский мир с тревогой следил, как в "многоплеменном котле" Евразии бродит биомасса, могущая однажды пролиться до Ла-Манша и Гибралтара. Еще Петрарка, встречая на улицах родной Генуи невольников из Восточной Европы писал: "И вот непривычная, но уже нескончаемая вереница подневольного люда того и другого пола омрачает этот прекраснейший город скифскими чертами лица *("Да, скифы мы..." — А.Ш.)* и беспорядочным разбродом, словно мутный поток чистейшую реку..." (опять вспоминаются "чувашские" и "мордовские" типы из бунинских записок). Пророссийская позиция Бисмарка, во многом вызванная, очевидно, германо-русским лицом Петербурга — все же, скорее, исключение, чем правило. Еще в середине XIX века в Германии бытовало устойчивое представление о "восточных ордах", оставляющих за собой "разрушение, вонь и насекомых", горящих "скотским желанием" "опустошить наши поля и кладовые..., обесчестить наших матерей и сестер и с помощью тайной полиции и кнута уничтожить любой след свободы, человечности и честности". Немецкий писатель Виктор Хен писал в 1867 году, что "опять может предстоять решающая битва при Халене, об исходе которой никто не знает. Все это уже было. Монголы, пришедшие из глубины Востока, застряли в Силезии, славяне запросто могут остановиться лишь у Атлантического океана..." («Война Германии против Советского Союза...»). Запад предчувствовал, что из чрева Евразии, в результате многовекового преступного генезиса, выйдет некий чудовищный массовый Гомункулус, кирзовая поступь которого будет громче топота орд Атиллы и Батыя.

Эти предчувствия оказались, увы, обоснованными. Пресловутый "гомо советикус" или, проще говоря, "совок" (*пост-*

московит) стал достойным плодом тысячелетней работы евразийского "котла". "К нам поступают теперь бесчисленные сведения о большевистских зверствах, — писал 1 марта 1945 года Геббельс, — Они настолько ужасны в своей правдивости, что дальше ехать некуда..." На следующий день, 2 марта, он продолжает: "Конев требует от командиров принятия строжайших мер против разложения советских войск. Он указывает также, что поджоги и грабежи могут производиться только по приказу. Характеристика, которую он дает этим фактам, чрезвычайно интересна. Из нее видно, что в лице советских солдат мы имеем дело со *степными подонками*. Это подтверждают поступившие к нам из восточных областей сведения о зверствах. Они действительно вызывают ужас. Их невозможно даже воспроизвести в отдельности. Прежде всего следует упомянуть об ужасных документах, поступивших из Верхней Силезии *(напомним, именно там в свое время были остановлены татары — А.Ш.)*. В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от десяти до 70 лет. Кажется, это делается по приказу сверху, так как **в поведении советской солдатни можно усмотреть явную систему** (*выделено мной — А.Ш.)*" (Й. Геббельс, «Последние записи», М., 1998).

"Согласно ялтинским договоренностям американцы передавали немецких пленных совкам. Вот эпизод одной такой передачи. "Проехав несколько миль, колонна с пленными остановилась. Пленным приказали спуститься на землю, и тут в поле их окружили советские солдаты. Полные дурных предчувствий, немцы стали выбираться из грузовиков. Советы медленно стали отделять мужчин от женщин.

Полупьяные солдаты Красной армии, увешанные винтовками и пулеметами, построили безоружных немцев в шеренги. Другие русские начали валить на землю женщин и девочек, срывать с них одежду и принялись насиловать свои жертвы прямо перед строем остальных русских. Немцы могли лишь молча сжимать кулаки.

Когда американцы уехали и у советов исчезло последнее препятствие, красноармейцы набросились на немецких женщин.

Молодая немецкая женщина, чуть за тридцать, мать двенадцатилетней девочки, стояла на коленях у ног русского сер-

жанта и умоляла его, чтобы советские солдаты взяли ее, а не девочку. Но ее мольбы остались без ответа. Слезы текли по щекам, когда она посылал молитвы к небу. Немецкие мужчины стояли, окруженные пулеметными стволами.

Советский сержант отошел от женщины, его лицо исказилось глумливой усмешкой. Один из советских солдат изо всех сил ударил женщину сапогом в лицо. "Проклятая фашистская свинья!" — заорал он. Молодая мать упала на спину. Солдат, который ее ударил, выстрелом в голову из винтовки убил ее.

Красноармейцы хватали всех немецких женщин, которых видели. Маленькую дочь убитой женщины потащил за танк убийца ее матери. К нему присоединились другие совки. Полчаса раздавались дикие крики и стоны. Потом совершенно голая девочка, неспособная держаться на ногах, выползла назад. Она скорчилась и замерла.

Однако в той общей картине зверств, которую сейчас представлял луг, страдания этой девочки не были чем-то особенным. Беспомощные немцы убеждали советских часовых позволить им помочь девочке. Взяв винтовки наперевес, красноармейцы позволили германскому медику подойти к девочке. Через час она умерла и ее последние всхлипывания жгли огнем сердца беспомощных германских солдат.

Восьми- и девятилетних девочек раз за разом насиловала озверелая советская солдатня. Совки не выказывали никаких других чувств, кроме ненависти и похоти. Пока все изверги удовлетворяли себя среди диких криков и плача женщин, германские солдаты сидели под дулами пулеметов.

Забрызганные кровью совки, удовлетворив вожделение, сменяли своих товарищей за пулеметами, принимая охрану над германскими солдатами. Матери пытались защитить своих дочерей, но их избивали до потери сознания и оттаскивали в сторону, а потом насиловали в таком состоянии.

Подобная оргия просто не могла тянуться долго. Похоть была насыщена, и начали проявляться первые признаки жалости. Иногда ухмыляясь, иногда безразлично, иногда чуть удрученно, советские солдаты вернули женщин и девушек, над которыми кончили издеваться. Тех же, которых утащили прочь от грузовиков, больше никто не видел. Остальные падали без чувств на руки отцов и мужей. Они полной мерой хлебнули

унижения и страдания, но все это еще не закончилось.

Немцы были согнаны в импровизированный лагерь на лугу. Потом вокруг луга было выстроено кольцо из 30 танков, чтобы организовать охрану на ночь. Советские солдаты снова и снова возвращались к немцам, утаскивая женщин и девочек, которым не могло помочь присутствие мужей и отцов. Насилие продолжалось всю ночь, прекратившись только перед самым рассветом. Женщин притащили назад, как сломанные куклы, когда совки натешились.

Германским солдатам этой ночью пришлось сделать трудный выбор, и многие из них его сделали. Когда первые лучи солнца упали на окруженный танками луг, множество немцев не поднялось. Те из них, у которых было какое-то подобие холодного оружия, перерезали вены своим женам, дочерям и себе. Другие мужчины задушили своих жен и дочерей, после чего повесились на бортах грузовиков. Они предпочли смерть долгому мучительному умиранию" («Раса-die RASSE» № 5, М., 2000).

Война поделила русских на две неравные части. Одни, отозвавшись на голос Крови, встали под знамя Арийского Освобождения — и сгинули в огне сражений, в чекистских застенках и концлагерях. Другие, большинство, кинулись защищать "родину-острог" и бросили это знамя к основанию азиатского капища, за что и получили глумливое "спасибо" от Сталина на известном кремлевском приеме. Воспитанные мачехой-Евразией, они глумились над своими белыми сестрами в поверженной Германии, как когда-то татары — над русскими женщинами. Скажем прямо: в результате многовекового антиарийского геноцида, ставшего особо масштабным и методичным в эпоху "Новой Хазарии", в основном уцелела наименее качественная в расовом смысле часть белого населения России. Ведь опричники Проекта веками уничтожали лучших русских — наиболее одаренных, благородных, бесстрашных, свободолюбивых. В итоге к началу Войны наше большинство составил генетический отстой, в избытке давший "пушечное мясо" для стратегов типа Жукова, а ныне влачащий полуживотное существование в качестве быдловатого "электората" (немногих же *качественных* русских успешно домолачивают "молотилки" вроде московского бунта 1993 года или перманентной Чеченской войны). Остались те, к кому вполне приложи-

ма характеристика из немецкого издания 1916 года (уже тогда черты будущего "воина-победителя" были вполне различимы): *"...С одной стороны у великоросса имеется много положительных, трогательных черт характера, за счет которых он располагает к себе. С другой стороны, часты проявления жестокости и бессовестности, так что невозможно понять, как столь разные черты характера уживаются в одном индивидууме. В русском характере мы находим контраст между меланхолией, чисто славянским благодушием и жестокими кровожадными инстинктами азиатских кочевников. Чтобы понять это противоречие в русском характере, необходимо обратиться к историческому развитию русских. Русский характер обусловлен в своей основе влиянием татарского ига, деспотической формой правления в России и, в первую очередь, крепостным правом. Эти три момента в национальной жизни русских в течение веков оказали чрезвычайно отрицательное воздействие на их характер"* («Война Германии против Советского Союза...»).

Тип московита, взращенный Проектом, восторжествовал в русской массе над изначальным типом новгородца и казака.

Но, надеюсь, не окончательно.

«Бублик» и его «дырка»

Еще накануне Войны "хазарская" составляющая Проекта слегка смягчилась, позволив усилиться византийско-московской компоненте. В 1937-38 гг. были физически ликвидированы наиболее одиозные "хазары", включая эмигранта Троцкого. Скорее всего, на это была дана санкция мировой еврейской "закулисы", заинтересованной в том, чтобы СССР сохранялся в качестве эффективного антиевропейского (и прежде всего антигерманского) "молота". "Хазарин" Троцкий не смог бы повести русских против Гитлера. "Византист" Сталин — повел. Ради ликвидации Рейха вполне можно было пожертвовать Зиновьевым, Каменевым и прочими, что "мудрецы" и сделали. Положив на одну чашу весов жизнь кучки "пламенных хазар" и возможные антисемитские "взбрыки" Сталина, а на другую — уничтожение национал-социалистического феномена, "мудрецы" увидели, что перевешивает, несомненно,

последнее. Один 1945-й в их глазах перетягивал сотню 1937-х. Кроме того, Сталин хоть и не еврей, но и не русский, "кавказец", так что и в этом смысле "баланс" был соблюден. К тому же, на сталинском горле лежала бериевская "длинная рука", которая при необходимости могла вполне по-византийски надавить на кадык "хозяину" (как это и случилось в 1953-м).

Натиск германских танков произвел на Кагал впечатление столь сильное, что он дал "отмашку" не только "русскому патриотизму", "славянскому братству", но и православию — разумеется, антиарийско-московского пошиба. РПЦ, веками твердившее русским о душеспасительной покорности *азиатским* властям любого типа, как всегда, с готовностью благословило народ на "священную брань" *с Европой*. Более того: сергианский агитпроп натравливал русских не просто на "германца-супостата", а на сам символ Расового Освобождения, поднятый немцами — *на свастику*. В пасхальном послании от 2 апреля 1942 года митрополит Сергий (Страгородский), верный агент Проекта, старательно обличал саму попытку Европы "вместо креста Христова признать своим знаменем языческую свастику", т.е. освободиться от южных, семитских влияний и вернуться к исконным нордическим ценностям. Христианство и коммунизм — две глобалистские доктрины одного азиатского корня - быстро сговорились ради подавления "путча арийских богов". Соседство золотых куполов и рубиновых звезд в небе над столицей Евразии, по сути, вполне органично.

Кстати, надо отметить, что гитлеризм был непримирим именно к христианству расхожего типа — к *иудо*-христианству, но с пониманием относился к попыткам переформулировать евангелие в свете арийской традиции ("нордическое христианство"). Отсюда и то "весьма благосклонное" отношение немцев (особенно командных чинов СС) к русским истинно-православным (катакомбникам), у которых, в свою очередь, "усиленное почитание нацистами свастики... вызывало положительную оценку, ибо в Христианстве гамматический Крест (= свастика) употреблялся с древности" («Русское православие»).

В указанном послании иерочекист Сергий призывал "победу Креста Христова над свастикой" (уже не над "языческой", а просто над свастикой, как вечным символом Расы; впрочем, это не помешало РПЦ спустя полвека канонизировать импе-

ратрицу Александру — есть ли пределы сергианскому блядству?). Оставим не совести РПЦ противопоставление Креста и Свастики, но каким же "духовным зрением" надо обладать, чтобы в пятиконечной звезде (в христианской традиции — знак антихриста) углядеть Крест? Тем, кто любит порассуждать о "православном возрождении" в позднесталинском СССР, напомним: "...в начале 1945 г. советские карательные части стали очень часто использовать для пойманных истинно-православных клириков утонченный вид казни: **их распинали на крестах**. Так погибли: о. Моисей и о. Феодор под Ригой, о. Герман в Польше, о. Алексий в Бреслау, о. Виктор, о. Иринарх и о. Павел в Вост. Пруссии, а также неизвестные по имени 4 казачьих священника в Австрии" ("Русское православие"). Очевидно, для РПЦ это и есть "победа Креста над свастикой". Напомним также, что белогвардейцы, освободив в 1919 году Киев, обнаружили во дворе местной ЧК (одной из самых еврейских) крест, "на котором за неделю примерно до занятия Киева распяли поручика Сорокина" ("С. Мельгунов, "Красный террор в России").

В воспоминаниях А. Стрешнева о московской Пасхе 1942 года приведены характерные слова из праздничной пастырской проповеди: "...воинства *не допустят германскую тьму в нашу светлую жизнь (выделено мной — А.Ш.)...* с нами вместе и Невский, и Владимир, и Сергий". Сергианскому священнику вторит и сам автор: "...тьма рвется к нам на вражеских крыльях" («Москва военная», М., 1995). Итак, "тьма" — это свастика, древнеарийский знак *солнца*, а "светлая жизнь" — это тюрьма Евразии, "родина-уродина", "Советская Иудея", чья кровавая звезда, очевидно, и есть источник "света" для РПЦ. Именно в ходе Войны официозное православие византийско-московитского толка, которое веками, паразитируя на русском народе, обслуживает Проект, открыто заявило о себе как о подлом *расовом враге* белых людей и прежде всего — русских. Ибо для РПЦ (имеющей наглость именовать себя "русской") тьма то, что для нас — СВЕТ. И свет то, что для нас — ТЬМА.

***

Понукаемые объединенным коммуно-церковным агитпропом, "совраски" (советские русские) стали-таки основной рабочей скотиной "великой победы". Очевидно, этого не ожи-

дали главари Совдепа, в 41-42 г.г. почти убежденные в том, что русские не упустят шанс рассчитаться с ними "вчистую". Знаменитый сталинский тост за здоровье русского народа (май 1945-го) как раз и продиктован радостным удивлением "хозяина" по поводу проявившейся массовой готовности "белых негров" защищать свою вековую каторгу от освободителей. Этот тост, часто смакуемый нашими патриотами, в действительности является достаточно явным издевательством над русским "быдлом", упустившим стопроцентную Возможность Освобождения. Вслушайтесь: "...Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это (*вот дубина! — А.Ш.*), ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!" («Неизвестный Сталин», М., 1994).

Сталин вполне откровенно говорит, что война против Гитлера *русским* была *не нужна.* Эта война была нужна "правительству", "родине", чьи интересы не протяжении вот уже многих веков *противоположны* интересам русских. *Другое* (русское, надо понимать) правительство, ясно говорит Сталин, *"заключило бы мир с Германией"* и обеспечило бы русским *покой.* Но нам покой давно уж "только снится". Евразийскому Кремлю было жизненно важно уничтожить своего расового антагониста — Третий Рейх, и комиссары, умело эксплуатируя вековые патриотические штампы, сумели-таки натравить изрядную часть русских рабов на немцев-освободителей. "Спасибо им, рабам, за доверие, оказанное рабовладельцам! За здоровье добрых русских рабов!" Тем более, что его *немного осталось...*

Хозяйское похваливание наиболее бесправных белых людей Евразии — русских — началось еще во время Войны. "Големы" на советских плакатах с той поры и вплоть до распада СССР имели подчеркнуто "русацкое" обличье. В победном

тосте Сталин глумливо объявил русских, лишенных всякой, даже формальной, правовой субъектности, "руководящей силой Советского Союза среди всех народов нашей страны". Но еще раньше, в 1944 году, появился новый советский гимн, во второй строке которого говорилось о некой "великой Руси", "навеки" сплотившей "Союз нерушимый республик свободных". Русские патриоты, истекающие умильными соплями от чувств благодарности к "отцу родному", не видят азиатского лукавства, скрытого в этих "величавых" словах. Ведь что такое "великая Русь"? Поэтический образ, не более. Никакого *правового* смысла в этом понятии нет. Никакой Руси в юридическом плане не существует. "Великая Русь" в сталинском гимне подобна земщине времен Ивана Грозного (кстати, все более популярного в ту эпоху). Однако *опричные* "республики свободные", "сплоченные" "великой Русью" и, так сказать, обрамляющие ее, являются, в отличие от "сплотившей" их "Руси", *правовыми субъектами*, пусть и формальными на *том* этапе Проекта. Таким образом, сталинский гимн стал емким символом Проекта, сердцевиной которого, подобной дьявольскому Ничто, является вековое *русское бесправие.* "Республики свободные" (как раньше азиатские "колонии" России) — это "бублик", присыпанный идеологическим "маком" (вчера — имперским, теперь — советским), тогда как "дырка от бублика" (пустота, фикция) — это пресловутая "великая Русь". Меньшиков когда-то писал, что "рамка" колоний поглощает "картину" метрополии — в советскую эпоху мы видим хищную, разжиревшую "околицу", выжравшую центр и превратившую его в "дырку". Так "бублик" (Россия-Евразия), собственно, и получился, "сложился исторически".

Д. Галковский рисует следующую картину: "СССР разделился на "метрополию" — Закавказье и Среднюю Азию и на "колонию" — Россию, Украину и Белоруссию *(украинцам и белорусам все же "кинули" подобие государственности, которая дает им, особенно первым, шансы на выход их Проекта и возвращение в Европу, о чем мы еще скажем; русские же были и остаются лишенными даже квазигосударства — А.Ш.)*..." Уже к 1941 году "уровень жизни населения новой метрополии в целом превосходил уровень колонии, совершенно разрушенной "коллективизацией". В дальнейшем народы новой метрополии обогнали население колонии и в культурном отноше-

нии. По данным переписи 1979 г., в РСФСР на 1000 человек "условно взрослых" (старше 10 лет) приходится 71 человек с высшим образованием, а в Грузии — 103 человека. Тбилиси вообще возглавлял список интеллектуальных центров СССР. Там количество лиц с высшим образованием достигало 227 на тысячу. Тогда как, например, бывшая столица Российской империи со своими 159 занимала почетное седьмое место. Следует еще учесть, что подавляющая часть грузинской интеллигенции состояла из лиц коренной национальности, а русская община Грузии в основном работала на промышленных предприятиях, в лучшем случае составляя кадры младших инженеров и техников. Соответственно грузинская община РСФСР занимала привилегированнейшее положение в высшей партноменклатуре и так называемой "творческой интеллигенции". Необходимо также учитывать, что при сравнении не просто лиц с высшим образованием, а лиц, имеющих ученые степени, преобладание Закавказья и Средней Азии будет чуть ли не подавляющим. И это при том, что до революции азиаты уступали русским в культурном отношении на много порядков.

Конечно, 95% советской азиатской интеллигенции было чисто фиктивно — в Средней Азии многие доктора наук просто не умели читать и писать. Не производя ничего, они, естественно, предпочитали уклоняться в более безопасные, престижные и расплывчатые области гуманитарного знания, получая средства к существованию за счет усиления эксплуатации колонии, которая к 70-м годам перешла от простого застоя к уже явной деградации, вынудившей колониальную администрацию усилить туземную пропаганду ("метрополия" заботится о братской колонии, помогает освоению нечерноземной зоны РСФСР, посылая туда "колонистов", и т.д.).

И наконец, колония была насильственно разбита на три республики, а сама Россия поделена еще на две половины — многочисленные национальные образования (в подавляющем большинстве случаев фиктивные *(до поры — А.Ш.)*) и безнациональные русские области, не имеющие даже формального представительства в верховных органах власти (*та самая "великая Русь" из сталинского гимна — А.Ш.).* Показательно, что руководителем такого государства стал именно "специалист по нацвопросу" (*как известно, в ленинском правительстве Сталин занимал пост наркома по делам национально-*

стей — А.Ш.).

Отличие от классической колониальной схемы здесь заключалось в "идеологическом прикрытии", характерном для материалистического мировоззрения. Если гнусная советская тирания представлялась пропагандой самой передовой демократией, так что установление абсолютной власти Сталина венчалось одновременно принятием конституции, то советская колониальная империя представлялась "окончательным решением национального вопроса", причем русское население, подвергающееся неслыханному национальному гнету, на словах оказывалось привилегированным слоем, любимцем советской власти... *(так, впрочем, было на всем протяжении российской истории — А.Ш.)*" (Д. Галковский, «Русская политика и русская философия»).

Тем же, кто твердит, что Сталин своим тезисом о "руководящем народе" поднял русских с исторического дна, на которое их повергли космополиты типа Ленина и Троцкого, напомним, что тезис этот не нов: еще Меньшиков полемизировал с октябристами, отводившими русскому народу роль "руководителя" среди других народов России (Меньшиков настаивал на русском *господстве*). Так что крутой товарищ Сталин всего лишь повторил общие места думского либерализма, прикрывавшие, как и "исторический" тезис "отца родного", реальное *русское бесправие*.

***

Византийская составляющая Проекта, усилившаяся в ходе Войны и сразу после нее, не заглушила хазарскую компоненту, но лишь сделала ее не столь вопиющей в глазах подсоветского белого населения (византизм, даже при желании, и не может полностью подавить хазаризм, поскольку в силу их единой азиатской природы они в целом не антагонистичны и одинаково враждебны всему русскому). Хазарское начало сквозило и в совершенно еврейских по своему характеру расправах над катакомбными священниками, и в ритуальном попрании свастик на параде Победы, и в активнейшей роли Совдепа на Нюрнбергском судилище, ставшем показательной еврейской расправой над вождями белой расы. Это же начало проявилось и в той мстительности, с какой Совдеп излавливал на оккупированных территориях Европы и Китая престаре-

лых белогвардейцев, в частности, лидеров казачества. Как свидетельствует один из участников документального фильма «Конец белых атаманов» (1996), генерала Краснова и его соратников, согласно первоначальному замыслу, должны были казнить в Москве древнееврейским способом: публично побить камнями (С. Мельгунов сообщает о случае такой расправы в Екатеринбурге в дни разгула "красного террора"). Однако в итоге, очевидно, по совету западных евреев, Совдеп отказался от этого вида казни, столь откровенного в расовом смысле. Героев казачьего сопротивления "просто" повесили.

Эта же участь ждала не только радикальных противников Проекта, но и русских эмигрантов-антисоветчиков, ментально оставшихся в его "поле" и безоговорочно приветствовавших сталинский византизм как воплощение своих псевдонационалистических идеалов. Характерна судьба К. Родзаевского, который осенью 1945 года под крышей "гостеприимного" советского консульства в Бэйпине писал покаянно-восторженное письмо Сталину: "...сталинизм это как раз то самое, что мы ошибочно называли российским фашизмом; это — наш "российский фашизм", очищенный от крайностей, иллюзий и заблуждений". "Пламенному взору его открылось единое начало, связывающее царский и советский периоды... Сталин — вот новый Иван Калита, "собиратель московских земель" " (Д. Стефан, «Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925-1945», М., 1992). Да, Родзаевскому открылась реальная полнота Евразийского Проекта — и пленила его, чтобы погубить, ибо вождь русских фашистов не обладал расовым сознанием, позволяющим трезво оценить эту дьвольскую полноту. Сталинский византизм вовсе не был пустым декоративным прикрытием для хазарской составляющей; нет, он был вполне полнокровен и органичен — потому-то и "зацепил" Родзаевского. Драма этого человека в том, что все двадцать лет его эмигрантского "активизма" свелись, по сути, к борьбе против одной из компонент Проекта — хазарской — за доминирование другой компоненты — византийско-московско-ордынской. *Византизм и хазарство* — это две стороны одного "пятака" под названием Россия-Евразия. Уже во Владимире Крестителе — отце-основателе Проекта, кстати, особо почитаемом русскими фашистами, — два названных начала были "едины и неделимы". К несчастью для Родзаевского и многих других, в

то время сей хитрый “пятак” смутно-приманчиво отсвечивал чем-то стерто-двуглавым, “родимым”, татаро-московским, оставив серп и молот “на обороте”. Если бы Родзаевский, подобно Гитлеру, ментально и духовно пребывал вообще вне Проекта, то увидел бы *все* его составляющие, а также их азиатскую *однородность,* и тогда открывшееся фашистскому вождю “единое начало, связывающее царский и советский периоды” предстало бы перед ним в другом, совсем не эпическом свете, а в “багровых тонах” проклятой русской Судьбы. Тогда, глядишь, и советский дипломат Иван Патрикеев (о, как неслучайно это лубочно-русацкое имя!), успешно заморочивший Родзаевского обещаниями “новой жизни” на “родине”, утратил бы в глазах Константина Владимировича “дед-морозовский” румянец, явившись тем, кем и был в действительности — по-московитски подлым и коварным вестником хазарской Лубянки (кстати, московского посла, приводившего новгородцев к присяге Ивану III в 1478 году, звали Иван Патрикеев — какова “связь времен”!).

Часто задаются вопросом: почему Родзаевский и его “подельники” оказались совершенно сломленными в заключении и на суде? Да потому, что они увидели перед собой, в судейских креслах, то, за что они так долго боролись. *Врага не было.* Борьба стала бессмысленной. Это и лишило их воли к сопротивлению, заставляя каяться и сдавать все и вся. Если бы они боролись за Русь, за Расовую Революцию, за Контрпроект, то мужество их не покинуло бы. Враг был бы перед ними: *азиатская Система Метаисторического Пленения русских.*

Так ли уж сильно Родзаевский верил Ивану Патрикееву? Предчувствовал ли он свою судьбу? Вероятно, предчувствовал. Более того: в ночь перед отлетом в СССР один из соратников настойчиво советовал ему покинуть советское консульство (фашистскийвождь прожил там три недели, проводя время в сочинении очередного послания Сталину, музицировании и доверительных беседах с Патрикеевым). Надо было лишь просто *выйти за ворота* — никто не помешал бы. Но, похоже, совки были уверены, что Родзаевского и не надо охранять. Он так и не вышел за ворота. Какая-то темная сила парализовала его волю. Утром, в день его отправки в СССР, Родзаевского застали молящимся перед иконой. Завороженный Проектом, он напоминал Николая II, шедшего на закла-

ние, как под гипнозом.

Родзаевский — это анти-Курбский. Точнее, сдавшийся Курбский. Плотью Родзаевский вырвался из Проекта, но сознанием он остался там, в России-Евразии, и в конце концов, влекомый ее "болотными огоньками", вернулся на "родину" физически. Он не смог превозмочь чары, проклятие народной и личной судьбы, как это сделали Курбский или, скажем, Краснов. Думается, что в ходе бесед с Патрикеевым он улавливал приближение своей смерти и с неким сладостным, мазохистским чувством отдавался покаянному самрастворению в "соборном" Ничто, в "родине" — предмете жертвенного служения русских на протяжении веков. Скорее всего, на процессе Родзаевский каялся вполне искренне, восприняв смертный приговор с благодарностью наказанного беглого холопа, как должное. Родзаевский обрел "родину" в ее сущностном качестве — в качестве насильственной смерти, каковой она, "родина" по сути, и является для русского народа. Убив Родзаевского, "родина" проявила не жестокость, не вероломство, напротив — "материнскую заботу" о "заблудшем сыне". Ну сами подумайте, как поступил бы Грозный с вернувшимся Курбским? Простил бы? Может и простил бы, но при этом отправил бы Андрея "спасать душу" — под кнутом, на дыбе и на плахе. А тот, как заправский пассивный садо-мазохист, истекая кровью, пел бы псалмы и выкрикивал здравицы государю. Так и Родзаевский принимал пулю в затылок с сыновьей любовью к "матери-родине" и "отцу" Сталину. Ведь он сам написал "Вождю", что согласен, если нужно, принять смерть от него — "по суду или без суда"...

России-Евразии мало русского рабства — она хочет, чтобы "белые негры" еще и беззаветно любили ее, считая "измену родине" тягчайшим из грехов. "Чувство родины", воспитанное Проектом за тысячу лет в большинстве русских — это извращенное чувство холопа или смертника, горячо любящего свое холопство или свою смерть. По словам Ф. Лишнего, "Родина-Мать — демонический фетиш прошлых и, по-видимому, грядущих войн..." Во славу ее "после Победы были воздвигнуты святилища во всех "городах-героях" с "вечным огнем", подавляющими своей величиной монументами, в которых народ мог воочию лецезреть Ту, кому все эти годы адресовались его мольбы и упования, за которую жертвовались миллионы жиз-

ней..." («Эра России», № 18, 1996).

Родина-Мачеха.

А ведь достаточно было просто *выйти за ворота*... И тысячелетнее наваждение растаяло бы, как дым.

***

В победном 1945 году Эйзенштейн выпустил первую серию фильма «Иван Грозный», сопоставимого по своей знаковости только с «Александром Невским». Очередной киношедевр знаменовал резкое набухание византийской компоненты Проекта. Более того: как и ожидалось, Сталин решил восстановить византизм в качестве проектной доминанты, полностью подавив хазарскую составляющую. Особой остроты эта борьба достигла к началу 50-х годов (кампания против "космополитов", дело врачей) и закончилась поражением Сталина, к смерти которого, по некоторым данным, причастны лица из его ближайшего окружения (прежде всего евреи Берия и Каганович, а также Молотов, женатый на еврейке). К власти пришел прохазарски ориентированный Хрущев, реанимировавший коммунистический пафос первых десятилетий Совдепа (в частности, резко оживился атеизм). Однако "кукурузник" был смещен в результате верхушечного заговора. "Воцарился" Брежнев, чье правление ознаменовало начавшуюся *стабилизацию Проекта*, установление равновесия его компонент. При Брежневе, как известно, власть била и по "хазарским" диссидентам, и по "византистским" идеологам круга "Молодой гвардии". Церкви не крушили, но и посещение пасхальных крестных ходов молодежью не поощрялось. Тогда же окончательно прекратился массовый террор, что в действительности является весьма зловещим признаком: тысячелетний план по геноциду был выполнен, наиболее качественная часть арийского генофонда России — уничтожена, а оставшихся — худших — воспитали в духе верности евразийской "родине". Наступала фаза энтропии Проекта, его исполненности, когда остатки белого населения должны тихо раствориться в "обдорских" массах, как пятак в "царской водке".

Однако это была лишь наметившаяся тенденция, время подлинной стабилизации еще не пришло. Дело в том, что в 80-х годах XX века настала пора включения локального глобализма России-Евразии в планетарный глобализм формирующе-

гося Нового мирового порядка. Это включение органично вытекает из самой сути евразийства с его провокационной идеей о "всечеловеческом единстве, на пути к которому евразийская общность является определенной эволюционной ступенью" («Национальная демократия», №1, 1996).

Для вхождения в "мировое сообщество" потребовался демонстративный отказ от коммунистической ортодоксии, что в свою очередь повлекло за собой распад Советского Союза в 1991 году. Члены Политбюро, перекрасившись в националистов и став легальными сверх-собственниками, осели в своих вотчинах: Шеварднадзе в Грузии, Назарбаев в Казахстане, Алиев в Азербайджане, Кравчук на Украине. Россия же досталась их товарищу по партии Ельцину.

***

Распад СССР стал очередным историческим шансом для русских. Это был миг "безвременья", подобный тому, когда на табло электронных часов зияют четыре полуночных нуля. Пресловутый развал Союза с русской точки зрения представлял собой освобождение белого населения центральных регионов от колониального гнета азиатских окраин, пухших на дотациях и дававших основной прирост населения Союза, который *генетически* превращался в страну азиатов. Русским надо было не терять времени, воспользоваться очередной "пересменкой" и *развалить РСФСР* — этот усеченный вариант России-Евразии. Кажется, еще летом 91-го Ельцин в целях привлечения на свою сторону региональных элит, призвал субъекты федерации брать суверенитет в любом объеме — "сколько переварите". Более того: в одном из предвыборных выступлений "ЕБН" допустил возможность образования даже нескольких *русских республик*. То есть впервые за много столетий публично, пусть и в спекулятивных целях, прозвучала идея создания собственно русской государственности, т.е., по существу, идея *выхода русских из Евразийского Проекта*.

Однако оппозиция не оценила эту возможность и, вдохновляемая евразийской газетой «Завтра», стеной встала на защиту "единой и неделимой". Патриотическое движение, весьма раздробленное и пестрое, в целом свелось к двум своим разновидностям: советско-державной, сталинистской и православно-монархической, имперской; причем обе они на-

ходятся в идеологическом поле Проекта, а значит заведомо противны русским интересам, что и показали московские события октября 1993 года. Тогдашнее сочетание черно-желто-белых, царских знамен с красными флагами было, по сути, вполне органичным. Той осенью русские пытались воспрепятствовать вполне законному браку России-Евразии с Новым мировым порядком. В ходе московского восстания остатки активных белых людей, "защищая родину" под провокативным руководством чеченца и полуеврея (убежденных евразийцев!), в действительности героически отстаивали лишь старую модель своей Евразийской Тюрьмы, которую непотопляемая номенклатура слегка *перестраивала* для включения в Планетарный Тюремный Комплекс, возводимый азиатами с Уолл-Стритт. У стен Белого дома русские патриоты сражались за "великую Россию", "за СССР" — против Нового мирового порядка; т.е. за локальный, евразийский глобализм — против глобализма мирового; за "континент" — против "планеты". *Но только не за собственно русские интересы, не за себя*.

Лишь немногие русские идеологи (в основном, националисты-западники) осмелились замахнуться на "аксиому" великодержавия и высказать мысль, "что может быть было бы лучше построить десяток-второй маленьких русских государств...". Почему "десяток-другой"? Да потому, что русский народ уже давно не един — ни в плане территории, ни в плане сознания. Мы разбиты на региональные субэтносы. Психологически и даже физиологически, скажем, сибирские русские совсем не похожи на европейских русских. Единственное, что их объединяет — это язык и цвет кожи. Москва в сознании сибиряка занимает примерно то же место, что и Луна, а вот Екатеринбург воспринимается им как реальная столица. Франкоязычные швейцарец и бельгиец связаны меж собой гораздо теснее, чем русский калужанин с русским красноярцем, хотя последние живут в одном государстве. В настоящее время русские — это рассеянное на огромных пространствах, разобщенное белое население, лишенное даже единого самосознания. Более того: и в прошлом русские были, скорее, конгломератом субэтносов, объединенных присягой царю и формализованным православием.

Наши реальные выгоды от образования суверенных русских республик таковы: "Создание новых видов безъядерно-

го оружия массового поражения и компактного высокоточного оружия снижает роль географического пространства и численности народонаселения той или другой страны. В экономическом плане не наличие сырья, а владение ультрасовременными технологиями определяет потенциал государства". Пример — высокоразвитая Япония, не обладающая ни достаточной сырьевой базой, ни большой территорией. Идея "великой России" — это своего рода "кукан", при помощи которого евразийская нерусь держит русских "на крючке".

Далее. "При распаде федерации сразу снимается бремя внешнего долга. Свыше 100 миллиардов (*цифра на 1996 г. — А.Ш.)* безнадежно зависают, так как вряд ли найдется кто-либо (решившийся как в свое время Россия, взявшая на себя все долги СССР) отвечать за весь долг (*рвется проклятая "связь времен", сжигается историческая "карма" — А.Ш.*). Автоматически исчезнет искусственно созданный кризис неплатежей. Резко увеличится сбор налогов, так как каждое новое государство будет, как Татарстан, собирать налоги для себя, а не для федерального центра. Начнется ревизия первого этапа приватизации, увеличивающая долю собственного коренного населения, а не "дяди со стороны". Появится реальная возможность отказаться от невыгодных международных договоров и ряда норм международного права. Стремиться войти в ООН не обязательно. Швейцария членом ООН не является, но комплекса неполноценности от этого не испытывает... При разумной координации своей внешней политики новые русские государства смогут обеспечить ее большую эффективность, чем одна большая страна. ЕС — тому яркий пример. Отсутствие единого центра разрушит создававшуюся веками вотчинную систему власти и иждивенческую "семью народов". "По сути необходимо провести еще одну "политическую приватизацию", в рамках которой русские, наконец, как и другие нации получат собственность в виде своих национальных государств" («Атака»).

Таким образом, прозвучала национально-освободительная идея *русского сепаратизма, способная взломать ледяные наросты Проекта и освободить энергию Белой Революции.* И ее главным противником стал не режим, а массовое сознание самих же русских, которых цветные хозяева Евразии веками зомбировали сказками об "имперском величии", о "необъят-

ной родине" — с целью наиболее эффективной эксплуатации "белых рабов". В течение столетий великодержавие было навязано в качестве синонима русскости. Для подавляющего большинства русских *национальное* стало отождествляться с *имперским и государственническим*. А ведь достаточно одного взгляда на российскую историю, дабы понять, что огромная территория с ее богатствами не сделала русских богаче, а всесильная государственность — более сильными. Эти пространства, богатства и сила — *не наши и не для нас*. Жалеть о них нечего. Расставшись с ними, мы не потеряем, а освободимся, вырвемся из Евразийской Тюрьмы. Русским самое время задуматься: что *нам* всегда было *выгоднее* — бескрайняя, отчужденная от нас вампирическая держава, или компактное (максимум до Урала) нормальное европейское государство с жесткими казачьими границами на юге и востоке? Русскому, думающему о своем роде, а не о "Третьем Риме", "империи", "континенте" ответ очевиден. Это всевозможным "ханам и "каганам" нужно " "евразийское пространство", населенное народушкой, который они всегда готовы недорого подпоить, народушкой, который они методично истязали, убивали, втаптывали в грязь..." («Атака» № 81). Заложники Евразии, русские, за исключением новгородцев, еще не были нацией, т.е. народом-субъектом. *Только на основе сепаратизма начнется подлинный национальный генезис русских*.

Националисты-западники воскресили дух Новгорода, показав тем самым удивительную живучесть расовых архетипов (русский *архетип* — это сепаратистский Новгород, великодержавная Москва — это навязанный *стереотип*). Соответственно, вновь решительно заявил о себе и исконно русский, т.е. новгородский гено- и психотип: "...высшая степень русскости — нордичность. Только осознав себя составной частью северного человечества, мы сможем осуществить возврат к истокам, осознать свою русскость. Всякие апелляции к православию, к славянству, к марксизму уводят прочь с этой дороги... Для поддержания уродливой российской государственности русским не давали осознать свое собственное лицо — облик нордического народа. Как трудно объяснить теперь массовому сознанию, почему в раннем средневековье византийцы путали русов со шведами, а не со славянами, а финны до сих пор Швецию называют Руссией? Почему русские (*вернее,*

их наиболее качественная часть — А.Ш.) такие индивидуалисты, ведь в книжках же сказано, что должны быть коллективистами? Для того, чтобы выжить и стать нацией, нам необходимо побороть все эти химеры общественного сознания и вспомнить, что Русский Дух — это Дух Севера!.." "...исходная геополитическая формула русо-венедского архетипа это Север + Запад, а не Восток, как утверждают евразийцы, и не Север + Восток, как утверждают современные русские националисты-имперцы" («Национальная демократия», №1).

"Россия *(точнее, конфедерация русских республик — А.Ш.)* должна стать составной частью Западной цивилизации. Наиболее легко в нее войдет Северо-Западная и Центральная Россия, выходцы из этих регионов должны стать ядром будущей русской буржуазной нации" (там же). Эти же регионы прежде всего смогли бы составить *независимое, германофильское* Русское государство со столицей в Петербурге. Это и была бы аутентичная *Великая Русь* — великая не размерами (хотя они, по европейским меркам, совсем не малы), а своим культурно-расовым качеством. Она стала бы головным, наиболее сильным и перспективным членом Русской конфедерации. Важно отметить, что государственный строй, наиболее адекватный Великой Руси — *национальная демократия*. А. Дугин, основываясь на хронике "Ура-Линда", утверждает, что "фризам" (арийцам) свойствен "дух свободы" (как политической, так и религиозной), в то время как "финны" ("азиаты") являются приверженцами "иерархии", "порядка", "дисциплины" (в том числе и в сфере религии), поддерживаемых при помощи "развитого репрессивного аппарата". При этом, рассуждая в контексте российской истории, А. Дугин признает, что "в некоторых землях Руси — в частности, в Новгороде, и вообще на Севере — "фризская" модель укореняется довольно глубоко и прочно". Однако "собственно Россия", формировавшаяся под решающим влиянием монголов, "окончательно избрала" "финский" тип («Мистерии Евразии»).

Конфедерация русских республик во главе с Великой Русью могла бы в перспективе стать плацдармом новой белой колонизации, основанной на интеллектуальном и технологическом превосходстве. Т.е. проще говоря, стать ядром нормальной, современной, неоколониальной Империи.

***

Однако, как уже было сказано, идеи русского сепаратизма натолкнулись (и продолжают наталкиваться) на “финские” стереотипы русского же сознания, на номенклатурно-евразийское засилье в патриотических верхах, на противодействие Кремля и, вероятно, “мирового сообщества”, заинтересованного в распаде России “больше на словах, чем на деле” («Атака»). Принятие Конституции 1993 года ознаменовало триумф подновленной России-Евразии в виде “Российской Федерации”. Принцип “бублика” вновь восторжествовал.

“В Конституции нет ни слова о русских хотя бы на уровне малого этноса. Россию вообще, оказывается, создал “многонациональный народ” *(вспомним “многонародную нацию” евразийца Н. Трубецкого — А.Ш.)* и далее перечислены все, *кроме русских*, которых в России более 80%, но которые не являются субъектом права, поскольку о них нет упоминания в Конституции. Следовательно, политическое *рабство русского народа закреплено конституционно...*

В докладе департамента политических проблем фонда “Реформа” говорится, что “русские стесняются своего государства”. СВОЕГО государства русские не стесняются — *своего* государства у них просто *нет.* Можно сказать даже более, хотя это и кажется нелепостью: Россия никогда (за исключением Новгорода) не была русским... государством, поскольку никогда не выражала интересов русского народа. Русские привлекались к управлению государством только потому, что не были нацией и не представляли ее интересов”,— пишет Н. Островский («Святые рабы», М., 2001).

Далее он цитирует Р. Перина: “В советской *интернациональной* России русский народ имел самый низкий уровень жизни, а в “демократической” России его уровень жизни стал еще ниже”. Сейчас в России “прирост населения фиксируется только в республиках: Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Тува, Алтай, Саха (Якутия), Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. В то же время устрашающими темпами вымирают люди в Новгородской, Ивановской, Псковской, Рязанской, Тверской, Тульской и Ярославской областях *(“безнациональные русские области” — А.Ш.)*” («Психология национализма», С-Пб, 1999).”В целом по России *ежегодное* снижение числен-

ности населения состоит из снижения численности русского населения до ***1,5*** *миллиона* человек и прироста населения прочих национальностей — ***700-800*** *тысяч* человек" (Н. Островский, «Святые рабы» М., 2001). По мнению русских аналитиков, к 2050 году население России составит 94 миллиона человек, причем подавляющим большинством — 65 миллионов — будут всевозможные азиаты, русских же останется не более 29 миллионов («Эра России», № 1(55) 2001). Как и Советский Союз, Российская федерация превращается в генетически азиатскую страну.

При этом входящие в РФ "обдорские" нацобразования, по примеру СССР, имеют всевозможные налоговые льготы, как, например, Татарстан. Нетрудно понять, что это просто новая, исторически адекватная, *форма дани,* веками сдираемой с "белых рабов". Поэтому ясно, почему в окружении президента Шаймиева, где, по словам А. Дугина, царят государственнические настроения, Российскую Федерацию рассматривают как "продолжение Золотой Орды". В глубокой обоснованности такого взгляда сомневаться не приходится. Н. Островский констатирует, что "ордынско-имперский принцип организации государства сохранился до сих пор".

А немереные суммы на "восстановление Чечни"? Разве они не являются официальной данью, которую нищие русские села и военные городки выплачивают горским азиатам и московским ростовщикам? Впрочем, взимается и неофициальная. Типичный случай из недавнего прошлого: в эпоху чубайсовской "прихватизации" чечены прикупили деревообрабатывающий комбинат в одном из уголков многострадальной Тверской области. "Вот и пашут теперь мужички за копейки или просто за водку на наглых басурман, оттрохавших себе трехэтажные особняки. А неподалеку — покосившиеся русские избы... Гибнет народ, гибнет лес который изводят под корень "черные"... " («Казачій Спасъ», №3(4), 1996).

Но жив еще русский дух, а точнее, русские гены: "В ночь с 9 на 10 мая *(1998 г. — А.Ш.)* в городе Удомля Тверской области вспыхнуло народное восстание против кавказских пришельцев, завладевших не только большинством ларьков, но и самыми крупными городскими магазинами, в том числе торговым центром "Русь" (это ли не издевательство?). Искрой, зажегшей пламя давно копившегося возмущения стало хамское

поведение азербайджанца, грубо приставшего к русской девушке. В результате состоялась настоящая битва русских с "черными". Разгневанные удомельцы разнесли все ларьки и магазины кавказцев. 14 мая состоялся массовый митинг, на котором русские люди потребовали выселить всех "черных" из города..." («Я — Русский», №9(12), 1998). Как видим, события почти детально воспроизвели антитатарское восстание тверичей в 1327 году. Такой же, как и шесть веков назад, была реакция власти и церкви. Первая, в лице директора Калининской АЭС, расположенной рядом с Удомлей, заявила, что "розни в городе мы не допустим" и пригрозила вызвать для усмирения русских московский спецназ (какую-нибудь *дивизию имени Ивана Калиты*). Вторая, в лице митрополита Кирилла (Гундяева), осудила удомельский бунт как одно из проявлений "межрелигиозной и межнациональной розни" (напомним, что в 1327 году церковь пригрозила псковичам отлучением за укрывательство тверского князя Александра, не сумевшего удержать свой город от мятежа). Остается лишь еще раз подивиться постоянству парадигм Проекта. Несколько столетий для него — не срок.

***

Нарастает расовая эрозия белого населения, прежде всего русских. Особенно это заметно в Москве, где уже взращен специфический евразийский тип, нечто черняво-буроглазое. "Нет, в России, в Москве особенно, фашизм невозможен, — удовлетворенно мурчит Лев Новоженов. — Москва — это Вавилон. Город всех, кто в нем живет" («Вестник ЕАР», №5(22), январь 1999). А кто же "в домике живет"? Кавказцев в столице проживает 1,5 миллиона, их количество за последние годы выросло в 10 раз, тогда как собственно население Москвы (прежде всего русское) сократилось на 2 миллиона. А ведь эти кавказцы еще и плодятся. Прибавьте татар, евреев, всевозможных "чухонцев", полукровок — и столицу вообще невозможно назвать русским городом (впрочем, строго говоря, она им никогда и не была). Нынешняя тюрко-семитская Москва — закономерный результат своей тысячелетней евразийской эволюции. Женившийся на степной красотке князь-основатель, чей памятник украшает московский центр, мог бы быть доволен: сейчас уже почти каждый москвич напоминает об-

ликом его сына. Вот так, православные: хотели Рим, а получился *Вавилон*, одна из зловещих "реторт" выведения сумеречной Антирасы, подобная Нью-Йорку и другим мегаполисам.

Оплакивающий "советскую родину" Аман Тулеев, будучи дублером Зюганова на президентских выборах 1996 года, рассчитывал, по его же словам, на голоса *40 миллионов* российских граждан смешанной крови. В том же году, освещая предвыборный визит Ельцина в Башкирию, комментаторы ОРТ отметили огромное количество смешанных браков в республике и "особую славяно-азиатскую красоту местных жителей". В Уфе Ельцина встретили театрализованным действием, в ходе которого исполнялась кантата *"Не русский я, но россиянин"* — путь "от Руси к России" *пройден*.

"Особую славяно-азиатскую красоту" нередко можно наблюдать и в центральных областях, не говоря уже о Поволжье, Оренбуржье, или о более восточных регионах. Будучи в Саратове, автор этих строк был свидетелем эпизода, когда двое приезжих с обычным европейским обликом были сразу же "опознаны" аборигенами как "не местные": "Вы, ребята, наверное с Севера, поморы". Нормальный русский генотип воспринимается как экзотика. Кстати, о поморах. "Недавно я побывал на Севере, там, откуда я родом, провел там две недели..., — рассказывает в своей книге А. Паршев, — Прежних жителей — поморов — почти нет..." Зато в изобилии приезжие "из России", благо бы еще белые люди, а ведь есть и такие, "у кого дед — китаец, у кого негр" («Почему Россия не Америка», М., 2000).

***

Помор-негроид! Гримаса торжествующей Неруси. Развитие евразийских пропагандстских големов шло от канонизированных татарских царевичей к кинофильмам типа «Цирк» (арийка Орлова с черным дитенышем на руках), «Свинарка и пастух» (русско-кавказская любовь), а далее — к нынешним рекламным щитам с обязательным сочетанием черной и белой плоти. Кстати, бросается в глаза абсолютная идентичность евразийской и "мондиалистской" пропаганды: так, расхожим голливудским штампом стала черно-белая полицейская парочка или целый афро-арийский коллектив, как, скажем, в сериале «Скорая помощь». Очевидно сходство расовых процессов

в России-Евразии и в США. Если в России открыты пути наплыву в русские регионы кавказцев, то в Америке стимулируется внутренняя экспансия негров и метисов. Лидер американских правых Д. Дюк говорит об этом так: "В 60-х годах 90% населения Америки составляли белые. Сейчас эта цифра снизилась до 70%, а через 20-30 лет мы потеряем контроль, потому что число враждебных этнических групп увеличится, и они станут гораздо сильнее. Это огромная беда для белых. И такая же ситуация сложилась в Европе и России" («Я-Русский», № 58, 2000). (О тюрко-семитской Москве я уже писал. Германские же города наводняют турки, Париж — негры и арабы, Лондон — негры... За европейские клубы вовсю играют чернокожие футболисты, а телекомментаторы именуют их "французами", "итальянцами", "голландцами"...)

В свете сказанного пресловутая "война континентов" оборачивается очередным евразийским мифом. Мы видим гибельный глобалистский процесс, захвативший всю белую расу. И Россия, и Америка — это "евразийские" страны, если под евразийством понимать то, чем оно и является по сути*: идею максимального растворения белого населения в цветной биомассе с целью доминирования последней*. Причем до недавнего времени мировым лидером этого *цветного* глобализма была *Россия*, как прямая наследница Византии, Хазарии и Монгольской империи (существует и *белый* глобализм, в качестве примера которого можно назвать Древний Рим, но это отдельная тема). До гражданской войны 1861-65 гг., и даже до 60-х гг. XX века Америка оставалась достаточно консервативной белой страной, гораздо более далекой от модели "многоплеменного котла", нежели Россия, "кипевшая" и "булькавшая" к тому времени уже почти тысячу лет (скажем, фильм типа «Цирка» в те же 30-е годы в Америке был бы, скорее всего, немыслим). Кстати, именно Россия подтолкнула Америку к этой модели, решительно поддержав Линкольна в его борьбе с белым Югом. И эта поддержка продиктована не столько либерализмом "царя-освободителя", сколько цветной, идущей еще от князей-основателей, генеологией России-Евразии (да и как было не поддержать "бедных негров", если главный поэт России — "арапчик", памятник которому был открыт в Москве именно тогда, при Александре II). Эта же цветная генеалогия определила и антигерманскую позицию России-Евразии в Первой и

Второй мировых войнах, и послевоенную советскую поддержку "народов Азии и Африки", все эти гневные заявления Москвы о "положении в ЮАР" и т.п. Именно Россия-Евразия (в союзе с поцветневшей Америкой) внесла решающий вклад в победу 1945 года, после которой для белого человечества наступили сумеречные времена. Вообще Россия, с цикличностью маятника веками воевавшая с Европой — это злой гений белой расы, действительно некая "империя зла", в чреве которой зреет неведомо какое дитя тысячелетнего Проекта — возможно, более ужасное, чем на Западе, где межрасовая содомия началась сравнительно недавно, после 45-го года.

***

Киев воспользовался распадом СССР и пытается вернуться в европейскую историю. Видимо, украинское сознание менее изуродовано евразийским государственничеством, чем сознание великорусское. К тому же украинцы все же обладали протогосударством, в отличие от великороссов, зависших в своих "безнациональных областях". В независимой Украине пробудился изначальный *козачий* ("фризский") архетип, наиболее полно выраженный в орденском феномене Запорожской Сечи; резко возрос интерес к наследию Киевской Руси, а также к древнейшему арийскому прошлому (см. работы Ю. Шилова) — в общем, налицо пробуждение, казалось бы, навеки уснувшего домонгольского киевского архетипа. Идеологи новой Украины всячески подчеркивают ее принадлежность к Европе и не скрывают своего германофильства, которое явно проступает в стилистике украинских радикалов, например, УНА-УНСО. К сожалению, европеизм современных козаков порой принимает провинциально-опереточные формы, а резкий антимосковизм (сам по себе вполне оправданный) приводит их, европейцев, даже под зеленые знамена горских азиатов. Кроме того, живые национальные украинские силы так и не сломили номенклатурную властную монополию, сохранившуюся во всех республиках бывшего Союза, за исключением, кажется, Прибалтики.

Вообще, с расовой точки зрения, сепаратизм прибалтов и украинцев гораздо ценнее, чем промосковская, державническая лояльность тех же белорусов. Демонстрация латвийских ветеранов-эсэсовцев неизмеримо живительнее для русско-

го сознания, чем совковый "батька Лукашенко" с его "священной памятью" о "партизанских кострах" и заклинаниями о "славянском братстве".

Плохие отношения русских с прибалтами (я говорю о белых — о латышах и особенно литовцах, "чухонцы" меня мало интересуют) стали притчей во языцех. Как дико это ни звучало бы для наших патриотов, но я возложил бы основную долю ответственности за эту вражду на нынешних прибалтийских русских. Они получили от еврейских СМИ прозвище "русскоязычные", но что характерно, и патриот Невзоров дал им столь же безликое, хотя и пафосное, наименование "НАШИ" — выступающие под красными флагами советского интернационализма, они и не вправе именоваться русскими. Забыв свои европейские корни, прибалтийские *"наши"*, эти "белые рабы" Евразии, почти никогда не имевшие своего, национального государства, они, тем не менее, хотят воспрепятствовать становлению национальной государственности братьев по расе, их возвращению в Европу — и при этом обижаются, когда сталкиваются с ответной неприязнью и даже ненавистью. А ведь их воспринимают просто как агентов влияния восточной азиатской махины. Сами обезличенные, они хотят обезличить и других: прожив десятилетия в той же Литве (Литовская Русь — наша родная сестра!), "наши" умудрились не знать ее языка, истории, культуры. И вносят лишь разложение в еще сохранившийся нормальный европейский уклад, как это было когда-то в захваченных московитами Пскове и Новгороде...

«Союз нерушимый...» (Проект исполнен?)

Идеологическая мимикрия, вызванная превращением партноменклатуры в класс собственников, поначалу поколебала культ "Матери-Родины" с его "священной памятью" о Войне. Однако уже в 1995 году ельцинская Россия пышно, на государственном уровне отпраздновала 50-летие "великой победы". Хозяева Евразии, поделив "общенародную" собственность, вспомнили, сколь важны патриотические стереотипы в деле манипулирования русской массой. Победа, чью роль в судьбе Проекта невозможно переоценить, не могла не восстановить свое место в системе фетишей России-Евразии. Кроме того, евреи, на волне перемен вновь ставшие влиятель-

ной частью евразийского элитного слоя, прекрасно сознавали, что в ходе Войны решался вопрос об их биологическом существовании. Заслуженные "гои" опять публично зазвенели медалями.

Ключевое значение в восстановлении культа "Матери-Родины" возымела, конечно, Чеченская война, спровоцированная Москвой в декабре 1994 года и идущая по сей день. 50-летие победы "взошло", таким образом, на почве, обильно политой очередной порцией жертвенной русской крови. Москва сначала вскормила Чечню, а затем бросила против нее белобрысых солдат-первогодков — во имя "единой и неделимой". Причем кремлевские посткоммунисты "прекрасно знали, что 70% населения Грозного составляют русские, однако ж, бомбили, бомбили — своих же русских... Только своих ли?" («Атака» № 81). Ловкие столичные "политтехнологи" превратили эту войну, примиряющую "белых негров" с Кремлем, в *главный фактор стабильности современной России-Евразии*. Русский национализм, подогреваемый "южным фронтом", умело направляется "пиарщиками" в государственническое, "имперское" русло. Не секрет, что президентское кресло Путину купили "белые негры" в хаки, ценой своей крови обеспечив "преемственность власти" на евразийских "плантациях". Избрание Путина показало: русские полностью находятся в плену "державных" стереотипов и почти не сознают своих подлинных, *национальных* интересов.

Русским Чеченская Война не нужна. Ее пламя рождает не "истинного русского", как думают некоторые националисты, а нечто совсем противоположное. А. Дугин знает, что говорит: "Эта чеченская война — мать нового *евразийского человека*, нового *россиянина*. Преданный Государству и народу... *(выделено мной — А.Ш.)*" («Завтра», март-апрель 2000 г., №13(330)). Короче, мать нового москвитянина или совка, для которого Государство — непременно с большой буквы! — стоит на первом месте, а некий безликий "народ" — где-то на втором. В действительных интересах русских было бы проведение укрепленной границы по Тереку и выдача оружия казакам. В действительных интересах русских была бы забота об их биологическом выживании, а не о "цельности государства". Эта война нужна Москве — для политических и финансовых махинаций. Последней и самой масштабной из них стало приведение

к власти ельцинского ставленника — Путина. Характерно, что Вторая Чеченская война (1999), сделавшая Путина президентом, стала, как и Первая, прологом к очередному юбилею "великой победы" — на сей раз 55-летнему, причем "победу" праздновали через день после путинской инаугурации.

***

Фигура Путина знаменует исполненность Евразийского Проекта, чей тысячелетний цикл начался с Владимира и Владимиром же заканчивается. Это, конечно, не означает приближение непременного краха России-Евразии. Скорее наоборот, речь идет о наступлении неопределенно долгой стабильности, своего рода локального "конца истории". Проект вступил в фазу энтропийного равновесия его составляющих, что стало особенно очевидным после утверждения Путиным российской государственной символики, констатирующей неразрывную "связь времен". Тут вам и советский гимн, и двуглавый орел, и трехцветный флаг, и красное знамя для вооруженных сил (эта тенденция наметилась еще при Ельцине, который в день полувекового юбилея "победы" принимал парад, стоя на трибуне Мавзолея под сенью триколора; еще же ранее она проявилась в сталинской речи 7 ноября 1941 г.). Замерла внутренняя динамика Проекта, он закоснел, лишился творческого брожения и отныне будет рождать только постмодернистские компиляции, пусть и вполне логичные, как в случае с госсимволикой. Кстати, гимн, текст которого изрядно отредактировал все тот же С. Михалков, приобрел законченно евразийское звучание. Никаких упоминаний о "великой Руси" в нем на этот раз нет, а вот "братская семья народов" в наличии. Да и Путин постоянно твердит евразийский символ веры: *"Многонациональный народ России"*, при том, что русские в РФ составляют свыше 80% населения. Однако президент, как и подобает истинному хозяину Кремля, белое большинство "в упор не видит" (хотя очередное декоративное русофильство не исключено).

Тюрко-семитский Проект "Россия" исполнен. Восстановленный в бетоне храм Христа Спасителя высится в двух шагах от Мавзолея — теперь уже, видимо, вовеки неприкосновенного. (Это два равновеликих балансира Системы, и не случайно, что в периоды антимавзолейных кампаний из окошка ХХС

доносились призывы "не раскачивать лодку".) В мирном и теперь уже, вероятно, вечном соседстве друг с другом парят над евразийской столицей золотые православные кресты и красные пятиконечные звезды. Символы и святилища христианства и коммунизма — двух глобалистских расово однородных доктрин, определивших судьбу Евразии — органично дополняют друг друга. Византийско-ордынский и хазарский компоненты Проекта, наконец-то пришли в устойчивое равновесие. Православный Путин, дитя Лубянки, и по сей день увешанной портретами большевика "Феликса", пьет кумыс в Казани, "гасит" одиозных евреев типа Гусинского и Березовского и при этом дружит с Хазановым и Райкиным, толкает речи перед пейсатыми массовками и... провозглашает тосты за Сталина. Ответ на наивный вопрос, которым мучаются и патриоты, и демократы: "Кто вы, президент Путин?" весьма прост: Путин — это конечный продукт Евразийского Проекта, вышедший из реторты его сокровенной лаборатории — Лубянки (не случайно чуткий А. Дугин отозвался на избрание ВВП статьей о "континентальном КГБ"). Путин несет в себе посвящение опричнины и ЧК, всю тысячелетнюю карму России-Евразии. Он — воплощенная евразийская энтропия и, следовательно, окончательная *русская смерть*.

Энтропия опочила и на верной служанке Проекта — "Русской" православной церкви, получившей за свои труды на ниве порабощения русских уютный статус эдакого "министерства духовного возрождения" (МДВ), как и в золотые времена Орды, имеющего определенные льготы и автономность. Раззолоченная и набеленная, пустотелая и гулкая, РПЦ механически отрабатывает "линию" на "мир и согласие", дважды в год выдавая порцию монотонно-слащавого морализаторства и трупного богословия в виде патриарших посланий. Батюшки деловито мелькают в школах и воинских частях, в банках и на телеэкранах, органично заполняя христианством опустевшую нишу пролетарского интернационализма. Попы все более картаво твердят о "россиянах", об "обществе" — но только не о русских.

Русские... Перефразируя Д. Галковского — европейцы, втянутые в азиатскую историю. Их великая усталость царит на просторах России-Евразии. Слишком много сил, времени, Крови они отдали чужим идеям, чужим властителям, *чужому*

строительству. Многие мыслители, рассуждая о сроках исторического бытия этноса, называют тысячу лет. Похоже, русское тысячелетие истекло. Оно прожито *для чужих*. Мы принесли свое *национальное начало* в жертву молоху *Евразийского государства*. Выход у нас один: пока наша Кровь не испорчена окончательно, сплотиться вокруг немногочисленных активных арийцев — агентов Контрпроекта, рассеянных по лицу Орды-Хазарии-России, и начать борьбу за права *угнетенного белого большинства*. Необходимо забыть внушенное нам "чувство хозяина" "бескрайней родины" и увидеть свое реальное рабское положение. Русские должны психологически стать "чеченцами", усвоить жесткий менталитет борцов за свободу. Новые ушкуйники, убившие в себе московита — только они смогут стать *нацией или нациями* и вырваться из Евразийской Тюрьмы.

Вернуться от России к Руси.
К Европе.
К свободе.
К себе.

Октябрь 2000 — март 2001

Содержание

Отзывы и заказы на книгу
просьба присылать по адресу:
123056, г.Москва,
Большой Кондратьевский пер., д.4, кор.3, кв.4.
Тел. (095) 254-40-26

Широпаев Алексей Алексеевич
«ТЮРЬМА НАРОДА.
Русский взгляд на Россию».
М.:ООО «ФЭРИ-В», 2001, 144 с.
Лицензия ЛР № 066527 от 19.04.1999.